Московскаго Губернскаго
БИБЛІОТЕКА
Жандармскаго Управленія

Часть Кіи
АНО
Пров 49

MÉMOIRES DE DEBOGO

ВОСПОМИНАНІЯ

2 ин
Д

ВЛ. ДЕБОГОРІЯ-МОКРІЕВИЧА

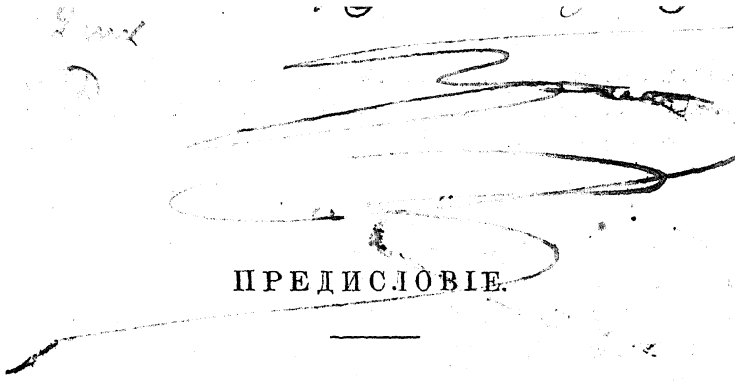
Выпускъ Третій

Московскаго Губернскаго
БИБЛІОТЕКА
Жандармскаго Управленія

PARIS
IMPRIMERIE JEAN ALLEMANE
51, rue Saint-Sauveur, 51

1898

„Пров 38“
„Пров 49“



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Съ выходомъ 3-го выпуска, я считаю свои „Воспоминанія“ оконченными. Разсказывать дальше — о моей заграничной жизни — не намѣренъ, покрайней мѣрѣ, въ настоящую минуту. Мнѣ хотѣлось разсказать только о томъ времени, когда я жилъ на родинѣ и самъ вѣрилъ во что-то.

Не придавая первенствующаго значенія въ нашемъ движеніи литературѣ — ни легальной, ни тѣмъ менѣе еще нелегальной, — а другимъ болѣе глубокимъ жизненнымъ факторамъ, я поэтому вообще мало говорю о ней. Мнѣ кажется, что она все время сама шла за движеніемъ и даже едва только поспѣвала за нимъ.

На сколько могъ, я старался разсказать о томъ, какъ произошелъ переходъ нашего движенія изъ одной фазы въ другую, хотя разсказъ мой, конечно, даетъ только блѣдное представленіе того, что совершалось. Но если мои „Воспоминанія“ и дають (если только, конечно, дають) хотя блѣдное представленіе того, какъ движеніе наше развивалось, то ужъ совершенно ничего не дають о томъ, какъ оно началось. Начинаю же я свои „Воспоминанія“ съ того момента, когда наше поколѣніе уже

находилось въ восторженномъ, приподнятомъ состояніи, которое собственно дало толчекъ всему. Чтобы поговорить о причинахъ этого восторженнаго состоянія, я долженъ былъ бы начать съ болѣе ранняго періода свои „Воспоминанія“, именно съ начала 60-хъ годовъ, такъ какъ, на мой взглядъ, освобожденіе крестьянъ и послѣдовавшія за нимъ крестьянскія движенія явились главной причиной всего. Тогда именно протекало дѣтство поколѣнія людей, ставшихъ потомъ революціонерами, и первыя дѣтскія впечатлѣнія легли основаніемъ всего послѣдующаго. Но въ такомъ случаѣ объемъ моихъ „Воспоминаній“ сильно расширился бы, а онѣ и безъ того вышли объемисты.

7 Января 1899 года.
Женева.

В. Дебогорій-Мокріевичъ.

225049

XXI

ПОСЛѢ КАЗНИ. — МЕЧТЫ О ВОЛѢ. ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ПРЕБЫВАНІЯ ВЪ КІЕВСКОЙ ТЮРЬМѢ. — ОТПРАВЛЕНІЕ ВЪ ССЫЛКУ.

Прійдя въ тюрьмѣ въ непосредственное столкновеніе съ нашими врагами, какъ мы ихъ называли, т. е. съ нашими чиновниками, я скоро почувствовалъ, что мои представленія о нихъ не совсѣмъ оказались вѣрны. Враги выходили на повѣркѣ не такими, какими я ихъ себѣ рисовалъ раньше. Военные судьи были блѣдны въ ту минуту, какъ выносили смертный приговоръ; глаза у нихъ были опущены въ землю, точно имъ стыдно было или они не смѣли смотрѣть въ глаза публикѣ. Особенно казался взволнованнымъ предсѣдатель суда, генералъ Слуцкій, читавшій приговоръ. Офицера, присутствовавшіе на казни, или точнѣе выражаясь, участвовавшіе въ казни (такъ какъ безъ войскъ казней не совершалось), потомъ дѣлились съ нами, заключенными, своими впечатлѣніями и, помню, рѣшительно всѣ возмущались казнью. Даже смотритель тюрьмы, повидимому совершенно огрубѣвшій человѣкъ, проводившій по долгу службы приговоренныхъ отъ тюрьмы до эшафота, и тотъ,

зайдя какъ-то ко мнѣ въ камеру, воскликнулъ: „Ну, видѣлъ же я всю процессію!... Проводилъ на смерть!... Не дай богъ другой разъ это видѣть!...“ Кромѣ Судейкина и Стрѣльникова, отвѣчавшимъ вполнѣ моему представленію о врагѣ, ни о комъ другомъ изъ окружавшихъ насъ чиновниковъ ничего выдающагося дурного нельзя было сказать. А большинство изъ нихъ были даже добродушные люди.

И тѣмъ не менѣе эти люди, въ душѣ далеко не злодѣи, совершили гнусное злодѣяніе, повѣсили другихъ людей. Кто-то изъ служащихъ, помню, сообщилъ намъ тогда, будто тотъ залихватскій маршъ, который насъ, заключенныхъ, такъ глубоко возмутилъ, приказалъ играть послѣ казни полицеймейстеръ Гюббенетъ. Но и это косноязычее существо съ воинственной осанкой было скорѣе глупое, чѣмъ злое. Блѣднѣя, надо полагать, отдавалъ онъ этотъ свой приказъ, неизвѣстно кѣмъ ему продиктованный (возможно даже и его собственной глупостью), и едвали онъ отдавалъ въ ту минуту ясный отчетъ себѣ въ своемъ поступкѣ.

Да, наши враги казнили насъ совершенно безъ гнѣва и даже безъ желанія, а просто исполняя приказаніе начальства. Но на злобнаго человѣка, въ родѣ Стрѣльникова, можно было хоть сердиться: это былъ хоть настоящій врагъ. Но что можно было сказать о человѣкѣ, совершавшемъ преступленіе съ грустью, болѣе того — съ нѣкоторымъ сочувствіемъ къ жертвѣ? Что можно сказать о мясникѣ, рѣжущемъ быка и этимъ способомъ зарабатывающемъ пропитаніе? „Вѣдь мы служимъ! Должны же мы исполнять предписанія начальства? У насъ есть жены и дѣти, — ихъ надо кормить.“ Такими соображеніями, очевидно, руководствовались и оправдывались передъ своей совѣстью и судьи, и офицеры, участвовавшіе въ казни, какъ оправдывался тѣми же соображеніями и нашъ тюремный смотритель. И рѣзали эти господа ради своего пропитанія не быковъ, а людей. Правда, это напоминало уже скорѣе ремесло разбойника, чѣмъ мясника. Да даже и съ разбойничьимъ ре-

месломъ нельзя было этого сравнивать; разбойникъ нападаетъ на свою жертву невзначай, ночью и при этомъ самъ рискуетъ жизнью. Здѣсь же и ри ку никакого не было, — для этого собралось ихъ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и все совершалось открыто при дневномъ свѣтѣ, словно во всемъ томъ, что совершалось, не было ничего преступнаго. Повторяю, эти мясники или добродушные злодѣи, какъ хотите, ихъ назовите, вовсе не представляли собою какихъ либо исключительныхъ людей. Нисколько! То были, очевидно, наши средніе россіяне, составлявшіе наше общество, можетъ быть, даже наше большинство. Вотъ кто такіе оказывались наши враги. Мрачная картина получалась въ конечномъ выводѣ!...

Я уже говорилъ какъ-то раньше, что до моего ареста мнѣ пришлось жить нелегальнымъ около шести лѣтъ (отъ 73-го до 79-го года). Само собою разумѣется, что укрывательство въ теченіи такого долгаго періода времени должно было отразиться на моихъ привычкахъ и развить у меня извѣстныя потребности и вкусы. Мнѣ стала нравиться эта безпокойная жизнь. Я любилъ „заметать слѣды“, испытывая совершенно особое наслажденіе при томъ, когда удавалось хитро какъ нибудь одурачить врага, преслѣдующаго меня. Въ теченіи шести лѣтъ мнѣ приходилось скрываться и бѣгать, и нѣтъ ничего удивительнаго, что, попавши въ тюрьму, я сталъ сразу думать тоже о томъ, какъ бы бѣжать.

Но насъ стерегли зорко на первыхъ порахъ; да и все то наше пребываніе въ кіевской тюрьмѣ оказалось непродолжительно. Событія быстро слѣдовали одно за другимъ. Выстрѣлъ Соловьева вызвалъ военное положеніе; по нашему дѣлу слѣдствіе велось скоро; наступилъ судъ, затѣмъ — казнь... Тутъ не было времени созрѣть серьезному плану побѣга. Да трудно было ему и родиться при тѣхъ обстоятельствахъ. Оставалось ограничиваться только желаніями, да еще пожалуй мечтаніями, принимавшими, по временамъ у меня по крайней мѣрѣ, самый фантастическій характеръ. Сидишь, бывало, у окна,

смотришь въ небо и жадно слѣдишь взоромъ, какъ пролетаетъ гдѣ нибудь высоко надъ тюрьмою голубь или ворона. Глядишь, заглядишься, размечтаешься... Вотъ если бы самому такъ же улетѣть!... Сидишь, точно въ какомъ то полуснѣ. И вотъ, летишь уже это ты, а не голубь, летишь безъ оглядки... Часовые снизу стрѣляютъ въ тебя... И жутко и хорошо вмѣстѣ! Или же вдругъ, незамѣтно для самого себя примешься фантазировать на тему „шапки невидимки", или чего нибудь въ такомъ родѣ. Вотъ ты проскользываешь мимо ключника изъ камеры въ корридоръ, а изъ корридора во дворъ и дальше. И такъ образно все это представляешь себѣ въ эту минуту, испытываешь такое острое чувство — будто все это и на самомъ дѣлѣ совершается съ тобой, а не одна твоя болѣзненная фантазія.

Нужно сказать, что камеры наши окнами выходили въ тюремный дворъ, и трудно было придумать что либо для побѣга. Помню, впрочемъ, въ самое первое время создался было у насъ слѣдующій планъ: вылѣзть на чердакъ, проломивши потолки въ камерахъ; оттуда по большой вентиляціонной трубѣ спуститься въ самый низъ зданія, въ подвалъ, откуда уже по какимъ то подземнымъ каналамъ (изъ отхожихъ мѣстъ, что ли, проведены были эти каналы) можно было выбраться, какъ утверждали знающіе люди, за тюрьму. Съ этимъ планомъ носились много Осинскій и Избицкій. Избицкій, какъ старожилъ тюрьмы (онъ былъ арестованъ значительно раньше насъ и въ 78-мъ году сдѣлалъ даже попытку къ бѣгству изъ кіевской тюрьмы вмѣстѣ съ Беверлеемъ, во время которой Беверлей былъ застрѣленъ часовымъ), Избицкій хорошо изучилъ постройку кіевскаго тюремнаго замка, планъ котораго, помню, какъ то рисовалъ мнѣ. Но затѣя эта была черезчуръ сложной уже потому, что предполагалось бѣжать не одному или двумъ, а нѣсколькимъ человѣкамъ за разъ; между тѣмъ многіе изъ насъ помѣщались въ нижнемъ этажѣ, и слѣдовательно приходилось дѣлать проломъ послѣдовательно въ трехъ этажахъ.

Трудно было придумать что либо для побѣга, и мало по малу среди насъ совсѣмъ затихли разговоры о побѣгѣ. Пришлось готовиться къ другому: обвинительный актъ былъ составленъ, — приближался судъ. „Намъ осталось одно — умереть съ достоинствомъ“, замѣчалъ, бывало, Брантнеръ, когда я пробовалъ поднимать съ нимъ бесѣду о побѣгѣ.

Но моя фантазія не унималась. Помню, долго еще занималъ мою голову планъ побѣга черезъ окно отхожаго мѣста. Окна отхожихъ мѣстъ и корридора, тянувшагося вдоль нашихъ камеръ, были обращены къ полю. Правда, отъ поля отдѣляла насъ еще высокая тюремная стѣна. Но разстояніе между этой стѣной и зданіемъ было незначительно. Пробравшись ночью въ отхожее мѣсто (что еще, пожалуй, возможно было осуществить), отсюда изъ окна пришлось бы спускаться черезъ стѣну въ поле не иначе, какъ по веревкѣ, которую тамъ долженъ былъ кто либо укрѣпить. Планъ оказывался тоже сложный и требовалъ внѣшней помощи, не говоря уже о главномъ препятствіи, именно о томъ часовомъ, который, какъ кажется, ходилъ со стороны поля. Но жажда воли была такъ велика у меня въ ту минуту, что не смотря на всю видимую несбыточность этого проэкта, я долго его лелѣялъ въ своей головѣ.

Послѣ казней въ кіевской тюрьмѣ мы пробыли не долго. Мы не знали, куда насъ сошлютъ; а такъ какъ раньше политическихъ каторжанъ отправляли обыкновенно въ централки Харьковской губ., то мы предполагали, что и насъ ожидаетъ та же участь.

Для себя лично я ничего страшнѣе одиночки не могъ представить. Одиночка рисовалась моему уму просто такимъ гробомъ, если, можетъ быть, и нѣсколько просторнымъ для того, чтобы въ немъ задохнуться, то вполнѣ достаточнымъ, чтобы свести съ ума. И потому, когда прошелъ слухъ о томъ, что насъ отправляютъ на островъ Сахалинъ, а не въ харьковскія централки, то я искренно обрадовался этому. Въ общихъ чертахъ я былъ знакомъ съ положеніемъ ссыльно-каторжныхъ въ Сиби-

ри. Мнѣ было извѣстно, что тамошнія тюрьмы были менѣе благоустроены и не могли конкурировать съ усовершенствованными тюрьмами Европейской Россіи; что заключенныхъ стерегли тамъ не столько люди и тюрьмы, сколько окружающая дикая природа, — и я надѣялся бѣжать. Этой первобытной сибирской природы я меньше всего пугался; болѣе того, она меня къ себѣ манила. Я не поколебался бы, кажется, пуститься въ странствія по лѣсамъ или уплыть на плоту по теченію рѣки, какъ это дѣлаютъ бродяги. Я ощущалъ въ себѣ присутствіе силъ для этого, такъ какъ былъ достаточно выносливъ къ физическимъ лишеніямъ; но было во всемъ этомъ и большая доза идеализаціи и ошибочнаго представленія: сибирская тайга рисовалась моему воображенію иначе, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ; и трудности, и препятствія, какія она могла и въ дѣйствительности должна была представить бѣглецу, хотя и приходили мнѣ на умъ, но совершенно сглаживались и исчезали на томъ общемъ фонѣ романтическаго характера, въ который окутывала ее моя тюремная фантазія. Именно „романтическаго“, я другого слова и подобрать не могу для опредѣленія того остраго до боли чувства, которое вызывалось во мнѣ всякій разъ, когда я, сидя въ тюрьмѣ, принимался, бывало, мечтать о дикомъ лѣсѣ; съ нимъ неразрывно связано было у меня представленіе и о свободѣ. И какъ заманчивы, и какъ мучительны вмѣстѣ съ тѣмъ были эти мечты! Трудно даже охарактеризовать ихъ; но они близко походили на чувство влюбленности; точно я мечталъ не о лѣсѣ, а о какомъ нибудь любимомъ человѣкѣ, съ которымъ находился въ разлукѣ.

Путешествіе въ Сибирь, хотя бы по этапу, вполнѣ отвѣчало моему тогдашнему настроенію. Однако точныхъ свѣденій о мѣстѣ ссылки мы все еще не имѣли. Слухи объ отправкѣ на островъ Сахалинъ, распространившіеся было вначалѣ, скоро затихли. Власти держали свое рѣшеніе въ секретѣ до послѣдней минуты.

Какъ бы тамъ ни было, но мы принялись готовить-

ся къ далекому путешествію. Думая о бѣгствѣ съ дороги, я сталъ хлопотать о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ вещей и прежде всего сапогъ: арестантскіе коты могли сильно мѣшать при побѣгѣ. Между тѣмъ мы, лишенные всѣхъ правъ, согласно инструкціи, не могли имѣть собственной одежды; вся она должна была быть казенная, положенная по уставу. Поэтому только съ помощью докторскаго свидѣтельства я получилъ право носить высокіе сапоги и, понятно, тотчасъ этимъ правомъ воспользовался. Другихъ вещей мнѣ тогда не удалось завести и только уже потомъ, въ дорогѣ, я пріобрѣлъ еще одну цвѣтную рубашку и пару штановъ изъ сѣрой лѣтней матеріи. Второй предметъ, или, вѣрнѣе, первый и самый необходимый для побѣга, — были, само собою разумѣется, деньги. Постоянные обыски, которымъ насъ подвергали, заставили насъ серьезно позаботиться о томъ, куда ихъ прятать. Зашивать ихъ въ нашу арестантскую одежду не имѣло смысла, такъ какъ эту одежду могли внезапно перемѣнить, что на самомъ дѣлѣ и сдѣлали въ моментъ нашей отправки. Поэтому мы запаслись маленькими костяными цилиндриками, которые и прятали внутрь собственнаго тѣла. Эти полые цилиндрики или, какъ мы ихъ называли, „суслики“ сослужили намъ неоцѣнимую услугу: съ помощью ихъ намъ удалось провести въ Сибирь нѣкоторое количество денегъ и небольшія пилочки, складныя, особенной системы, которыя, какъ мы надѣялись, могли оказаться нужными для выпиливанія желѣзныхъ рѣшетокъ.

Наканунѣ отправки, помню, вызвали меня въ тюремную контору на свиданіе съ братомъ Иваномъ, пришедшимъ проститься со мною, такъ какъ „на волѣ“ кто-то изъ жандармовъ сообщилъ ему о нашей скорой отправкѣ. Тюремный смотритель, выходившій обыкновенно въ сосѣднюю комнату во время нашихъ свиданій (чтобы не стѣснять своимъ присутствіемъ) и въ этотъ разъ оставилъ насъ однихъ, и Иванъ, пользуясь случаемъ, передалъ мнѣ сторублевую ассигнацію. Помню, когда я ее бралъ у него, я бросилъ взглядъ въ открытую дверь,

и мои глаза встрѣтились съ глазами смотрителя, стоявшаго въ глубинѣ второй комнаты и слѣдившаго оттуда за нами. Онъ тотчасъ отворотился къ окну; то была хитрость съ его стороны, чтобы потомъ легче было ему меня накрыть. Нѣкоторое время я даже колебался, думая возвратить деньги Ивану, но затѣмъ рѣшился рискнуть и оставилъ ихъ у себя. Когда Иванъ ушелъ, смотритель позвалъ конвойнаго и, подойдя ко мнѣ, замѣтилъ: „Ну, раньше чѣмъ васъ отведутъ въ камеру, я долженъ васъ обыскать".

— „Сдѣлайте одолженіе!" отвѣтилъ, я стараясь быть по возможности развязнѣе, и, запахнувъ лѣвую полу своего халата на правую, я вдругъ поднялъ обѣ руки вверхъ и разставилъ ихъ въ стороны, отдаваясь, такимъ образомъ, всецѣло въ распоряженіе смотрителя. Я видѣлъ, что онъ не сомнѣвался въ томъ, что я спряталъ деньги. На мнѣ были надѣты полотняные штаны и рубаха, а сверху арестантскій халатъ. Обыскать было совсѣмъ не трудно; и вотъ смотритель, согнувшись возлѣ меня, принялся пальцами шарить по всѣмъ швамъ моей одежды. Онъ обыскалъ всюду; онъ ощупалъ сверху до низу халатъ; лазилъ подъ рубаху, къ груди и поясу, подъ мышки, въ рукава... Осмотрѣлъ штаны и даже коты я ему сбрасывалъ... Денегъ нигдѣ не было. „Гм.." бормоталъ онъ про себя. Наконецъ, выпрямился передо мною во весь ростъ (это былъ огромнѣйшаго роста мущина; мы его называли гипопотамомъ) и лукаво посмотрѣлъ мнѣ въ глаза.

— „А что вамъ показалось?" спросилъ я его.

— „Гм... Ничего... Идите въ камеру," отвѣтилъ онъ.

Я вышелъ изъ канторы въ сопровожденіи конвойнаго въ самомъ торжествующемъ настроеніи духа. Деньги были спасены. Въ ту минуту, какъ смотритель всюду ихъ искалъ, и въ халатѣ, и въ бѣльѣ, я держалъ туго-свернутую ассигнацію просто на просто въ рукѣ, придерживая ее ладонью такъ, что пальцы оставались свободны. Ощупать ладонь моей правой руки ему не пришло въ голову.

На слѣдующій день насъ, девять человѣкъ, вызвали въ тюремную контору; насъ отправляли въ ссылку. Прежде всего перемѣнили намъ одежду. Каждому изъ насъ было выдано: по двѣ рубахи и по двѣ пары штановъ, изъ очень грубаго, невыбѣленнаго полотна; по двѣ пары портянокъ, коты, шапка изъ сѣраго сукна безъ козырка, сшитая на манеръ блина, и халатъ изъ такого же сукна съ двумя желтыми заплатами на спинѣ, „бубновыми тузами“, какъ называли ихъ арестанты, такъ какъ форма этихъ заплатъ походила на бубновую масть. Ссыльно-каторжнымъ полагается носить на спинѣ по два такихъ туза; поселенцамъ — только по одному. У меня сверхъ казенныхъ вещей были еще мои высокіе сапоги, и по совершенно непонятной случайности, уцѣлѣлъ также кожанный поясъ, что никакъ не согласовалось съ тюремной инструкціей, запрещающей арестанту носить поясъ (штаны держались на очкурѣ). Не могу удержаться, чтобы не забѣжать нѣсколько впередъ и не передать здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ исторію этого пояса. Поясъ этотъ съ мѣдной пряжкой я купилъ копѣекъ за 15 у одного арестанта. Пронесши его черезъ всѣ тюрьмы и этапы, я бѣжалъ съ нимъ изъ Сибири. Мнѣ приходилось за это время нѣсколько разъ мѣнять одежду, всю съ головы до ногъ. Наконецъ, въ 1881 году я эмигрировалъ за границу. Помню, выходя изъ вагона желѣзной дороги уже въ Цюрихѣ, я услыхалъ сзади себя окликъ, обернулся и увидѣлъ швейцарца, указывавшаго мнѣ на какую-то вещь, валявшуюся на полу вагона. Это былъ мой поясъ, выпавшій случайно изъ моихъ вещей въ ту минуту, когда я выходилъ изъ вагона. Я поднялъ его и тутъ только въ первый разъ далъ себѣ отчетъ и припомнилъ, что это была единственная вещь, уцѣлѣвшая у меня отъ того момента, когда я сидѣлъ еще подъ слѣдствіемъ въ кіевской тюрьмѣ, прошедшая со мною всюду и очутившаяся въ концѣ концовъ со мною заграницей. Съ этого момента поясъ этотъ сдѣлался мнѣ дорогъ и я его сохраняю, какъ память, до настоящего времени.

И такъ, выдали намъ одежду. Сверхъ того дали на всякаго по одному мѣшку, куда мы уложили нашъ багажъ, и по большому куску ржаного хлѣба. Что означалъ этотъ послѣдній подарокъ—трудно было догадаться, такъ какъ на наше продовольствіе въ дорогѣ жандармамъ, сопровождавшимъ насъ, отпущено было столько денегъ, что мы не могли нуждаться въ кускѣ чернаго хлѣба. Тюремный обычай, а, можетъ быть, и постановленіе, давать хлѣбъ арестантамъ при отправкѣ въ дорогу, смотритель не только не нарушилъ по отношенію къ намъ, политическимъ, но даже совершилъ это съ какой-то особенной торжественностью. Этотъ грубый хлѣбъ съ кусками зацеченной соломы внутри, такъ сказать, настоящій національный хлѣбъ, долженъ былъ, вѣроятно, служить для насъ эмблемой чего-то русскаго, народнаго, — можетъ быть, гостепріимства, а, можетъ быть, даже и православія — ужъ право не знаю! Несомнѣнно только то, что бѣлая нѣмецкая булка никоимъ образомъ не могла того выразить. Двоихъ изъ насъ, какъ лицъ непривилегированнаго званія, тутъ же заковали въ кандалы и, низко остригши одну половину головы, другую чисто на чисто обрили, обезобразивъ этимъ на столько, что трудно было ихъ узнать. Наконецъ, все было окончено, готово. Тогда смотритель, ключникъ и корридорные пожелали намъ счастливаго пути и мы въ сопровожденіи конвойныхъ направились къ выходнымъ воротамъ.

За тюремной оградой, на улицѣ, мы увидѣли знакомую уже намъ карету, ту самую, въ которой насъ возили въ судъ, а потомъ приговоренныхъ къ смерти отвезли на мѣсто казни. Карета была окружена отрядомъ козаковъ. У отпертой дверцы кареты стоялъ Гюббенетъ, мимо котораго мы проходили одинъ за другимъ, поднимались по ступенькамъ и усаживались внутри кареты на мягкихъ боковыхъ сидѣніяхъ.

— „Куда насъ отправляютъ?“ спросилъ одинъ изъ насъ.

— „Въ Восточную Сибирь“, прокосноязычилъ Гюббенетъ.

Это было въ первый разъ, когда намъ, наконецъ, назвали громко мѣсто нашей ссылки.

Въ ту минуту я себя почувствовалъ рѣшительно счастливымъ. Восточная Сибирь была, конечно, очень велика, и въ ней было не мало дурныхъ мѣстностей, но харьковскіе централки все таки оставались позади.

Дверца захлопнулась, и наша карета съ гуломъ покатилась по дорогѣ. Глядя въ окна, мы скоро замѣтили, что везли насъ совсѣмъ не къ вокзалу, а въ какомъ то другомъ направленіи. Недоумѣніе наше разсѣялось лишь тогда, когда карета остановилась, и мы, вылѣзши изъ нея, увидѣли товарный полустанокъ, находящійся за Кіевомъ по кіево-курской желѣзной дорогѣ. Здѣсь мы увидѣли человѣкъ пятнадцать жандармовъ и во главѣ ихъ нашего стараго знакомца Судейкина. На линіи возлѣ станціи стоялъ одинъ вагонъ, куда насъ и пригласили зайти. Мы вошли. Это былъ вагонъ третьяго класса съ окнами, въ которыхъ вдѣланы были желѣзныя рѣшетки. Въ концѣ вагона находилось небольшое отдѣльное помѣщеніе, предназначенное для конвойнаго начальника. Мы вошли; за нами вошли жандармы, одѣтые по дорожному, съ револьверами въ кожанныхъ кабурахъ и разсѣлись между нами по скамьямъ. Судейкинъ вошелъ въ вагонъ послѣдній. Онъ былъ въ бѣломъ кителѣ, такъ какъ дѣло происходило въ концѣ мая, и время стояло теплое, и тоже съ револьверомъ, который висѣлъ на черномъ ремнѣ, перепоясывавшемъ его китель. Онъ окинулъ всѣхъ взглядомъ, и на его откормленномъ лицѣ заиграла самодовольная улыбка.

— „Надѣюсь, что насъ пятнадцать человѣкъ стоютъ роты козаковъ“, проговорилъ онъ торжествующе, обращаясь къ своимъ жандармамъ и видимо желая передъ нами порисоваться.

Жандармы, осклабясь, переглянулись между собою. Мы сидѣли, молча, чувствуя, что праздникъ былъ на ихъ улицѣ.

Наконецъ, подъѣхалъ поѣздъ; нашъ вагонъ былъ прицѣпленъ, и мы двинулись въ путь.

XXII.

МЦЕНСКАЯ ТЮРЬМА.

Въ дорогѣ, на вокзалахъ, когда поѣздъ останавливался, жандармы доставляли намъ ѣду изъ буфетовъ въ вагонъ, и при этомъ ихъ любезность доходила до того, что они совѣтовали намъ не стѣсняться и требовать всего, чего намъ хочется, кромѣ, впрочемъ спиртныхъ напитковъ, запрещенныхъ инструкціей. Мы ѣли, понятно, безъ стѣсненія. Повидимому въ рукахъ Судейкина имѣлась для нашего продовольствія изрядная сумма, иначе, конечно, онъ не былъ бы такъ щедръ.

Большую часть времени Судейкинъ сидѣлъ въ своемъ отдѣленіи; но иногда выходилъ къ намъ и пытался вступать въ разговоры, которые принимали временами необыкновенно странный характеръ. Нескрываемое враждебное отношеніе къ нему прорывалось у нѣкоторыхъ изъ товарищей въ самой грубой формѣ. Такъ, иногда онъ обращался къ кому нибудь съ вопросомъ и получалъ въ отвѣтъ молчаливую презрительную гримасу, или же просто отворачивались отъ него. Но Судейкина не легко было смутить. Неоднократно онъ возвращался къ разсужденіямъ о причинахъ, породившихъ нашъ революціонный терроръ, и высказывалъ мнѣніе, что правительство ошибочно поступало раньше, часто арестуя маловиновныхъ лицъ, которыхъ приходилось потомъ выпускать; что этимъ только дразнили людей; что теперь уже не повторится ошибка, которая сдѣлана была хотя бы въ, такъ называемомъ, большомъ процессѣ, когда арестованныхъ была цѣлая масса, а потомъ привлечь къ суду оказалось возможнымъ всего двѣсти человѣкъ, а остальныхъ пришлось выпустить. „Теперь разъ кого

мы арестуемъ", говорилъ онъ, торжествующе оглядывая насъ, „мы имѣемъ въ рукахъ достаточныя улики противъ него, — и выпускать не приходится". Наконецъ, заговорилъ онъ какъ-то о побѣгѣ Стефановича. И въ этотъ разъ опять, какъ и раньше, бесѣдуя со мною, пустился въ необыкновенныя похвалы. „Вотъ замѣчательное дѣло!... Вотъ артистически обдѣланное дѣло!.." говорилъ онъ.

— „Да, дѣло хорошее", замѣтилъ ему одинъ изъ товарищей.

— „Но особенно меня интересуетъ ключникъ!... Я очень, очень хотѣлъ бы съ нимъ познакомиться!" воскликнулъ Судейкинъ.

— „А знаете ли, на сколько мнѣ извѣстно, и ключникъ не прочъ познакомиться съ вами!" отвѣтилъ тотъ, злобно глядя ему въ лицо.

Слова эти произвели свое дѣйствіе. Почувствовавъ въ нихъ намекъ на участь своего несчастнаго предшественника, Гейкинга, Судейкинъ сразу замолкъ и отъ его развязности не осталось и слѣда.

Судейкинъ хотѣлъ выразить ту мысль, что онъ интересуется ключникомъ, проявившимъ такую удивительную выдержку и ловкость въ дѣлѣ, просто какъ артистъ подобнаго рода дѣлъ, а вовсе не какъ жандармъ или сыщикъ, стремящійся изловить. Онъ далекъ былъ отъ этого; онъ хотѣлъ только просто познакомиться съ нимъ, вотъ какъ знакомятся вообще порядочные люди между собою. И вдругъ, такой афронтъ! Онъ молча удалился въ свое помѣщеніе и долго оттуда не показывался.

На другой день нашего путешествія, на одной изъ станцій мы неожиданно замѣтили, что вагонъ нашъ отцѣпили, и поѣздъ ушелъ, оставивъ насъ однихъ на мѣстѣ. Понятно, мы заволновались; навели справки, что за станція; оказался Мценскъ. О Мценскѣ мы ничего не слыхали раньше, кромѣ развѣ того, что знали изъ географіи, что это былъ уѣздный городъ Орловской губерніи. Зачѣмъ насъ остановили здѣсь? Что мы будемъ дѣлать или, вѣрнѣе, что будутъ съ

нами здѣсь дѣлать? На вокзалѣ мы ожидали не долго. Повидимому еще съ дорогителеграфировалъ и къ Судейкинъ нашему пріѣзду здѣсь все уже было приготовлено. У вокзала стояло девять извощичьихъ дрожекъ, на которыхъ мы тотчасъ разсѣлись съ конвоировавшими насъ жандармами (по одному жандарму на человѣка), и наша процессія двинулась. Судейкинъ поѣхалъ впередъ.

Одноконные дрожки бѣжали одни за другой, растянувшись далеко въ линію по прямой дорогѣ, ведшей съ вокзала въ городъ. Я ѣхалъ сзади и видѣлъ слѣдовавшія въ извѣстномъ разстояніи одна за другой сѣрыя спины моихъ товарищей, съ ярко-желтыми бубновыми тузами, и полу-повороченныхъ жандармовъ, придерживавшихъ одной рукой свои шашки и другой слегка обхватывавшихъ сзади конвоируемыхъ. Картина получалась почти что трогательная, и если бы не костюмы, выдававшіе все, то прохожіе могли бы принять эти пары за нѣжныхъ друзей, возвращавшихся откуда нибудь съ веселой прогулки.

Мой жандармъ сидѣлъ въ такой же позѣ возлѣ меня съ лѣвой стороны, и такъ какъ дрожки были недостаточно широки для двухъ, то поза эта — въ полъ-оборотъ — являлась даже неизбѣжной. Онъ поддерживалъ меня рукою на ухабахъ, когда дрожки подскакивали, чтобы я изъ нихъ не вывалился. Я видѣлъ, что моя жизнь была имъ нужна. Я имѣлъ цѣну въ ихъ глазахъ. Меня берегли. Меня кормили, когда я былъ голоденъ; одѣвали — когда мнѣ было холодно; стерегли, чтобы я не упалъ съ дрожекъ и не сломалъ себѣ ноги.

Но вотъ, мы доѣхали до города; проѣхали городскими улицами и выбрались опять за городъ... Тутъ мы увидѣли тюрьму.

Наши экипажи остановились возлѣ тюрьмы; конвойные пригласили насъ сойти съ дрожекъ и повели насъ къ воротамъ, продѣланнымъ въ высокой оградѣ. Мы вошли во дворъ, и передъ нашими глазами вытянулось зданіе съ двумя рядами рѣшетчатыхъ оконъ (если не измѣняетъ память, тюрьма была двухэтажная), видимо

заново выбѣлена. Глубокая тишина царила въ зданіи и въ совершенно пустомъ дворѣ, обнесенномъ кругомъ высокой стѣной, тоже выбѣленной. Стукъ нашихъ шаговъ объ каменныя плиты, которыми вымощена была часть двора, гулко отдавался отъ всѣхъ этихъ молчаливыхъ стѣнъ, и, помню, мнѣ сразу сдѣлалось какъ-то жутко. Послѣ кіевской тюрьмы съ ея живымъ населеніемъ (чуть ли не семьсотъ арестантовъ содержалось тамъ во время нашего пребыванія), съ суетою и шумомъ раздававшимся на тюремномъ дворѣ,—тишина мценской тюрьмы непріятно подѣйствовала на мои нервы. Но, однако, —что это за тюрьма и зачѣмъ насъ сюда привезли?.. Тотчасъ зашевелились разныя подозрѣнія. Родилась мысль, что, можетъ быть, придется долго-долго сидѣть въ этомъ заново выбѣленномъ гробу.... Въ самомъ дѣлѣ — отправятъ-ли насъ — какъ говорили — въ восточную Сибирь или же задержатъ здѣсь?.. И если задержатъ, то на какое время?.. Годъ—два будемъ ожидать,—или же всѣ сполна четырнадцать лѣтъ и десять мѣсяцевъ отсидимъ здѣсь въ ожиданіи отправки?.. Кто отвѣтитъ намъ на эти вопросы, и откуда можно было все это узнать?!..

Чтобы понять, какъ могли у насъ сразу явиться подобныя подозрѣнія и почему они зародились при первомъ же случаѣ,— нужно быть знакомымъ вообще съ порядками тюремной жизни и въ частности съ отношеніями властей къ заключеннымъ. Арестанту, сидящему въ одиночкѣ, важному арестанту, особенно находящемуся подъ слѣдствіемъ, ведутъ ли его на допросъ въ тюремную контору, или же только помыться въ баню, никогда не скажутъ раньше,—куда и зачѣмъ ведутъ, а совершаютъ это, молча, безъ объясненій. Власти находятъ излишнимъ сообщать заключенному что бы то ни было о своихъ намѣреніяхъ (а, можетъ быть, и умышленно такъ поступаютъ) и —по мѣткому выраженію Худякова —всегда „водятъ арестанта, какъ лошадь въ поводу". Съ политическими такого рода обращеніе учащается еще благодаря тому, что часто ближайшее тюрем-

ное начальство и само не знаетъ намѣреній старшихъ. „Пожалуйте въ контору!“ возглашаетъ вдругъ вамъ ключникъ, настежь отворяя дверь вашей одиночки. „Зачѣмъ?“ спрашиваете вы. „Не знаю,—смотритель приказалъ.“ Вы идете въ контору, недоумѣвая и теряясь въ догадкахъ; вы ждете какой-нибудь пакости: допросовъ, очныхъ ставокъ; встрѣчаете смотрителя и спрашиваете его. „Не знаю“, отвѣчаетъ вамъ и смотритель. „Да кому же, наконецъ, я нуженъ, и по какому дѣлу?“ волнуясь, восклицаете вы. Но вотъ, вы слышите голоса въ смежной комнатѣ, куда время отъ времени смотритель бросаетъ почтительные взгляды. Дверь, наконецъ, отворяется, и оттуда выходитъ полиціймейстеръ. Онъ приближается къ вамъ. „Дней десять тому назадъ“, говоритъ онъ,— „вы подавали прошеніе о томъ, чтобы вамъ разрѣшено было носить высокіе сапоги, и приложили свидѣтельство доктора...“ „Да, отвѣчаете вы, — я очень желалъ бы...“ „Вамъ разрѣшается носить собственные сапоги“, заканчиваетъ полиціймейстеръ. Вы возвращаетесь въ вашу одиночку полные счастья: имѣть собственные сапоги— было вашей давнишней мечтой. Но нервы ваши все таки разстроены пережитыми недоумѣніями. Если вы не награждены отъ природы безчувственностью, то нервы ваши со дня на день расшатываются. Жандармы норовятъ устраивать вамъ неожиданныя очныя ставки; уличаютъ, огорашиваютъ васъ всевозможными внезапностями. Ночью—толпою человѣкъ въ десять вваливаются къ вамъ въ камеру, будятъ васъ и производятъ обыскъ, такъ какъ корридорные донесли, что вы имѣли письменныя принадлежности или ножикъ, и тому подобное. Тюремная жизнь полна такихъ неожиданностей. Это въ концѣ концовъ развиваетъ у васъ болѣзненную подозрительность, и вы, наконецъ, совершенно перестаете вѣрить окружающимъ васъ тюремщикамъ.

Подобныя ощущенія испытывалъ я и въ ту минуту, когда насъ ввели въ нижній корридоръ Миенской тюрьмы, а оттуда въ слабо-освѣщенную, почти темную,

огромную комнату. Впрочемъ, насколько могу припомнить, наступали сумерки, и эта комната, или помѣщеніе съ низкимъ потолкомъ, кажется, даже сводистымъ, съ толстыми колонками, или, точнѣе, пятами сводовъ,—показалась мнѣ чѣмъ-то въ родѣ подземелья. Въ такихъ помѣщеніяхъ, вѣроятно, засѣдали средневѣковыя инквизиціи. Вправо, возлѣ стола, я увидѣлъ Судейкина—въ бѣломъ кителѣ, и какого-то штатскаго господина. Видимо, Судейкинъ передавалъ насъ этому господину. Здѣсь насъ раздѣли до нага и принялись обшаривать нашу одежду. Когда обыскъ кончился, насъ повели по лѣстницѣ во второй этажъ и тутъ заперли въ камерѣ. Тишина, царившая во всемъ зданіи, указывала на то, что мы были въ немъ единственными жильцами.

Мы терялись въ догадкахъ, такъ какъ ничего не слыхали раньше о существованіи въ Мценскѣ тюрьмы для политическихъ, и теперь даже не знали, что это была за тюрьма,—пересыльная или же централка. Своей таинственной, молчаливой обстановкой она очень походила на централку. Надзиратель, присутствовавшій въ корридорѣ, передвигался безъ шума, подобно безплотной тѣни, или,—дѣлая болѣе реальное сравненіе—подобно коту,—благодаря мягкимъ валенкамъ, надѣтымъ у него на ногахъ вмѣсто сапогъ, что, конечно, дѣлалось совсѣмъ не для теплоты, такъ какъ время было очень теплое. На его поясѣ висѣлъ револьверъ, чего мы не видѣли у нашихъ кіевскихъ надзирателей и что указывало на болѣе серьезные и строгіе порядки этой тюрьмы.

Мрачное настроеніе духа, вызванное первыми впечатлѣніями, уже на слѣдующій день стало разсѣиваться. Прежде всего, насъ не разсадили по одиночкамъ, а перевели всѣхъ въ одну огромную, свѣтлую камеру, съ большимъ столомъ посрединѣ. Въ этой камерѣ мы сидѣли до вечера; а когда наступило время ложиться спать,—насъ перевели въ сосѣднюю камеру; здѣсь были разставлены рядами кровати, снабженныя тюфяками, подушками, байковыми одѣялами, показавшимися намъ рѣшительно роскошью послѣ кіевской тюрьмы, гдѣ прихо-

дилось укрываться только нашими халатами. На этихъ постеляхъ мы проспали ночь, и утромъ опять были переведены въ первую камеру, со столомъ, на которомъ обѣдали и занимались въ теченіи дня. Спальня оставалась весь день пустою и провѣтривалась. Такимъ образомъ камеры чередовались, всегда прибранныя, чистыя, провентилированныя, здоровыя.

Не желая приводить въ соприкосновеніе уголовныхъ арестантовъ съ политическими (во избѣжаніе вреднаго вліянія), правительство устроило двѣ центральныя пересыльныя тюрьмы, куда свозили политическихъ и откуда затѣмъ отправляли ихъ партіями въ мѣста ссылки. Такія тюрьмы устроены были двѣ: одна — въ Вышне-Волочкѣ, служившая для Сѣверной Россіи, и другая, для Южной Россіи — въ г. Мценскѣ, Орловской губ.

Наша тюрьма оказалась, однако, не совсѣмъ пустой: еще раньше насъ привезены были сюда административно-ссыльные, — Рябковъ и Лангенсъ. При какихъ обстоятельствахъ они были арестованы, — не знаю. Впрочемъ, что касается Лангенса, то его, какъ привлекавшагося по большому процессу и сидѣвшаго около четырехъ лѣтъ подъ слѣдствіемъ въ домѣ предварительнаго заключенія, уже по этому одному правительство считало неблагонадежнымъ и подозрительнымъ. Но какъ прусско-подданнаго (отецъ Лангенса былъ родомъ изъ Пруссіи; самъ же Лангенсъ родился и выросъ въ Россіи), правительство изъ Мценска не отправило его въ ссылку, а только выслало за границу. Проживъ нѣсколько мѣсяцевъ за границею, въ Румыніи, Лангенсъ, кажется, въ томъ же 1879 году, воротился въ Россію и жилъ нелегально, принимая активное участіе въ дѣлахъ „Исполнительнаго Комитета“, пока, наконецъ, не былъ вновь арестованъ въ 1881 году въ Кіевѣ, куда онъ скрылся изъ Петербурга, послѣ убійства царя. Онъ былъ взятъ одновременно съ Кобозевой (Акимовой, бѣжавшей тоже изъ Петербурга) и впослѣдствіи, по такъ наз. процессу „двадцати“, осужденъ на вѣчную каторгу. Въ своемъ мѣстѣ я, можетъ быть, разскажу о моей встрѣчѣ съ

нимъ въ 1881 году въ Москвѣ, гдѣ скрывался тогда я, бѣжавши изъ Сибири, и гдѣ останавливался и онъ, проѣздомъ изъ Петербурга. Но все это имѣло мѣсто значительно позже. Теперь же, въ бытность нашу въ Мценской тюрьмѣ, онъ сидѣлъ, какъ административно-ссыльный.

До сихъ поръ мнѣ живо представляется встрѣча моя съ нимъ въ этой тюрьмѣ.—Помню, на второй день моего пребыванія я проходилъ корридоромъ мимо запертыхъ и, какъ мнѣ казалось, пустыхъ камеръ—и услыхалъ, что меня кто-то тихо окликнулъ. Я оглянулся и въ четыреугольномъ дверномъ отверстіи одной изъ камеръ увидѣлъ худое лицо съ рыжеватой растительностью и съ бородавкой возлѣ небольшого горбатаго носика. Это былъ Лангенсъ. Прижавшись къ дверному оконцу, онъ такъ участливо глядѣлъ на меня (я ссылался въ каторгу, и онъ меня жалѣлъ), что я невольно подошелъ къ двери, и уткнувшись лицомъ въ окошечко, горячо поцѣловалъ его, хотя до этой встрѣчи мы съ нимъ едва лишь были знакомы. Дня два спустя обоихъ ихъ—и Лангенса, и Рябкова—перевели къ намъ, въ общую камеру, и съ тѣхъ поръ насъ не разлучали до нашей отправки изъ Мценской тюрьмы. Еще нѣсколько дней спустя, изъ Харьковской централки привезенъ былъ къ намъ Опрышко, бритый и въ кандалахъ, отсидѣвшій тамъ срокъ и теперь препровождавшійся въ Сибирь на поселенье.

Жизнь наша въ Мценской тюрьмѣ текла, между тѣмъ, очень мирно. Прожили мы тамъ, если мнѣ не измѣняетъ память, до половины іюня, т. е. около двухъ недѣль,—и, несмотря на то, что изъ Кіева мы пріѣхали въ самомъ бунтовскомъ настроеніи, у насъ не произошло ни одного столкновенія съ тюремными властями. Смотритель Мценской тюрьмы оказался человѣкъ сдержанный, добрый, явно избѣгавшій столкновеній съ нами, и, благодаря ему и тѣмъ порядкамъ, какіе были имъ заведены, о Мценской тюрьмѣ ничѣмъ, кромѣ какъ добромъ, нельзя помянуть. Насъ часто посѣщалъ мѣстный исправникъ при посред-

котораго мы доставали изъ городской библіотеки книги для чтенія. Выданы были намъ письменныя принадлежности,—и мы могли заниматься въ своей камерѣ.

Всякій день съ утра появлялся у насъ надзиратель, которому мы заказывали нашъ обѣдъ. Здѣсь я долженъ упомянуть, что кромѣ секретныхъ денегъ, которыя мы держали при себѣ, у насъ была еще наша, такъ сказать, оффиціальная касса, составившаяся изъ оффиціально переданныхъ въ руки начальства денегъ отъ нашихъ родныхъ. Эти деньги, которымъ мы вели счетъ и изъ которыхъ еще въ Кіевской тюрьмѣ мы дѣлали добавочные расходы для улучшенія нашей пищи, при нашей отправкѣ были переданы смотрителемъ Кіевской тюрьмы Судейкину, а Судейкинъ передалъ ихъ смотрителю Мценской тюрьмы. Касса эта такъ и двигалась потомъ вмѣстѣ съ нами, передаваемая съ рукъ на руки отъ одного начальства (тюремнаго, а затѣмъ этапнаго) къ другому. Судейкинъ въ дорогѣ кормилъ насъ настолько хорошо, что намъ не приходилось прибѣгать къ добавочнымъ расходамъ; но здѣсь, въ Мценскѣ, очутившись на общемъ тюремномъ положеніи, мы были вынуждены расходовать изъ своихъ денегъ.

Послѣ полудня мы выходили (съ конвоемъ, конечно) на прогулку во дворъ, гдѣ проводили часъ или два времени. Остальное время—въ камерѣ—проходило у насъ за чтеніемъ, въ разговорахъ, пѣніи. Казалось, и требовать лучшаго нельзя было.

Но тоска по волѣ ни на минуту не покидала меня. Изъ одного окна открывался видъ за тюрьму; видны были поля, поросшія густыми, зелеными хлѣбами, и темные берега небольшой рѣчки, извивавшейся среди этихъ полей; самой рѣчки, впрочемъ, не было видно. Чего проще, казалось бы, такой панорамы?! А, между тѣмъ, глядишь, бывало, и глазъ оторвать не можешь; и различныя мечты ползутъ въ голову, и сердце тоскливо бьется...

Глава XXIII.

ОТЪ МЦЕНСКА ДО ТОМСКА.

Наконецъ, увезли насъ изъ Мценска. До Москвы проѣхали мы по желѣзной дорогѣ подъ конвоемъ жандармовъ, само собой разумѣется, не кіевскихъ, а другихъ (кажется, были Орловскіе). Въ Москвѣ не останавливали и даже не пересаживали насъ въ другой поѣздъ, а просто — перевели нашъ вагонъ по соединительнымъ рельсамъ съ курской линіи на нижегородскую; тутъ прицѣпили его къ поѣзду и повезли дальше. Впрочемъ, во время недолгой остановки въ Москвѣ, успѣли присоединить къ намъ еще нѣсколько человѣкъ административныхъ, отправляемыхъ въ ссылку изъ Вышне-Волоцкой тюрьмы, такъ что отъ Москвы компанія наша значительно увеличилась.

Въ Нижнемъ Новгородѣ посадили насъ на баржу, прицѣпленную къ пароходу, и мы поплыли по рѣкѣ Волгѣ, а затѣмъ по Камѣ до г. Перми. Это водяное путешествіе продолжалось дней пять. Баржа, на которой мы плыли, была приспособлена спеціально для перевозки ссыльныхъ. Въ одной сторонѣ ея помѣщался конвой; другая, несравненно большая часть судна, предназначалась для арестантовъ. Желѣзная рѣшетка, поднимавшаяся по сторонамъ, отъ бортовъ, и соединявшаяся вверху надъ палубой, служила для предупрежденія побѣговъ и придавала баржѣ видъ клѣтки, вслѣдствіе чего арестанты называли ее „курятникомъ“. Названіе было весьма подходящее, такъ какъ баржа, биткомъ набитая арестантами, выглядывавшими изъ за рѣшетки, дѣйствительно напоминала собою курятникъ, въ которомъ везутъ куръ на базаръ. Ссыльные помѣщались наверху, на палубѣ, и въ каютахъ, устроенныхъ подъ палубой. Одна изъ

каютъ была занята нами, такъ какъ, согласно инструкціи, насъ держали отдѣльно отъ уголовныхъ. Конечно, благодаря этому, намъ было и просторно, и удобно; каюта наша была очень большая. Но за то уголовнымъ рѣшительно некуда было дѣваться. Мы проводили все время въ каютѣ, освѣщавшейся довольно слабо круглыми оконцами, выходившими надъ самой водой. Впрочемъ, днемъ, на извѣстное время, позволяли намъ подниматься вверхъ на палубу; но тогда уголовныхъ сгоняли съ палубы и запирали по каютамъ. Одинъ разъ мнѣ удалось сверху заглянуть черезъ отворившуюся дверь внизъ, въ каюту, гдѣ находились уголовные, — и я былъ буквально пораженъ представившимся зрѣлищемъ. Я увидѣлъ внизу груду голыхъ человѣческихъ тѣлъ, наваленныхъ и копошившихся одно надъ другимъ. Мнѣ ударило оттуда въ лицо вонью и жаромъ. Скопленье народа и тѣснота были ужасныя. Чувствуя такимъ образомъ, что мы являлись еще одной лишней причиной стѣсненій для арестантовъ, мы старались по возможности сокращать время нашихъ прогулокъ по палубѣ, а разъ или два и совершенно отказались подниматься изъ каюты наверхъ, хотя гулять по палубѣ намъ было очень пріятно. Дикіе берега рѣки Камы, гористые, поросшіе щетинистыми деревьями, представлялись такими чудными и заманчивыми, а изъ каюты они плохо были видны. Помню, однако, по долгу, бывало, стоялъ я въ каютѣ, упершись лицомъ въ круглое оконце, чтобы слѣдить глазами за уплывавшими берегами, какъ ни мало было поле зрѣнія (окна были маленькія и помѣщались надъ самой водой).

На пятыя или шестыя сутки „курятникъ“ нашъ причалилъ къ Пермской пристани. Мы высадились на берегъ и подъ конвоемъ двинулись пѣшкомъ по улицамъ г. Перми. Прямыя и довольно широкія улицы, по бокамъ которыхъ тянулись рядами одно- и двухъэтажные деревянные домики, некрашенные, нештукатуренные, носили глухой, провинціальный характеръ. Пройдя нѣсколько улицъ, мы добрались до какой-то канцеляріи, гдѣ насъ осмотрѣли, записали и повели дальше. Послѣ довольно

длиннаго путешествія очутились мы, наконецъ, за чертой города. Здѣсь мы увидѣли ровное, открытое поле, на которомъ возвышалось мрачное тюремное зданіе. Именно — мрачное; по крайней мѣрѣ, мнѣ оно такимъ показалось, благодаря своему темному цвѣту и высотѣ внѣшнихъ стѣнъ. Впрочемъ, то не были даже стѣны, а просто цѣлыя постройки. Пермская тюрьма выстроена нѣсколько по особому плану; здѣсь содержались подслѣдственные арестанты и приговоренные къ каторжнымъ работамъ, такъ что центральная и подслѣдственная тюрьмы находились въ одномъ мѣстѣ.

Мы подошли къ большимъ воротамъ, продѣланнымъ въ стѣнѣ, надъ которыми, насколько помнится, поднималась вверхъ надстройка. Послѣ обмѣна нѣсколькими фразами нашихъ конвойныхъ съ тюремной стражей, послышался извнутри звонъ цѣпей, болтавшихся у калитки; вслѣдъ затѣмъ калитка отворилась, и мы, одинъ за другимъ, сгибаясь, чтобъ не задѣть головой за цѣпь, стали проходить внутрь. Это немножко походило на входъ въ адъ. Мы вошли въ полутемный проходъ, вверху заключенный въ арку, надъ которой и возвышалось то зданіе, что мы видѣли извнѣ. Кажется, тутъ же въ проходѣ, влѣво, была продѣлана въ каменной стѣнѣ дверь, и чуть ли не вела она въ тюремную контору. Заводили ли насъ въ контору, или же обыскали въ самомъ проходѣ,— сказать теперь не могу, такъ какъ забылъ подробности; но помню, что оттуда насъ провели мимо двухъэтажнаго зданія, стоявшаго посерединѣ двора, до задней постройки, гдѣ и заперли всѣхъ въ одной камерѣ.

Пермскій тюремный замокъ представлялъ собою рядъ зданій, тянувшихся по периферіи (вмѣсто стѣнъ), съ большимъ внутреннимъ дворомъ, въ серединѣ котораго находилась главная тюрьма,— центральное зданіе, гдѣ отсиживали свои испытуемые сроки приговоренные къ каторжнымъ работамъ. Это и была такъ называемая Пермская Централка, наводившая ужасъ на арестантовъ едва ли не больше всѣхъ другихъ русскихъ тюремъ.—

Она пользовалась страшной славой среди арестантовъ, и мы слышали о ней очень много.

Я сказалъ, что насъ помѣстили въ заднемъ зданіи, находившемся на противуположной сторонѣ отъ входа. Камера наша была въ самой глубинѣ корридора. Лишь только заперли насъ и мы остались одни, мы взобрались на окна, чтобы посмотрѣть, куда онѣ выходили. Прямо за нашимъ окномъ начиналось пустое поле, на нѣкоторомъ разстояніи круто спускавшееся внизъ, такъ что намъ видна была только верхняя часть этого склона и противуположный подъемъ. Что было на днѣ оврага или долины, — мы не видѣли, но предполагали, что тамъ протекала рѣчка. Противуположный подъемъ былъ покрытъ кустарникомъ.

Такимъ образомъ, окна нашей камеры, находившейся къ тому же въ нижнемъ этажѣ, выходили прямо на открытое поле. Хотя вдоль этого внѣшняго фасада и ходилъ часовой, но бѣгство черезъ окно представлялось легко исполнимымъ. Нужно было только подпилить рѣшетку въ окнѣ; а такъ какъ и пилки были, то оставалось приступить къ работѣ. Фасадъ зданія былъ очень длиненъ, и часовой, ходившій внизу, мимо нашей стѣны (шаги его хорошо были слышны въ камерѣ), удалялся далеко въ одну и другую стороны; выпрыгнуть изъ окна въ это время и бѣжать въ поле, не рискуя попасть ему на штыкъ, казалось вполнѣ осуществимымъ. Да; это казалось до того осуществимымъ, что мнѣ чудился уже самый побѣгъ: ночью мы спускаемся къ рѣкѣ, садимся въ лодку и быстро уносимся внизъ по теченью; или же бѣжимъ вплавь черезъ рѣку, преслѣдуемые по пятамъ погоней, и скрываемся вонъ въ тѣхъ густыхъ кустахъ, что зеленѣютъ на противуположной горѣ.

Отъ этого вида на чистое поле, раскидывавшееся тотчасъ подъ нашими окнами, мы пришли въ какое-то неописуемое лихорадочное возбужденіе. Я рѣшительно не сходилъ съ подоконника и готовъ былъ даже спать на немъ. Но потому ли, что тюремныя власти замѣтили тотъ интересъ, съ какимъ мы относились къ виду изъ нашихъ

оконъ; или же и безъ того они предполагали помѣстить насъ въ другую камеру, и въ этой помѣстили и лишь на время,—только на слѣдующій же день, кажется, мы были переведены оттуда. Перевели насъ въ камеру, находившуюся въ томъ же корридорѣ, въ противуположномъ концѣ. Окна новой камеры выходили на тюремный дворъ. Передъ нашими глазами возвышался теперь фасадъ центральной тюрьмы, изъ за рѣшетокъ которой выглядывали сѣрыя лица каторжанъ.

Наше возбужденіе сразу пропало, и потянулась опять однообразно-сѣрая тюремная жизнь. Хорошо еще то, что мы хоть недолго оставались въ Пермской тюрьмѣ, произведшей на насъ въ общемъ очень тяжелое впечатлѣніе. Сотни живыхъ существъ сидѣли здѣсь по своимъ каменнымъ клѣткамъ, не издавая звуковъ. По двору безшумно проходили въ мягкихъ котахъ подслѣдственные арестанты. Здѣсь господствовала едва ли не такая же тишина, какъ въ Мценской тюрьмѣ. Но тамъ тишина являлась слѣдствіемъ безлюдья, а здѣсь — тюремной дисциплины. Только въ обѣденнее время и по вечерамъ, передъ тѣмъ какъ ложиться спать, слышались хоры арестантскихъ голосовъ, пѣвшихъ молитвы. Мы были не мало удивлены такимъ богомольнымъ настроеніемъ арестантовъ, нигдѣ, насколько пришлось наблюдать, не отличавшихся этимъ качествомъ. Они пѣли молитвы, какъ поютъ монахи по православнымъ монастырямъ; да и вообще, подмѣчалось здѣсь что то общее съ монастырскими порядками. Такъ же тихо и скромно, какъ послушники, проходили по двору арестанты, согнувъ головы внизъ и бросая изподлобья по сторонамъ огненные взгляды; и даже, казалось, руки свои держали на груди, подобно монахамъ, для выраженія покорности волѣ Божьей.

Эти порядки, конечно, имѣли свое объясненіе. Въ первый или во второй день послѣ нашего прибытія въ Пермскую тюрьму, помню — отворилась какъ то дверь, и къ намъ въ камеру вошелъ попъ; какъ есть настоящій попъ,—въ черномъ подрясникѣ, съ камилавкой на головѣ.. Мы были очень удивлены и, молча, смотрѣли на по-

сѣтителя. Онъ же медленно приблизился къ нарамъ и незначительнымъ наклоненіемъ головы важно раскланялся въ одну и другую сторону. Это былъ человѣкъ лѣтъ пятидесяти, средняго роста, съ страннымъ выраженіемъ неподвижныхъ глазъ. Совершенно круглые, темные глаза его, окруженные тонкими морщинками и устремленные впередъ, въ одну точку, съ выраженіемъ застывшей серьёзности, — вызывали непріятное чувство, похожее на то, какое вызываютъ слѣпые, страдающіе такъ наз. темной водой и держащіе свои глаза открытыми. Съ подобными глазами наши суздальскіе живописцы изображаютъ часто святыхъ угодниковъ на иконахъ. Мы встрѣтили нашего гостя полнымъ молчаніемъ и недоумѣвали, что ему нужно отъ насъ. Когда заходилъ къ намъ смотритель тюрьмы, жандармскій офицеръ, губернаторъ, прокуроръ, — мы понимали характеръ этихъ посѣщеній; то заходилъ чиновникъ, представитель власти, той власти, съ которой мы боролись и которая, одолѣвши насъ, засадила, наконецъ, въ тюрьму и держала подъ замкомъ. Но что могъ изображать изъ себя попъ въ тюрьмѣ, — этотъ представитель Христова ученія, главная заповѣдь котораго гласила о всепрощающей любви къ ближнему? Тюрьма и Христово ученіе — взаимно уничтожающія понятія, и компромиссовъ между ними быть не можетъ. Я понимаю попа, протестующаго противъ тюрьмы. Но попъ, напутствующій преступника передъ казнью, по предписанью начальства, представляетъ собою ту отвратительную сдѣлку христіанской совѣсти съ требованіями дикой жизни, на которую невозможно смотрѣть безъ отвращенія. Вотъ это-то чувство гадливости и зашевелилось у насъ, когда этотъ попъ въ довершеніе ко всему осмѣлился еще что то толковать намъ о Христовомъ ученіи. Впрочемъ, черезъ нѣкоторое время онъ, кажется, понялъ нелѣпость своего положенія и оставилъ насъ въ покоѣ.

Мы, между тѣмъ, отъ скуки принялись тоже пѣть; только я увѣренъ, что такихъ пѣсенъ давно не слыхали эти стѣны. Мы пѣли марсельезу и много другихъ хоровыхъ пѣсенъ. Тюремнымъ властямъ это не понравилось; нѣ-

которое время онѣ терпѣли, но потомъ явился смотритель для объясненій. Онъ намъ сказалъ, что наше поведеніе можетъ послужить дурнымъ примѣромъ для остальныхъ арестантовъ и что желательно было бы, чтобы мы не нарушали заведенныхъ у нихъ тюремныхъ порядковъ. „По закону, — говорилъ онъ, — я не долженъ допускать того, напр., чтобы вносился въ тюрьму табакъ, но если вы, господа, обѣщаете не пѣть, я постараюсь доставить вамъ табакъ“. Сверхъ того, онъ предлагалъ доставлять намъ книги. Все это, конечно, подъ условіемъ, что мы будемъ сидѣть тихо. Мы приняли условія, и остальные нѣсколько дней, которые намъ довелось провести въ Пермской тюрьмѣ, прошли у насъ спокойно.

Между другими книгами, здѣсь мы достали книгу, авторомъ которой былъ Евгеній Поповъ, — тотъ самый тюремный попъ, о которомъ я разсказывалъ только-что. Въ книжкѣ своей, изданной, очевидно, для назиданія арестантамъ и потому пользовавшейся по сибирскимъ тюрьмамъ покровительствомъ тюремнаго начальства, чуть ли не принуждавшаго арестантовъ покупать ее, онъ разсказывалъ, между прочимъ, о, бунтѣ, случившемся въ пермской централкѣ нѣсколько лѣтъ назадъ. Онъ разсказывалъ о томъ, какъ одинъ изъ зачинщиковъ передъ казнью покаялся въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ, за что, надо полагать, и пошелъ въ рай... (Мнѣ всегда удивительной кажется эта христіанская заботливость правительства и поповъ, усердно пекущихся о томъ, чтобы души казненныхъ ими грѣшниковъ отправлялись непремѣнно въ рай, а не въ адъ). Другой же зачинщикъ такъ и на смерть пошелъ, не раскаявшись въ своихъ поступкахъ.

Такимъ образомъ изъ книги Евгенія Попова мы узнали, что въ пермской централкѣ былъ бунтъ и что двоихъ за это разстрѣляли. Но другихъ подробностей этого дѣла намъ не удалось узнать въ пермской тюрьмѣ, такъ какъ мы тамъ были совершенно изолированы отъ уголовныхъ. Впослѣдствіи, во время этапнаго путешествія арестанты мнѣ разсказывали, что причиной

бунта были жестокости, которымъ подвергали ихъ въ пермской централкѣ. Такъ между прочимъ разсказывали, что провинившихся въ чемъ либо арестантовъ имѣли обыкновеніе сажать въ темный карцеръ, наполненный негашенной известью, и что многіе арестанты пообжигали себѣ тамъ руки и ноги.

Отъ Перми до Екатеринбурга насъ провезли по желѣзной дорогѣ въ однѣ сутки. Дорога перерѣзаетъ хребетъ Уральскихъ горъ, и я никогда не забуду впечатлѣній, вызванныхъ во мнѣ этимъ переѣздомъ. Былъ мѣсяцъ іюнь; но въ горахъ на той широтѣ (58° — 59°) было какъ весною. Погода стояла превосходная. Солнце ярко свѣтило. По сторонамъ текли ручьи. Свѣжая зелень травъ въ долинахъ между горъ, поросшихъ лѣсомъ, отъ которыхъ въ лицо несло свѣжестью и запахомъ весны, — дѣйствовали опьяняющимъ образомъ. Впечатлѣніе особенно усиливалось оттого, что насъ везли въ обыкновенномъ третье-классномъ вагонѣ, и въ первый разъ со дня ареста намъ удалось здѣсь глядѣть на внѣшній міръ не черезъ рѣшетку, а прямо, какъ глядѣли мы когда-то, когда были на волѣ (какъ давно, казалось, это было!). Въ вагонѣ не было рѣшетокъ, — мы не отходили отъ оконъ.

Я стоялъ у отвореннаго окна въ какомъ-то полуочарованномъ состояніи, не спуская глазъ съ мимо убѣгавшихъ деревъ. Подъемъ совершался медленно. Локомотивъ нашъ быстро-быстро пуфкалъ, но поѣздъ катился тихо. Мѣстами съ высокихъ пунктовъ открывалась широкая панорама на долины и отлогіе подъемы съ ясно очерченными верхушками горъ. Но нигдѣ не было видно ни отвѣсныхъ скалъ, ни вершинъ, покрытыхъ снѣгами, ни глубокихъ ущелій. Главную прелесть картинѣ придавалъ щетинистый лѣсъ, окутывавшій горы.

Стоя у открытаго окна, я мечталъ о побѣгѣ. Я думалъ выпрыгнуть изъ окна во время хода поѣзда и скрыться въ лѣсу. Но выпрыгнуть въ окно такъ быстро и ловко, чтобы жандармъ, сидѣвшій рядомъ, не успѣлъ схватить рукою, казалось невозможнымъ. И если

бы, схвативши, онъ даже и не удержалъ меня, то во всякомъ случаѣ помѣшалъ бы моему прыжку, и я навѣрно упалъ бы. По временамъ, однако, мнѣ опять начинало казаться, что все таки возможно бѣжать, и я вотъ-вотъ готовъ былъ прыгнуть изъ окна. Въ этой борьбѣ съ самимъ собою, съ своими мыслями и настроеніемъ, принимавшимъ то одно, то прямо противуположное направленіе, прошла вся дорога. Теперь, когда я припоминаю тѣ условія и взвѣшиваю ихъ хладнокровно, я могу сказать съ увѣренностью, что побѣгъ навѣрно былъ бы неудаченъ, и хорошо случилось, что никто изъ насъ не сдѣлалъ тогда попытки.

Изъ Екатеринбурга дальше насъ повезли уже на лошадяхъ. Мы ѣхали въ крытыхъ кибиткахъ или, какъ ихъ называютъ сибиряки, возкахъ (на всякаго изъ насъ отдѣльный возокъ), запряженныхъ тройками почтовыхъ лошадей, подъ конвоемъ одного жандарма съ револьверомъ и шашкою и солдата, вооруженнаго ружьемъ. Жандармъ сидѣлъ сбоку; солдатъ — на передкѣ вмѣстѣ съ ямщикомъ. Уральскія горы остались позади; дорога шла на востокъ по ровной мѣстности. Это была та самая дорога, которая носитъ названіе Сибирскаго Тракта, и по которой проходятъ всѣ ссыльные. Глядя на эту низменность, ставшуюся впереди и становившуюся какъ будто со всякимъ шагомъ ниже и ниже, мнѣ припоминались всевозможныя описанія сибирскихъ тундръ, суровой снѣжной зимы, снѣжныхъ заметовъ и тому подобныхъ ужасовъ, и я невольно задумывался надъ тѣмъ, что меня ожидаетъ тамъ, за виднѣвшейся впереди ровной линіей горизонта, и куда такъ быстро катился мой „возокъ“. Сибирь, о которой я мечталъ, сидя въ тюрьмѣ, какъ о чемъ-то желанномъ, теперь какъ будто стала даже пугать меня. Преувеличенные разсказни, ходившіе объ этомъ, какъ называли у насъ, „негостепріимномъ“ краѣ, оказывали свое дѣйствіе. Впрочемъ, въ главномъ мое отношеніе не измѣнилось, и я ни на мгновеніе не колебался бы въ выборѣ меж-

ду централкой и какимъ угодно, самымъ непріютнымъ уголкомъ Сибири.

И такъ, наши тройки бѣжали одна за другой на востокъ, звеня колокольчиками, а мы, сидя въ возкахъ, смотрѣли по сторонамъ дороги... Путешествіе на лошадяхъ мало по малу раздразнило мое воображеніе, и я опять замечтался о побѣгѣ. Особенно стала меня преслѣдовать мысль о побѣгѣ съ наступленіемъ ночи. Мы безостановочно ѣхали, задерживаясь только по нѣсколько минутъ по станціямъ, для перепряжки лошадей. Между тѣмъ я замѣтилъ, что мои конвойные устали и не прочь были подремать. Помню, было уже послѣ полуночи, когда выѣхали мы съ одной станціи. Я растянулся на соломѣ, на днѣ кибитки и притворился, будто заснулъ. Жандармъ, сидѣвшій съ лѣвой стороны, тоже улегся рядомъ со мною и вскорѣ заснулъ на самомъ дѣлѣ. Услыхавши его мѣрное похрапываніе, я рѣшилъ воспользоваться этой удобной минутой. Ночь была темная. Приподнявъ голову, я всмотрѣлся въ темноту и замѣтилъ чернѣвшіе кусты съ правой стороны дороги. Дорога шла по низкому, даже, какъ мнѣ показалось, топкому мѣсту, о чемъ я заключалъ по толчкамъ. Колеса нашей кибитки подпрыгивали и стучали, какъ будто перескакивая по бревнамъ, служившимъ гатью въ этомъ болотистомъ мѣстѣ. Конвойный солдатъ, сидѣвшій на передкѣ, тоже дремалъ: я видѣлъ, какъ его опущенная на грудь голова качалась со стороны въ сторону при всякомъ толчкѣ. Только одинъ ямщикъ бодрствовалъ, да и тотъ вяло какъ-то понукалъ свою тройку. Трудно было выбрать болѣе подходящую минуту для побѣга! Конвойные спали. Выпрыгнуть изъ почтовой кибитки и скрыться въ кустарникахъ могло быть дѣломъ одной секунды... Я тихо придвинулся къ краю кибитки... Но въ эту минуту моя мысль забѣжала нѣсколько впередъ, и я почувствовалъ, какъ рѣшимость стала мало по малу оставлять меня. Я не сомнѣвался въ томъ, что убѣгу въ кусты раньше, чѣмъ жандармъ успѣетъ очнуться отъ сна. Но на вопросъ: что буду дѣлать потомъ? я

не могъ дать себѣ удовлетворительнаго отвѣта. Въ то время я не былъ еще практически знакомъ съ характеромъ сибирскихъ облавъ, устраиваемыхъ для поимокъ бѣглецовъ. Но все таки я зналъ, что послѣ моего побѣга дано будетъ знать по окрестнымъ деревнямъ, и всюду начнутся поиски. Арестантскій костюмъ (за исключеніемъ высокихъ сапоговъ, все было на мнѣ казенное, арестантское) выдастъ меня сразу; мнѣ, не имѣющему знакомыхъ въ этой мѣстности, некуда будетъ дѣваться и невозможно будетъ скрыться. Эти соображенія съ такою ясностью стали вдругъ передъ мною, что я сразу почувствовалъ трудность исполненія того, что еще такъ недавно представлялось легкимъ и удобоисполнимымъ. Въ тюрьмѣ, за рѣшеткой, размышляя о длинной дорогѣ по Сибири до карійскихъ рудниковъ, находящихся за Байкаломъ, моему воображенію рисовалась тысяча удобныхъ моментовъ для побѣга. Въ дѣйствительности оказалось далеко не такъ. Я начиналъ сознавать, болѣе того, я понялъ съ очевидной наглядностью, что трудность побѣга здѣсь, въ Сибири, заключается не столько въ первомъ шагѣ, сколько въ послѣдующихъ, и что шансовъ на успѣхъ вовсе не такъ много, какъ казалось. И чѣмъ больше я размышлялъ, тѣмъ больше овладѣвало мною сомнѣніе. А жандармъ мой между тѣмъ тихо похрапывалъ, лежа на боку на днѣ кибитки. Однако отказаться совершенно отъ своихъ плановъ было не легко, и я сталъ думать о томъ, какъ обойти трудности. Первое, что было необходимо для успѣха, — это достать одежду, чтобы перемѣнить арестантскій костюмъ. Положимъ, время стояло теплое, и я могъ просто бросить свой арестантскій халатъ, оставшись въ одномъ бѣльѣ. Рубаха и портки, какъ они ни были сшиты небрежно, по казенному, все таки не представляли собою ничего типично арестантскаго, и я могъ въ нихъ остаться безъ риска обратить на себя вниманіе при поискахъ за мною. На моихъ ногахъ, вмѣсто арестантскихъ котовъ, были высокіе сапоги: этого ужъ было совѣмъ хорошо. Но я не имѣлъ шапки.

Все необходимое было, кромѣ шапки. Арестантская сѣрая шапка, сшитая на манеръ какого-то блина, не годилась ни въ какомъ случаѣ. Съ другой стороны, бросить ее, подобно халату, и остаться съ обнаженной головой тоже казалось неудобнымъ. Я серьезно задумался о шапкѣ и скоро пришелъ къ тому заключенію, что надо попробовать овладѣть форменной фуражкой моего жандарма. Эта мысль показалась практичной, и я немедленно принялся шарить рукою возлѣ головы спавшаго жандарма. Скоро я нащупалъ фуражку на соломѣ и тотчасъ спряталъ ее себѣ за пазуху. Но этимъ не ограничился; легкость, съ которой я досталъ шапку, поощряла меня сдѣлать еще одну попытку: мнѣ захотѣлось взять у жандарма и револьверъ; и вотъ я опять тихо зашарилъ рукою уже не возлѣ его головы, а у пояса, гдѣ висѣлъ кожанный кобуръ съ револьверомъ. Однако, потревожилъ ли я его нечаянно рукою, или по какой другой причинѣ, только, вдругъ, онъ заворочался, сталъ менѣе глубоко дышать, потомъ онъ приподнялся, усѣлся и принялся розыскивать кругомъ себя фуражку. Я притворился спящимъ.

До станціи жандармъ не прилегалъ болѣе и время отъ времени все искалъ свою шапку. Видно онъ былъ очень обезпокоенъ потерею. Когда мы пріѣхали на станцію и зашли въ горницу посидѣть, въ ожиданіи пока запрягутъ свѣжихъ лошадей, я спросилъ его: „А гдѣ фуражка? Потерялъ?“ „Да, баринъ, потерялъ“, отвѣтилъ онъ. Тогда, смѣясь, я вытащилъ шапку изъ за пазухи и отдалъ ему. Потомъ я повелъ съ нимъ шутливую бесѣду въ такомъ духѣ, что конвойному не полагается спать въ дорогѣ, что я могъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ и бѣжать и прочее. Онъ, съ своей стороны, отшучивался и, между прочимъ, очень серьезно высказалъ мнѣніе, что я не захочу бѣжать съ дороги. На мой вопросъ, почему онъ такъ думаетъ, онъ вдругъ отвѣтилъ: „Да незачто вамъ меня подъ судъ подводить! Сами знаете, — нашего брата строго за это наказываютъ!...“ Я былъ непріятно удивленъ этимъ на-

ивнымъ соображеніемъ моего конвойнаго, но ничего ему не возразилъ на это. Мой жандармъ полагалъ, что, конвоируя меня, онъ этимъ исполнялъ долгъ службы и предписанія начальства, которые почему-то и я долженъ былъ уважать или, по крайней мѣрѣ, признавать. Если бы мнѣ пришла тогда охота пуститься съ нимъ въ разъясненія вопроса, то, по всей вѣроятности, всплыли бы на сцену „жена и дѣти“, которыхъ ему надо было кормить и ради которыхъ онъ принужденъ былъ служить и слушаться начальства. Ему надо было кормить жену и дѣтей (или, можетъ быть, самому кормиться) и онъ не находилъ другого способа, какъ кормить ихъ моимъ тѣломъ и душою. Онъ клалъ на одни вѣсы, съ одной стороны мою пятнадцатилѣтнюю каторгу, т. е. всю жизнь, съ другой — свою отвѣтственность за мой побѣгъ, сводившуюся, можетъ быть, къ лишенію наградныхъ или много-много къ увольненію отъ службы, и думалъ, что это равнозначущія величины. Врочемъ, онъ, навѣрно, ничего не думалъ и ничего не клалъ ни на какіе вѣсы. И между тѣмъ мой жандармъ вовсе не былъ ни идіотомъ, ни разбойникомъ. Онъ казался даже довольно добродушнымъ человѣкомъ. Да навѣрно такъ и было. Это былъ средній россійскій служилый человѣкъ.

Въ Тюмени, куда насъ довезли на тройкахъ, мы просидѣли въ тюрьмѣ до отхода перваго парохода; затѣмъ посажены были на арестантскую баржу, подобную той, на какой плыли по рѣкѣ Камѣ, и отправлены дальше на востокъ. Помѣстили насъ въ каютѣ на кормѣ судна, въ томъ отдѣленіи, гдѣ помѣщался офицеръ съ конвойными солдатами. Такимъ образомъ, и тутъ мы были отдѣлены отъ уголовныхъ, но только мы не стѣсняли ихъ здѣсь, какъ это было при переѣздѣ до г. Перьми. Мы сидѣли въ каютѣ, устроенной собственно для аптеки и, кажется, фельшера, но на этотъ разъ предоставленной намъ. Гулять насъ выпускали на заднюю палубу. Это была небольшая площадка, находившаяся на самомъ концѣ (заднемъ) баржи, безъ бортовъ, безъ желѣзной клѣтки сверху, такъ что всякій разъ во время нашего

гулянья конвойные солдаты въ предупрежденіе того, чтобы кому нибудь изъ насъ не явилась охота попытать счастья и броситься въ воду, становились вдоль краевъ судна и стерегли насъ.

Первые дни мы плыли на сѣверо-востокъ по теченію притоковъ Иртыша и по Иртышу; но, войдя въ Обь, поворотили прямо на востокъ и поплыли противъ теченія, вверхъ по рѣкѣ. Мы дошли до 62 градуса сѣверной широты. Хилыя, малорослыя деревца укрывали плоскіе берега Оби, мѣстами понижавшіеся до того, что вода заливала ихъ на громадныя пространства. Мѣстами берега эти поднимались надъ водою на 1 ½ — 2 метра, и тогда въ разрѣзѣ виденъ былъ толстый слой рыжаго торфа, по которому, какъ иголки, торчали совсѣмъ низенькія, полу-засохшія сосенки. Все указывало на близость тундры. Обь разбивалась здѣсь на множество рукавовъ, образуя низкіе острова. Пароходъ и наша баржа, тянувшаяся сзади на канатѣ, то приближались къ берегамъ, то оставляли ихъ далеко позади себя и выплывали на необозримыя водныя пространства, какъ море, поражавшія глазъ. Повидимому, Обь была въ полноводьи. Попадались и такіе острова, гдѣ не было видно ни рыжаго торфа, ни сосенъ, а росли лѣсныя породы деревъ, въ родѣ лозника. Изъ окна нашей каюты я смотрѣлъ на этотъ тонкій, густо переплетавшійся лозникъ, напоминавшій наши молодыя лиственныя заросли, и по временамъ меня до того тянуло туда, что я, казалось, охотно согласился бы, чтобы меня бросили одного на этихъ уединенныхъ берегахъ, какъ уныло они не выглядѣли. Когда баржа наша при извѣстныхъ поворотахъ подплывала совершенно близко къ берегу, такъ что вотъ-вотъ касалась его своимъ бокомъ, и вода шипѣла и крутилась у самого берега, сердце мое начинало стучать учащенно, — такъ и хотѣлось прыгнуть на берегъ и убѣжать.

Погода все время стояла хорошая. Медленно катила Обь свою мутную воду. Пароходныя колеса безостановочно хлопали. Тихо уплывали назадъ низкіе бе-

рега, тянувшіеся по сторонамъ, а на смѣну имъ выплывали на встрѣчу другіе, такіе же однообразные и пустынные, такіе же низкіе и сырые, лишенные слѣдовъ человѣка. Кое когда лишь кто нибудь изъ конвойныхъ, указывая рукою на отдаленный берегъ, говорилъ: „А вотъ и остятскіе колья!“ и разсказывалъ при этомъ, что эти колья остяки вбивали въ землю для того, чтобы на нихъ сушить свою рыбу. Я напрягалъ зрѣніе, чтобы увидѣть колья; но полусухія деревца, торчавшія, подобно кольямъ, по всему берегу, мѣшали, и я ничего не могъ отличить.

Наконецъ, пароходъ съ нашей баржей причалилъ къ пристани. Но что это была за пристань, — Сургутъ или другое какое поселеніе — не знаю. Здѣсь въ первый разъ я увидѣлъ остяковъ. Они стояли на берегу, одѣтые въ лохмотья, съ всклокоченными волосами на большихъ головахъ (казавшихся большими, можетъ быть, потому, что волосы были всклокочены), на тоненькихъ ножкахъ, низенькіе, хилые, точь въ точь, какъ ихъ сосны, выросшія на торфѣ и болотѣ, и продавали рыбу, нанизанную черезъ жабры на лозинки. Они охотно уступали за пятачекъ связку стерлядей штукъ въ десятокъ. Всякій разъ на вопросъ, „сколько хочешь?“ — отвѣчали: „рубль“. Повидимому, рубль былъ для остяка такимъ же нарицательнымъ словомъ, какъ и имя Васька, на которое всякій изъ нихъ откликался. Припоминаю, Волошенко, побуждаемый, должно быть, жалкимъ видомъ одного „Васьки“, бросилъ ему на берегъ пачку табаку въ промѣнъ за рыбу. Мы слыхали, что у остяковъ очень цѣнится табакъ. Пачка табаку стоила, по крайней мѣрѣ, въ четверо больше той суммы, которую могъ выручить остякъ за свою рыбу. Но онъ поднявъ, и подозрительно осмотрѣвъ эту пачку со всѣхъ сторонъ, вдругъ неистово швырнулъ ее на землю, сердито крича что-то. Мгновеніе спустя, однако, онъ вторично поднялъ ее съ земли и, приложивши къ носу и принюхавшись внимательно, бережно ее спряталъ. Бѣдный „Васька“ на первыхъ порахъ, должно быть, не разобралъ, что за-

ключалось въ пачкѣ, такъ какъ, пожалуй, до этого случая никогда не видѣлъ табаку въ пачкахъ, а все только въ листахъ, какой обыкновенно доставляютъ имъ наши купцы.

Глава XXIV.

ОТЪ ТОМСКА ДО КРАСНОЯРСКА И ПРЕБЫВАНІЕ ВЪ КРАСНОЯРСКОЙ ТЮРЬМѢ.

Въ Томскъ мы прибыли дней черезъ десять. Я долженъ сказать, что административные, которые были къ намъ присоединены въ Москвѣ, проѣхали съ нами только до Тюмени; тамъ ихъ остановили, и оттуда дальше отправлено было насъ всего десять человѣкъ (девять насъ по кіевскимъ процессамъ и одинъ централистъ, Опрышко, присоединенный къ нашей партіи еще въ Мценскѣ).

Оглядывая какъ-то нашу камеру (въ томской пересыльной тюрьмѣ), мы нашли на стѣнахъ ея надписи карандашемъ, сдѣланныя Армфельдъ, Ковалевскою и другими женщинами, осужденными по нашему процессу. Это было первое свѣденіе, полученное нами о нихъ; мы узнали, такимъ образомъ, что онѣ были уже провезены этой самой дорогой.

Но въ Томскѣ мы только передохнули; появились опять полиціймейстеръ, прокуроръ и другіе чиновники; къ тюремнымъ воротамъ подкатили почтовыя тройки и насъ подъ конвоемъ вывели за ворота. Мы разложили по кибиткамъ наши мѣшки съ вещами, разсѣлись по одному (конечно, съ конвойными) и двинулись въ доро-

гу. До черты города сопровождалъ насъ полиціймейстеръ, и мы ѣхали сравнительно медленно. Но тутъ его фаэтонъ остановился, и къ нему подошелъ засѣдатель. Я видѣлъ, какъ полиціймейстеръ что-то ему передалъ, и онъ, взобравшись въ почтовую кибитку, быстро покатилъ по красноярскому тракту. Слѣдомъ за нимъ поскакали одна за другой и наши тройки.

Снова погнулась ѣзда съ безпрерывно звенящими колокольчиками, съ тряской и толчками, съ остановками на станкахъ, гдѣ перепрягали лошадей. На станціяхъ засѣдатель распоряжался, чтобы скорѣе подавали свѣжія тройки; мы пересаживались и неслись дальше.

Переѣздъ отъ Томска до Красноярска совершился, кажется, дня въ три. Насколько могу припомнить, засѣдатели въ дорогѣ смѣнялись: всякій конвоировалъ только по своему участку.

Одинъ изъ нихъ оказался интереснымъ разсказчикомъ; онъ намъ разсказывалъ о бѣгунахъ, скрывавшихся по лѣсамъ Томской губерніи, по посѣкамъ, и о томъ, какъ ему приходилось, преслѣдуя ихъ, пробѣгать на лыжахъ огромныя разстоянія (дѣло происходило зимою, и проѣзжихъ дорогъ не было). Нужно знать, что въ Томской губ. довольно развито пчеловодство, и посѣки разбросаны по тайгѣ на значительныхъ разстояніяхъ отъ селеній, представляя, такимъ образомъ, весьма удобные притоны для укрывательства.

Слушая разсказы этого засѣдателя, я глядѣлъ на его загорѣлое мужественное лицо, знакомое и съ вѣтромъ, и съ непогодами, и невольно сравнивалъ его съ нашими современными становыми-бѣлоручками, и долженъ сказать откровенно—сравненіе оказывалось не въ пользу послѣдняго. Что бы ни говорили, но я, право же, предпочту стараго дореформеннаго полицейскаго современному, умѣющему кланяться одной головой, какъ кланяются гвардейскіе офицеры, носящіе браслеты, и въ то же время способному къ такимъ доносамъ и шпіонству, на какіе едва ли былъ способенъ дореформенный полицейскій. Да, я предпочитаю грубаго Держиморду вѣж-

ливому современному исправнику, какъ предпочту всегда дикого быка очковой змѣ.

Впрочемъ, засѣдатель, о которомъ идетъ рѣчь, совсѣмъ не походилъ на Держиморду. По отношенію къ намъ онъ велъ себя прилично и просто. Замѣтивъ, что мы интересуемся Сибирью, онъ разсказывалъ случаи изъ сибирской жизни и знакомилъ насъ съ мѣстными условіями. Помню, на одномъ станкѣ у него вышло столкновеніе съ крестьянами: крестьяне не хотѣли давать лошадей. Нужно сказать, что лошадей брали частью почтовыхъ, частью „обывательскихъ", т. е. какъ дорожную повинность. Конечно, лошади въ концѣ концовъ были даны; но въ ту минуту, когда мы усаживались въ кибитки (еще даже незапряженныя), изъ толпы, стоявшей на улицѣ возлѣ почтовой станціи, вдругъ раздался голосъ: „Пѣшкомъ гонять этихъ бунтовщиковъ, а не возить въ телѣгахъ!.. Чего противъ царя бунтуютъ!" „А тебѣ что сдѣлалъ царь, что ты за него здѣсь горло дерешь? Стоеросовая дубина!... Да и царь твой такая же дубина!.." сердито крикнулъ въ отвѣтъ одинъ изъ товарищей. Эта брань произвела свое дѣйствіе: защищать царя не нашлось другихъ охотниковъ. А нашъ засѣдатель какъ будто ничего не слыхалъ и продолжалъ только торопить, чтобы поскорѣе запрягали лошадей. Этотъ случай нисколько не измѣнилъ нашихъ съ нимъ отношеній, и на слѣдующей же станціи онъ опять что-то разсказывалъ намъ изъ сибирской жизни.

Справедливость требуетъ сказать, что отношеніе властей, встрѣчавшихся по пути, равно какъ и конвоировавшихъ насъ, было вообще хорошее къ намъ. Происходило это, вѣроятно, отъ ихъ желанія избѣжать непріятныя столкновенія, на которыя мы, собственно говоря, готовы были всякую минуту, но которыя совсѣмъ были не въ интересахъ властей, старавшихся лишь о томъ, какъ бы поскорѣе спровадить насъ, повозможности безъ скандала, и сдать другимъ, слѣдующимъ. Само собою разумѣется, что мы пользовались этимъ и становились иногда требовательны. Такъ, помню, въ г.

Маріинскѣ, Томской губ., гдѣ на почтовой станціи встрѣтили насъ мѣстный исправникъ и жандармскій офицеръ, мы встребовали для себя полушубки, мотивируя тѣмъ, что холодно было ѣхать по ночамъ. Не смотря на то, что по инструкціи полушубки выдаются арестантамъ зимою, мы ихъ здѣсь получили лѣтомъ и, конечно, не въ зачетъ (съ наступленіемъ зимы намъ выдали еще по одному, такъ что потомъ у всякого оказалось по два полушубка).

На третьи сутки мы пріѣхали въ г. Красноярскъ, помѣщены были въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ и стали ждать дальнѣйшихъ распоряженій генер. губернатора Восточной Сибири.

Такъ мы окончили наше путешествіе по Европейской Россіи и Западной Сибири и находились теперь въ городѣ, считавшемся въ предѣлахъ уже Восточной Сибири.

Мы были помѣщены въ верхнемъ этажѣ праваго крыла тюрьмы, очищеннаго отъ уголовныхъ и приготовленнаго спеціально для политическихъ. Сосѣдняя съ нашей камера занята была политическими женщинами (около десяти), ссылавшимися административнымъ порядкомъ преимущественно изъ южныхъ городовъ: Одессы, Николаева, Херсона и Кишинева. То были жертвы Нанютина, того самаго генерала-каракатицы, о которомъ я вспоминалъ какъ то раньше. Между административными въ той же камерѣ сидѣла въ это время и каторжанка, Марія Ковалевская, судившаяся въ Кіевѣ по нашему процессу и отставшая по болѣзни отъ своихъ товарокъ, ушедшихъ уже съ этапомъ въ Иркутскъ. Остальныя камеры нашего отдѣленія оставались еще свободны.

Камера, гдѣ пришлось мнѣ съ товарищами сидѣть въ ожиданіи дальнѣйшихъ генералъ-губернаторскихъ распоряженій, окнами своими была обращена на востокъ, т. е. туда, куда лежалъ и нашъ далекій путь. Взобравшись на подоконникъ, по цѣлымъ часамъ, бывало, глядѣлъ я въ ту сторону. Вдали за городомъ (хо-

тя я не могу припомнить, видны ли были изъ оконъ постройки) тянулась громадная впадина, гдѣ протекалъ Енисей, о чемъ приходилось только догадываться, такъ какъ самой рѣки не было видно. А дальше за впадиной открывался видъ на обширную возвышенную степь, заканчивающуюся вдали на горизонтѣ хребтомъ, круто подымавшихся лѣсистыхъ горъ. Особенно помнится одна гора, которая выдѣлялась своею голою, круглою вершиною. Вглядываясь въ эту лысую гору, торчавшую на горизонтѣ, воображенію моему все рисовалась почтовая дорога, зигзагами поднимавшаяся вверхъ. Проходилъ ли трактъ на Иркутскъ дѣйствительно черезъ эту гору, или нѣтъ — сказать не могу, такъ какъ когда мнѣ пришлось идти по этой дорогѣ, мѣстности я не могъ узнать. Вблизи я совсѣмъ не то увидѣлъ, что представлялось изъ окна. Долина Енисея, собственно острова, оказалась поросшей густою лозою. Горы тоже имѣли другой видъ. Очень возможно, что лысая гора, въ которую я такъ жадно вглядывался, оставалась совершенно гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ тракта, и я ее такъ больше и не видѣлъ, кромѣ какъ изъ окна тюрьмы. Однако, какъ бы тамъ ни было, а до сихъ поръ мнѣ памятна картина, представлявшаяся моимъ глазамъ изъ окна красноярскаго тюремнаго замка. Вотъ виднѣется провалье, долина, надъ которой стелется легкій, сизый туманъ, — тамъ протекаетъ рѣка Енисей; а выше сквозь прозрачный воздухъ рѣзко вычерчивается на горизонтѣ цѣпь горъ, поросшихъ лѣсомъ. Эта даль неудержимо манила меня къ себѣ. Всякій разъ, глядя туда, мое воображеніе разыгрывалось, живо рисуя вольную жизнь среди дикой природы. Мнѣ уже слышался шумъ громадныхъ сосенъ, раскинувшихъ высоко надъ моей головой свои желтыя вѣтви. Я видѣлъ полумракъ первобытнаго лѣса, чувствовалъ смолистый запахъ хвой и ароматъ малины, свѣсившейся красными пучками до самой земли. Крупныя капли росы висѣли на ягодахъ, дрожали при малѣйшемъ вѣтеркѣ, переливаясь радужными цвѣтами. И внутри меня самого все дрожало и

ныло... Чѣмъ бы я не пожертвовалъ тогда, чтобы только пощататься по тѣмъ горамъ.

Верхній этажъ праваго крыла тюрьмы, какъ я уже сказалъ раньше, былъ очищенъ отъ уголовныхъ. Повидимому здѣсь, въ этой тюрьмѣ, назначался сборный пунктъ для политическихъ, слѣдовавшихъ въ Восточную Сибирь. Въ дѣйствительности это такъ и было. Нѣсколько времени спустя послѣ нашего пріѣзда, пустыя камеры нашего корридора стали наполняться новоприбывающими. Это были административно-ссыльные, отправляемые въ Сибирь преимущественно изъ южныхъ губерній Чертковымъ, генералъ губернаторомъ кіевскимъ и Панютинымъ. Курьезно было то, что насъ, лишенныхъ правъ и ссылаемыхъ на каторгу, везли отъ Томска до Красноярска на почтовыхъ, между тѣмъ административно-ссыльныхъ ,т. е. людей, не лишенныхъ правъ и ссылаемыхъ безъ суда въ Восточную Сибирь, отправляли изъ того же Томска въ Красноярскъ съ уголовными этапными партіями. Мы, осужденные, оказывались, такимъ образомъ, на привилегированномъ положеніи.

Время, проведенное нами въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ среди огромной компаніи, прошло незамѣтно въ дружескихъ бесѣдахъ и взаимномъ высказываніи своихъ плановъ и надеждъ. Общее настроеніе было возбужденное и даже, если можно такъ выразиться, возвышенное. Правительство, обострившее свои преслѣдованія, сотнями ссылало „неблагонадежныхъ“, а „неблагонадежные“ шли въ Сибирь, нисколько не чувствуя себя ни подавленными, ни уничтоженными тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ ссылали куда-то на край свѣта. Напротивъ, всѣ глядѣли бодро въ глаза будущему и вѣрили въ успѣхъ борьбы. Но красноярскіе ссыльные не представляли собою исключенія, и подобнымъ духомъ были заражены тогда всѣ, прикосновенные къ нашему революціонному движенію. Трудно было допустить, чтобы такое настроеніе прошло безслѣдно. Въ ближайшемъ будущемъ невольно поэтому ожидались выдающіеся революціонныя событія.

Первые дни послѣ нашего пріѣзда въ Красноярскъ камеру нашу держали запертой. Но потомъ, когда прибыли административные, мы часто проводили время всѣ вмѣстѣ, и только на ночь запирали насъ опять по нашимъ камерамъ. Мнѣ такъ живо-живо воскресаетъ теперь въ памяти корридоръ красноярской тюрьмы и эта шумная, веселая молодежь, снующая взадъ и впередъ по корридору и по камерамъ. Слышится смѣхъ, разговоры. Одни горячатся и спорятъ по какимъ-то вопросамъ, другіе тихо бесѣдуютъ, вспоминаютъ о чемъ-то. Какое движеніе и шумъ! Молодыя, одушевленныя лица совсѣмъ не гармонируютъ ни съ сѣрыми арестантскими халатами, болтающимися на ихъ плечахъ, ни съ желѣзными рѣшетками, вдѣланными въ окнахъ корридора Возлѣ стеклянныхъ дверей въ корридорѣ стоитъ ключникъ, а за дверьми часовой, и оба улыбаются. Дверь эта отдѣляетъ нашъ корридоръ (наше отдѣленіе) отъ остальной тюрьмы, и потому она всегда заперта. На угрюмыхъ лицахъ ключника и часового, смотрящихъ черезъ стеклянную дверь, играетъ улыбка. По роду службы они должны имѣть важный и угрюмый видъ, но не могутъ удержаться, глядя на веселыя кучки малодежи, проходящей взадъ и впередъ мимо ихъ. Что думаютъ въ эту минуту ключникъ и часовой? Трудно угадать. Но несомнѣнно, что обоимъ имъ здѣсь весело стоять, несравненно веселѣе, чѣмъ въ другихъ отдѣленіяхъ тюрьмы.

Да, шумно текла жизнь въ красноярскомъ тюремномъ замкѣ, хотя многимъ уже въ ту минуту заглядывала смерть изъ за спины. Такъ, короткое время спустя, административно-ссыльная Патруева отравилась спичками въ г. Енисейскѣ, куда она была отправлена на поселеніе изъ красноярской тюрьмы. Я помню ее хорошо: это была молоденькая (почти ребенокъ), хорошенькая дѣвушка. Въ ея круглыхъ сѣрыхъ глазахъ выражалось такъ много дѣтской довѣрчивости, что достаточно было на нихъ посмотрѣть одинъ разъ, чтобы почувствовать къ ней симпатію и жалость. Она была такая

живая и веселая... Бѣлые зубы часто сверкали изъ за ея пухлыхъ губокъ, дѣлая ее похожей на звѣрька изъ породы грызуновъ. Мы прозывали ее Тушканчикомъ. Патруева была самая молоденькая въ камерѣ (гдѣ сидѣли женщины), до того молоденькая, что нуждалась еще въ материнской ласкѣ; по крайней мѣрѣ, видимо, ей очень нравилось находиться подъ опекой и покровительствомъ каторжанки Маріи Ковалевской, бывшей значительно старше ее. Что было поводомъ ссылки ея въ Сибирь — не знаю, какъ не знаю и причины, вызвавшей ея самоубійство. Бѣдный Тушканчикъ! За что тебя загубило русское правительство?

За время моего пребыванія въ красноярской тюрьмѣ, насколько могу припомнить, изъ Томска успѣло прибыть по этапу двѣ партіи административныхъ. Само собою разумѣется, что, познакомившись съ порядками этапнаго путешествія, административные, когда прибыли въ Красноярскъ, незамедлили подѣлиться съ нами, каторжанами, своими свѣдѣніями.

Въ это то время, послѣ обстоятельнаго ознакомленія съ условіями этапнаго путешествія, у меня впервые родилась мысль бѣжать при посредствѣ „смѣнки“.

Нужно сказать, что я былъ отчасти и раньше знакомъ съ тѣмъ, что такое „смѣнка“. Во время этапнаго путешествія конвойные солдаты съ офицерами перемѣняются черезъ всякіе два дня, и арестанты, пользуясь тѣмъ, что ихъ не знаютъ въ лицо, мѣняются другъ съ другомъ (иногда за самое ничтожное вознагражденіе) своими именами, а вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, и приговорами, къ которому всякій изъ нихъ присужденъ; поселенецъ принимаетъ на себя имя каторжанина и идетъ вмѣсто его въ рудники, а тотъ, съ другой стороны, выходитъ на поселеніе гдѣ либо въ Енисейской или Иркутской губ. и становится вольнымъ человѣкомъ.

Такого то рода „смѣнку“ задумалъ и я осуществить во время дороги въ Иркутскъ, куда, какъ намъ было извѣстно, должны были отправить насъ этапнымъ порядкомъ.

Въ двадцатыхъ числахъ августа объявили намъ, что шестеро изъ насъ отправляются съ этапомъ въ Иркутскъ. Эти шестеро были: два брата Избицкіе, Волошенко, „Неизвѣстный“, Феохари и Опрышко. Первые пять человѣкъ были по кіевскимъ процессамъ. Опрышко же судился значительно раньше, успѣлъ къ этому времени отбыть свою каторгу въ харьковской централкѣ и теперь препровождался въ Восточную Сибирь, на поселеніе. Такимъ образомъ, въ первый списокъ отправляемыхъ съ этапомъ я не попалъ. Это мнѣ не нравилось ввиду моего плана побѣга, и я сталъ хлопотать, чтобы меня назначили въ первую партію. Хлопоты мои увѣнчались успѣхомъ: Опрышко оставленъ былъ до слѣдующей партіи (партіи выходили черезъ всякую недѣлю, въ извѣстный опредѣленный день), я же назначенъ былъ вмѣсто него.

И вотъ, раннимъ утромъ одного дня шестеро насъ, выведенные изъ тюремнаго замка, двинулись пѣшкомъ, подъ конвоемъ, по направленію къ городу (тюремный замокъ стоитъ за городомъ). Пройдя до города и самимъ городомъ нѣкоторое пространство, мы очутились передъ одноэтажнымъ деревяннымъ зданіемъ, съ окнами, выходившими на улицу, съ высокимъ деревяннымъ частоколомъ, тянувщимся вдоль улицы влѣво. Это была пересыльная тюрьма. Огромныя ворота, ведшія во дворъ пересыльной, были заперты, и насъ пропустили внутрь черезъ калитку. Мы вошли въ обширный дворъ, обнесенный высокимъ частоколомъ и направились къ крыльцу того самого зданія, которое глядѣло на улицу. Тутъ, должно быть, помѣщалась контора. Въ одной комнатѣ мы увидѣли этапнаго офицера и еще какихъ то служащихъ, писарей, что-ли? Въ эту комнату зашелъ и нашъ смотритель, сопровождавшій насъ изъ тюрьмы. Онъ долженъ былъ сдать насъ этапному начальнику съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для этого правилъ, т. е. передать наши такъ наз. „статейные списки“, въ которыхъ говорилось кто мы, за что судились, къ чему приговорены и пр.; сдать по счету наши казенныя вещи и т. д.

Между тѣмъ изъ сосѣдней комнаты несся рѣзкій звукъ, получавшійся отъ ударовъ молотка по желѣзу; заглянувъ туда, я увидѣлъ кузнеца, заклепывавшаго цѣпи на ногахъ какого-то арестанта. Когда операція была окончена, закованный арестантъ ушелъ прочь во дворъ, откуда приведенъ былъ конвойнымъ другой арестантъ для той же цѣли, потомъ третій и т. д. Передъ отправкой партіи надо было просмотрѣть на всѣхъ арестантахъ кандалы. Уголовные толпами бродили по двору; но насъ не пускали къ нимъ, и мы должны были находиться въ конторѣ. На противуположномъ концѣ двора видно было другое зданіе, тоже одноэтажное, но значительно шире и длиннѣе этого. Арестанты то и дѣло заходили и выходили оттуда. Очевидно, тамъ помѣщались арестантскія камеры.

Наконецъ, мы были сданы этапному офицеру. Кузнецъ, осматривая кандалы „Неизвѣстнаго“ и Феохари, поклепалъ по нимъ молоткомъ, чтобы убѣдиться, что они были цѣлы, нелопнувшіе. Все было осмотрено, окончено, бумаги подписаны, подшиты, скрѣплены... Тогда чиновники поднялись и вышли на крыльцо. Офицеръ отдалъ приказъ... Унтеръ-офицеръ скомандовалъ, и арестанты принялись строиться по серединѣ двора въ два ряда. Начался счетъ людямъ. Мы все еще стояли въ сторонѣ отъ остальныхъ арестантовъ. „Вѣрно?“ спросилъ, наконецъ, офицеръ. Унтеръ-офицеръ назвалъ цифру. Всѣхъ въ нашей партіи оказывалось около ста восьмидесяти человѣкъ. „Ну, съ богомъ, въ путь,“ произнесъ офицеръ, махая рукою по направленію къ воротамъ.

Огромныя ворота отворились; на улицу вышли сначала солдаты съ ружьями, затѣмъ хлынула гурьбою арестантская масса.

Глава XXV.

ПЕРВЫЕ ДНИ ЭТАПНАГО ПУТЕШЕСТВІЯ. СОСТАВЪ ПАРТІИ. — БРОДЯГИ. УГОЛОВНЫЕ ДВОРЯНЕ.

Когда мы вышли за ворота, я увидѣлъ конвойныхъ солдатъ, сбитую по серединѣ толпу арестантовъ и десятка полтора телѣгъ, изъ которыхъ три были предназначены для насъ. Мы положили въ телѣги наши мѣшки съ вещами. Опять послышалась команда, и партія двинулась въ дорогу. Впереди всѣхъ шло врядъ нѣсколько человѣкъ солдатъ; за ними слѣдовали арестанты; сзади пѣшихъ арестантовъ ѣхали въ телѣгахъ ихъ жены съ дѣтьми; потомъ шли телѣги, занятыя уголовными дворянами и, наконецъ, мы заключали шествіе. Сзади партіи и съ боковъ — вдоль улицы — шли цѣпью солдаты съ ружьями.

Признаться, наше шествіе сразу припомнило мнѣ погребальную процессію. Только, вмѣсто пѣвчихъ и музыки, мы имѣли звонъ кандаловъ, доносившійся изъ переднихъ рядовъ; а шагомъ ѣхавшія сзади женщины съ дѣтьми сильно напоминали родственниковъ и близкихъ друзей покойника. У нихъ, у всѣхъ и лица были такія озабоченныя, печальныя... Мы имѣли даже свой катафалкъ, и не одинъ, а цѣлыхъ два: двѣ телѣги были высоко нагружены арестантскими пожитками, заключавшимися въ холщевыхъ казенныхъ мѣшкахъ; эти мѣшки, сильно перевязанные веревками по всѣмъ направленіямъ, возвышались цѣлой горой надъ телѣгами, двигавшимися въ серединѣ медленно шествовавшей партіи. Повторяю, мы имѣли даже катафалки. Но гдѣ находился самъ мертвецъ

— трудно было отгадать... И ничего удивительнаго, такъ какъ мертвецъ былъ тутъ не одинъ, а сто восемьдесятъ человѣкъ. Это было грандіозное погребальное шествіе, въ которомъ хоронились сразу сто восемьдесятъ человѣкъ!

Но печальное сравненіе промелькнуло лишь на первыхъ порахъ; затѣмъ впечатлѣніе его скоро сгладилось; болѣе того, сдѣлалось и любопытно, и весело на душѣ. Сибирь, о которой и въ прозѣ, и въ стихахъ приходилось такъ много слышать ужаснаго; Сибирь — это царство снѣжныхъ мятелей — теперь со всякимъ шагомъ въ глубь ея, дѣлалась все болѣе и болѣе интересной. Ея грандіозныя рѣки, первобытные лѣса, горы, которыя уже видны были изъ оконъ красноярской тюрьмы и которыя скоро, вотъ, буду видѣть передъ собою (Западная Сибирь была ровная и даже низменная), — однимъ словомъ, все, что могло пугать завзятаго горожанина, меня не только не пугало, а рѣшительно влекло къ себѣ. Городъ, съ его комфортомъ, мало привлекалъ меня въ ту минуту, такъ какъ я зналъ, что вмѣстѣ съ комфортомъ встрѣчу тамъ на всякомъ шагу жандармовъ и своры шпіоновъ, а мои нервы просто устали отъ всей этой мерзости, и мнѣ хотѣлось куда нибудь — хоть къ черту — лишь бы не видѣть жандармскихъ рожъ.

Пройдя улицами, партія наша спустилась къ берегу Енисея и тутъ остановилась въ ожиданіи перевознаго судна, находившагося въ ту минуту на противоположномъ берегу. Арестанты разсѣлись на землѣ, и многіе изъ нихъ принялись переобуваться. Я замѣтилъ, что при этомъ нѣкоторые стаскивали черезъ пятку и кандалы. Вскорѣ подъѣхалъ къ намъ этапный офицеръ, остававшійся гдѣ-то позади, и меня очень изумило то обстоятельство, что арестанты продолжали сбрасывать свои кандалы, нисколько не смущаясь его присутствіемъ. Но вотъ плашкоть (такъ называется перевозное судно) причалилъ къ берегу, и началась нагрузка. Скоро судно наполнилось телѣгами и людьми. Между другими взошли на него и мы. Это было въ первый разъ, когда мы смѣшались, наконецъ, съ толпою арестантовъ, и

помню, это обстоятельство произвело на меня большое впечатлѣніе. Я привыкъ видѣть около себя жандармовъ и солдатъ, и здѣсь, очутившись въ кругу постороннихъ людей, да еще въ такой толпѣ, среди которой, казалось, можно было даже затереться, я вдругъ почувствовалъ себя значительно свободнѣе. До сихъ поръ я видѣлъ глаза конвойныхъ, устремленные спеціально на меня. Два караульныхъ не отступали ни на шагъ; они стерегли именно меня, меня и никого другого; я это чувствовалъ каждое мгновеніе. Здѣсь я видѣлъ себя среди толпы, хоть и арестантской, а все таки толпы, состоявшей изъ нѣсколькихъ десятковъ человѣкъ (партія раздѣлена была на двѣ половины, т. к. не могла помѣститься вся на плашкотѣ); эту толпу конвоировали всего десятка два солдатъ (остальные солдаты остались на берегу съ другой половиной партіи), солдатъ, для которыхъ личность моя, мое Я, очевидно не представляло ничего особеннаго, спеціальнаго; это мое Я подведено было здѣсь подъ общій уровень и представляло не болѣе, какъ обыкновеннаго средняго арестанта, котораго только считаютъ, но котораго знать въ лицо находятъ даже излишнимъ. Здѣсь я уже не чувствовалъ спеціально на себя устремленныхъ глазъ, и это вселяло во мнѣ ощущеніе большей свободы.

Между тѣмъ нашъ плашкотъ, гонимый теченіемъ, описывалъ огромную дугу на веревкѣ, укрѣпленной якоремъ по серединѣ рѣки; вначалѣ, отъ берега, онъ двигался медленно, но потомъ скорость его постепенно увеличивалась, и по серединѣ рѣки онъ летѣлъ, какъ птица; подплывая къ противуположному берегу, онъ опять уменьшилъ свою скорость. Причаливъ къ берегу, мы стали высаживаться. Впрочемъ, то еще не былъ берегъ Енисея, а только островъ, дѣлившій Енисей на два широкихъ рукава. Это былъ низкій песчаный островъ, весь заросшій лозою. Пройдя его, мы переправились черезъ второй рукавъ и высадились на тотъ (правый) берегъ. Тамъ мы подождали, пока присоединились къ намъ остальные арестанты, и вслѣдъ затѣмъ наша пар-

тія зашагала по тракту.

Все время я шелъ пѣшкомъ, не присаживаясь на телѣгу, ѣхавшую шагомъ, и гдѣ лежалъ только мой мѣшекъ съ вещами. Физическое утомленіе мало по малу взяло верхъ надъ другими ощущеніями; но и самое это утомленіе было мнѣ пріятно, такъ какъ я его давно не испытывалъ.

Къ вечеру мы прибыли на полу-этапъ. Здѣсь я опять увидѣлъ одноэтажное деревянное зданіе съ рѣшетчатыми окнами и высокій частоколъ, обносившій дворъ. Огромныя досчатыя ворота оказались заперты въ ту минуту, когда партія наша подошла. У запертыхъ воротъ арестанты остановились и выстроились въ два ряда. Староста суетился, стараясь придать этимъ рядамъ прямую линію. Унтеръ-офицеръ сосчиталъ арестантовъ и тогда распорядился отворить ворота. Ворота растворились. Раздалось оглушительное „ура“, и арестанты со всѣхъ ногъ бросились въ ворота, давя и толкая другъ друга. Произошла неистовая сутолока: крикъ, брань, звонъ цѣпей... Толпа такъ плотно сжалась въ проходѣ, что казалось, вотъ-вотъ готовы были выломаться боковые столбы воротъ. Передніе, которымъ удавалось вывертываться изъ этихъ тисковъ толпы, опрометью мчались къ зданію, вскакивали въ камеры и занимали мѣста на нарахъ. Весь вопросъ въ томъ и заключался, чтобы захватить удобное мѣсто для ночлега. Нужно, однако, сказать, что лучшія мѣста отступались во всякомъ случаѣ бродягамъ, пользовавшимся извѣстнымъ значеніемъ въ партіи.

Эта штурмовая сцена съ небольшими видоизмѣненіями повторялась потомъ всякій разъ, когда партія приходила на ночлегъ и входила въ этапный дворъ.

Послѣ того, какъ наша партія вошла во дворъ, въѣхали телѣги съ вещами, и арестанты принялись ихъ разгружать. Потомъ телѣги уѣхали, ворота заперлись, и у калитки поставленъ былъ часовой.

Расположеніе камеръ почти по всѣмъ этапнымъ зданіямъ было одинаково, и этотъ первый полу-этапъ, на-

сколько могу припомнить, не отличался отъ другихъ. Дворянскія камеры, имѣвшія отдѣльный корридоръ съ выходомъ, находились въ переднемъ фасадѣ зданія, обращенномъ окнами къ улицѣ (этапы и полу-этапы стоятъ обыкновенно въ концѣ села). Въ боковомъ фасадѣ, тянувшемся вдоль двора, были двѣ, такъ называемыя, „общія камеры", изъ которыхъ одна глядѣла окнами наружу, другая — во внутрь двора. Въ задней части зданія были камеры для семейныхъ арестантовъ, и тамъ же, въ другомъ только отдѣленіи, помѣщался конвой.

Прибывши на полу-этапъ, арестанты прежде всего занялись приготовленіемъ ѣды. Во дворѣ разложены были костры. Всякій готовилъ себѣ изъ тѣхъ продуктовъ, которые ему удалось купить у сельскихъ женщинъ, появившихся въ этапномъ дворѣ вскорѣ послѣ прихода партіи. Арестанты получали паекъ отъ офицера по деньги копѣекъ на всякаго (лица дворянскаго званія по пятнадцати) и на эти деньги дѣлали свои закупки.

Съ приближеніемъ сумерекъ арестантовъ загнали въ камеры, еще разъ провѣрили (сосчитали) и заперли на ночь.

Камеры были такъ малы (по сравненіи съ числомъ арестантовъ), что не хватало всѣмъ мѣста на нарахъ; почти половина разложилась со своими мѣшками и подстилками подъ нарами, на полу и въ корридорахъ. Многіе помѣстились у насъ, въ дворянской камерѣ, чему, впрочемъ, мы были весьма рады, такъ какъ это давало намъ возможность поскорѣе завязать знакомства. Только выходныя двери были заперты на ночь, такъ что арестанты могли свободно переходить изъ одной камеры въ другую; кромѣ того, какъ я уже сказалъ, они пользовались и корридоромъ для помѣщенія. Въ корридорѣ, въ углу, около выходной двери, были поставлены на ночь огромныя „параши"; въ томъ же корридорѣ, но на противуположномъ концѣ помѣстился майданщикъ со своимъ сундукомъ, въ которомъ сохранялись припасы кирпичнаго чаю, сахару, сальныхъ свѣчей, табаку и другихъ принадлежностей, нужныхъ для арестантовъ.

„Майданъ“, являлся такимъ, образомъ чѣмъ то въ родѣ подвижной лавочки въ партіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, а то даже, пожалуй, и главнымъ образомъ, игорнымъ домомъ. И теперь возлѣ майданщика горѣли свѣчи, и вокругъ разостланныхъ на полу халатовъ сидѣло около десяти человѣкъ и играло въ карты.

Въ камерахъ между тѣмъ стоялъ страшнѣйшій гамъ и шумъ, и среди этого шума раздавались время отъ времени рѣзкіе, звенящіе удары по желѣзу. Эти удары производились по кандаламъ. Арестанты удлиняли заклепки въ кандалахъ, въ томъ кольцѣ, которое обхватывало ногу, для того чтобы можно было сбрасывать кандалы черезъ пятку. Я убѣжденъ, что этотъ звонъ разбиваемыхъ кандаловъ прекрасно слышали и солдаты, и офицеръ, но не обращали на это вниманія. Тотъ самый офицеръ, который еще сегодня утромъ передъ отправкою изъ Красноярска такъ тщательно осматривалъ у всѣхъ арестантовъ кандалы и приказывалъ кузнецу ихъ заклепывать, разъ находилъ у кого нибудь неисправными, этотъ самый офицеръ теперь спокойно слушалъ, сидя въ своей комнаткѣ на полу-этапѣ, какъ арестанты разбивали эти только что сдѣланныя заклепки. До Иркутска два мѣсяца этапнаго хода; не всякій въ состояніи совершить такое длинное путешествіе въ кандалахъ; поэтому на первомъ же полу-этапѣ многіе арестанты самовольно разбивали заклепки, чтобы можно было сбрасывать съ ногъ кандалы и, вложивши въ мѣшекъ, везти ихъ съ собою, подобно тому, какъ возитъ отставной офицеръ мундиръ, который служитъ ему только въ торжественныхъ случаяхъ. Нашъ офицеръ сегодня утромъ при пріемѣ партіи являлся строгимъ блюстителемъ закона, требовавшаго заковки арестантовъ; здѣсь на полу-этапѣ онъ философски смотрѣлъ на нарушеніе этого самаго закона, очевидно сознавая его полную неприложимость къ дѣйствительнымъ условіямъ этапнаго передвиженія.

Въ „дворянскую“ камеру, гдѣ помѣщались мы, набилось множество народа; духота и вонь были невыноси-

мыя, не смотря на то, что окна были отперты всю ночь. Но все это было ничто по сравненію съ тѣмъ, что происходило въ общихъ камерахъ и особенно въ корридорѣ. „Параши“ за ночь переполнились и содержимое, переливаясь черезъ край, текло по полу, распространяя страшный смрадъ; и тутъ же, возлѣ этой грязи, спали несчастные арестанты!

На разсвѣтѣ выходная дверь была отперта солдатами, и арестанты въ камерахъ закопошились: стали подниматься, укладывать вещи въ мѣшки, — словомъ, готовиться въ дорогу. Парашники принялись за уборку корридоровъ и камеръ. Вотъ, наконецъ, раздалась громкая команда старшаго: „выходи на повѣрку!“ и арестантская масса двинулась изъ камеръ во дворъ. Здѣсь опять они построились въ два ряда, и Унтеръ-офицеръ ихъ пересчиталъ. Офицера не было: онъ даже не выходилъ изъ своего отдѣленія. Между тѣмъ во дворъ въѣхали двѣ телѣги, ихъ нагрузили мѣшками, перевязали веревками; когда все было готово, и повѣрка окончена, партія двинулась въ дорогу.

Къ вечеру мы прибыли на этапъ, отличавшійся отъ предыдущаго полу-этапа только тѣмъ, что былъ чуточку просторнѣе. Главнымъ образомъ просторнѣе было помѣщеніе для солдатъ и въ особенности для офицера; съ лѣвой стороны этапнаго двора для него построенъ былъ отдѣльный домикъ. Здѣсь наша партія имѣла дневку, во время которой офицеръ, конвоировавшій изъ Красноярска, передалъ партію новому этапному офицеру. Старая команда ушла послѣ этого обратно въ Красноярскъ, а партія двинулась дальше уже въ сопровожденіи новаго конвоя.

Такъ чередовались полу-этапы и этапы съ дневками, во время которыхъ при передачѣ партіи происходили болѣе тщательныя повѣрки, какъ самихъ арестантовъ (ихъ перекликали по „статейнымъ спискамъ“), такъ и казенныхъ вещей, находившихся у нихъ на рукахъ. Такъ двигалась наша партія.

У насъ, какъ и въ другихъ сибирскихъ этапныхъ

партіяхъ, бродяги являлись господствующимъ элементомъ; они задавали тонъ всѣмъ. Происходило это отъ ихъ сравнительно большей организованности; кромѣ того, они представляли собою высшую ступень въ арестантской іерархической лѣстницѣ. Каторжанинъ, бѣжавши съ рудниковъ, стремится добраться до границъ Европейской Россіи; тамъ, въ случаѣ ареста, показываетъ себя „непомнящимъ“ „бродягою“; особенно полезно ему на этотъ случай имѣть „мѣсто“, т. е. показать себя на имя какого либо безъ вѣсти пропавшаго; въ такомъ случаѣ судьба его вполнѣ обезпечена; онъ идетъ на мѣсто, судится тамъ за бродяжество, и на его прошлое навсегда натягивается занавѣсь. На бродяжескомъ языкѣ это называется: „выходить себѣ волю“. Такимъ образомъ каторга является главнымъ поставщикомъ бродяжескихъ рядовъ, и всякій бродяга представляетъ собою скрывающагося каторжника.

Причину бродяжескаго вліянія, какъ я уже сказалъ, надо искать въ ихъ сравнительной организованности. Бродяга за бродягу всегда заступается; достаточно поднять споръ по поводу чего бы то ни было поселенцу съ бродягою, какъ тотчасъ же арава другихъ бродягъ поднимается на помощь сотоварищу ,и споръ рѣшается почти всегда въ пользу послѣдняго. Я бывалъ свидѣтелемъ, какъ нарушалась при этомъ справедливость самымъ наглымъ образомъ. Сидя по разнымъ острогамъ, бродяги между собою сносятся. Стѣны этаповъ полны ихъ надписей, которыми они даютъ знать другъ о другѣ. „Съ шестой партіей 1879 года прошелъ Иванъ Николаевъ. Кланяется Кирпичеву“, читаете вы (партіи обозначаются номерами; такъ наша партія была восьмая). Или: „гдѣ ты, Степанъ Тимофеевичъ? Откликнись Васильеву; онъ прошелъ съ четвертой партіей 1879 г.“ и т. д. Стѣны особенно отхожихъ мѣстъ буквально испещрены подобными надписями. Очевидно, „Степанъ Тимофеевичъ“ знаетъ, кто это „Васильевъ“, да знаетъ, гдѣ искать о немъ и свѣденій. Оба они не разъ уже проходили этимъ трактомъ и не разъ еще будутъ про-

ходить; раньше бродяжили вмѣстѣ гдѣ нибудь въ Томской губерніи, а, можетъ быть, даже и изъ карійскихъ рудниковъ вмѣстѣ спасались.

Если въ какой либо глухой мѣстности появлялся охотникъ, занимавшійся „промысломъ на горбачей“,*) т. е. другими словами, стрѣлялъ бродягъ ради одежды, топора, котелковъ и пр., то объ этомъ расходилась далеко вѣсть по острогамъ и тюрьмамъ, и бродяги сговаривались мстить. И мстили такимъ охотникамъ иногда весьма жестоко. Убить бродягу во время его странствованія не представляло бы никакой опасности, если бы другіе бродяги не являлись мстителями. Бродяга, безпаспортное существо, отверженное обществомъ, ровно никому не интересное, кромѣ какъ себѣ подобнымъ, такимъ же бездомнымъ существамъ, — и исчезновеніе его изъ міра, конечно, не возбудитъ вниманія полиціи. Бродяги разсказывали мнѣ, что подобныхъ охотниковъ на „горбачей“ было не мало въ то время среди бурятъ Забайкальской Области; помню, указывали также на одного крестьянина, жившаго по такъ называемому „Илгинскому тракту“ (Иркутской губ.), который тоже, какъ говорили, стрѣлялъ бродягъ.

Вотъ въ этой то борьбѣ за свое существованіе, какъ внутри острога, такъ и на волѣ, создалось и окрѣпло бродяжническое товарищество (это слово я нахожу болѣе подходящимъ, чѣмъ слово организація), духъ котораго проявлялся на всемъ складѣ жизни сибирской этапной партіи. Вліянію бродягъ нужно приписать то, что въ нашей партіи, напр., не произошло ни одного случая доносничества, хотя смѣнокъ было сдѣлано много. Среди ста восьмидесяти арестантовъ, конечно, не мало нашлось бы охотниковъ наушничать и доносить изъ за мелкихъ выгодъ, если бы ихъ не сдерживалъ страхъ суда товарищей (бродягъ, главнымъ образомъ) и наказанія, подчасъ весьма жестокаго. Я помню, впрочемъ, какъ одинъ арестантъ донесъ на другого: посе-

*) Горбачъ — синонимъ бродяги.

ленецъ донесъ на каторжанина, съ которымъ смѣнялся за извѣстное вознагражденіе. Какую бурю вызвало это среди бродягъ! Каторжанинъ былъ въ нашей партіи; его тотчасъ же арестовали. Доносчикъ остался позади, въ больницѣ (онъ, вѣроятно, не посмѣлъ бы и донести, если бы шелъ вмѣстѣ съ партіей и былъ на глазахъ у всѣхъ). Тотчасъ отыскались охотники, бравшіеся подождать его на ближайшемъ больничномъ этапѣ, съ тѣмъ чтобы его наказать тамъ, когда онъ будетъ проходить съ другой партіей. Чѣмъ тогда окончилось это дѣло — мнѣ не извѣстно; но очень возможно, что доносчикъ былъ убитъ.

Итакъ, доносчики здѣсь не смѣли доносить; воры по профессіи здѣсь не смѣли воровать, и всякій оставлялъ свой скарбъ на нарахъ безъ боязни, что его у него возьмутъ. Партія, состоявшая изъ подонковъ общества, съумѣла, такимъ образомъ, поднять свою жизнь на извѣстную ступень нравственной высоты. Вы, посторонній наблюдатель, сразу чувствовали, что этотъ сбродъ, какъ онъ ни свободно здѣсь проявлялъ свои нравы, не смѣлъ, однако, переступать извѣстныхъ границъ, — что здѣсь было сильное общественное мнѣніе, идти противъ котораго было даже опасно. Въ результатѣ получалась возможность жить среди этихъ людей, не слишкомъ насилуя свое нравственное чувство, даже лицамъ совершенно изъ другого лагеря. Таковы были слѣдствія вліянія бродяжническаго товарищества.

Но если, съ одной стороны, товарищество это обуздывало проявленіе нѣкоторыхъ порочныхъ наклонностей, то, съ другой стороны, оно накладывало свою руку и на проявленія личной воли во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ это могло отразиться на ходѣ общей жизни. Тутъ не было мѣста философствованіямъ на тему о свободѣ личности; личность здѣсь должна была подчиняться общимъ требованіямъ. Казалось, не было ничего естественнѣе для всякого арестанта, какъ стремиться къ волѣ; и между тѣмъ арестантъ не смѣлъ бѣжать безъ согласія на то остальныхъ. Побѣгъ одного вызывалъ репрессаліи

на всю партію. Обозленный офицеръ (а озлобленіе у него появлялось потому, что побѣгъ лишалъ его наградныхъ) надѣвалъ наручни на всѣхъ арестантовъ, сѣкъ старосту и другихъ вожаковъ и т. п.

Такимъ образомъ, арестантъ не смѣлъ бѣжать самовольно изъ партіи, но, съ другой стороны, и офицеръ позволялъ ему сбрасывать съ ногъ кандалы и идти свободно во время этапнаго хода Получались какъ бы взаимныя уступки и обязательства. Я здѣсь беру, конечно, отдѣльные примѣры этихъ обязательствъ, но въ дѣйствительности ихъ бездна (трудно было бы всѣ и перечислить) между арестантской партіей и этапнымъ офицеромъ.

Помню, во время одного перехода партія наша остановилась „на привалъ“ (на отдыхъ) на тракту, среди лѣса. Многіе арестанты разбрелись между кустами. Когда пришло время двигаться, офицеръ подозвалъ старосту и спросилъ: „Надо ли провѣрять партію? — „Будьте спокойны, ваше благородіе! Не зачѣмъ трудиться“, отвѣтилъ староста. И офицеръ успокоился и, не провѣряя, приказалъ партіи двигаться.

Этотъ самый, впрочемъ, старичекъ офицеръ, выказавшій такое трогательное довѣріе къ арестантамъ, какъ потомъ я узналъ отъ старосты, не пускалъ торговокъ съ продуктами заходить въ этапный дворъ, а посылалъ своихъ солдатъ въ село за покупками продуктовъ для партіи. Это обходилось очень дорого арестантамъ, такъ какъ (всѣ утверждали и были увѣрены въ этомъ) старичекъ офицеръ со своими солдатами при этихъ покупкахъ удерживалъ себѣ чересчуръ большой процентъ за свое коммиссіонерство.

Чуть ли не на первой же ночевкѣ между другими познакомился съ нами одинъ старый бродяга, пользовавшійся вліяніемъ въ партіи, извѣстный подъ именемъ Бѣлова. На него указывали намъ еще въ Красноярскѣ наши административные, которымъ пришлось идти въ одной партіи съ нимъ изъ Томска. Этотъ Бѣловъ или Архиповъ (его и такъ, и иначе звали) былъ человѣкъ лѣтъ

за пятьдесятъ, высокаго роста, сильный: неутомимый ходокъ — онъ всю дорогу шелъ въ первыхъ рядахъ въ кандалахъ, которыхъ никогда не сбрасывалъ. По одному его поведенію съ этапными офицерами, которыхъ онъ зналъ едвали не всѣхъ поименно, съ шуточками, да прибауточчками, которыми онъ пересыпалъ свою рѣчь, говоря съ ними, можно было заключить, что онъ былъ тутъ свой человѣкъ. Такъ завязалась какъ-то бесѣда у арестантовъ съ однимъ офицеромъ по поводу бродяжества. Офицеръ рѣзко порицалъ бродяжество; тогда Бѣловъ вдругъ проговорилъ: „Вотъ скоро буду идти по бродяжеству — къ вамъ же подойду, ваше благородіе, и милостыньку попрошу. И не откажеге, подадите...“ Слова эти вызвали общій смѣхъ. И самъ офицеръ засмѣялся. Словоохотливый, почти болтливый — Бѣловъ, однако, никогда не разсказывалъ о томъ, когда и за какое дѣло попалъ въ Сибирь. Но онъ любилъ поговорить о томъ, какъ онъ бродяжилъ; между прочимъ, не одинъ разъ вспоминалъ о Сахалинѣ, гдѣ, по его словамъ, онъ долго прожилъ, и откуда ему удалось бѣжать только послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ. — „Сколько мы идемъ ужъ — все тянутся со стороны эти три проволоки, и конца имъ нѣтъ“, замѣтилъ онъ какъ-то во время пути, указывая мнѣ на три телеграфныя проволоки, протянутыя по телеграфнымъ столбамъ. А потомъ хвастливо добавилъ: „А я вотъ видѣлъ оба конца этихъ самыхъ проволокъ: одинъ въ Николаевскѣ, другой — во Владивостокѣ“. Мнѣ удалось убѣдиться въ томъ, что Бѣловъ говорилъ правду. Мы имѣли довольно подробную карту Сибири (раздобыли ее въ Красноярскѣ отъ административныхъ). И вотъ, однажды я развернулъ ее на нарахъ, а онъ принялся переименовывать станки, находящіеся на Амурѣ и по рѣкѣ Уссури. Я былъ удивленъ: онъ зналъ по порядку почти всѣ станки. Надо было дѣйствительно пройти, по крайней мѣрѣ, нѣсколько разъ этой дорогой, чтобы такъ хорошо ее запомнить. Такимъ образомъ, давно когда-то Бѣловъ былъ сосланъ въ каторгу (конечно, настоящее имя его было другое).

Потомъ ему оттуда удалось выбраться, и съ тѣхъ поръ онъ сталъ бродить по Сибири, не ища себѣ никакого другого выхода (да трудно было его и найти) и вполнѣ удовлетворяясь бродяжествомъ. Особенно нравилось ему шататься по Западной Сибири, гдѣ, по его словамъ, народъ былъ добрѣе и охотнѣе кормилъ бродягъ. Припоминается мнѣ одна бесѣда Волошенко съ Бѣловымъ, въ которой этотъ послѣдній рельефно охарактеризовался. Сталъ онъ какъ-то намъ описывать прелести бродяжеской жизни. — „Поселишься это въ банѣ..., говорилъ онъ, живешь себѣ; никто тебя не трогаетъ. Настрѣляешь.*) Истопишь баню, — теплынь!... Паришься... Вотъ жизнь!...“

— „Ну, а потомъ что же?“ спрашивалъ Волошенко.

— „А что же потомъ? — Поживешь этакъ на одномъ мѣстѣ, а потомъ и дальше...“

— „Ну?“ допытывался Волошенко.

— „А потомъ и опять тоже самое. Такъ и бродяжишь...“

— „Куда? Въ Россію, что ли пробираетесь?“

— „Зачѣмъ же въ Россію? Развѣ нашему брату можно жить въ Россіи? — Здѣсь все по Сибири больше ходимъ.“

— „Съ какою же цѣлью? Зачѣмъ?

— „А такъ.“

— Ну, а если арестуютъ?

— „Не бѣда, успокоительно замѣтилъ Бѣловъ. Арестуютъ, подержатъ, да и пошлютъ съ этапомъ... Вотъ какъ теперь то идемъ. А дойдемъ до мѣста, изъ партіи освободятъ, и опять по бродяжеству.“

— „Опять, значитъ, назадъ, въ Западную Сибирь?“ спросилъ Волошенко.

— „А то какъ же, извѣстно туда.“

— „А потомъ опять съ этапомъ?“

— „А тамъ и снова съ этапомъ... Ничего не по-

*) Бродяжеское выраженіе — значитъ: напросить милостыни (хлѣба и др.)

дѣлаешь. Такова наша жизнь бродяжеская. А вы какъ думали?“

Въ этомъ шатаніи съ востока на западъ и обратно, при чемъ въ одну сторону (именно на востокъ) бродяга идетъ по этапу, а въ другую свободный — проходитъ его жизнь.

Наша вольная жизнь казалась интересной на столько, на сколько она могла служить для разрѣшенія извѣстныхъ революціонныхъ задачъ. Бродяга же мечталъ о томъ, какъ бы ему побродить, пожить хотѣ нѣкоторое время на волѣ и въ этомъ немногомъ онъ находилъ свою цѣль.

На первыхъ порахъ это безцѣльное бродяжеское шатаніе представлялось мнѣ просто дикимъ. Но чѣмъ болѣе я вдумывался, или вѣрнѣе, чѣмъ больше я анализировалъ свои собственныя стремленія и мечты о волѣ, тѣмъ болѣе приходилъ къ тому заключенію, что въ кобцѣ концовъ гдѣ то на днѣ моей души присутствовалъ такой же бродяга, и я сталъ понимать эти бродяжескія шатанія.

Когда партія наша уже приближалась къ Иркутску, мы часто встрѣчали бродягъ, мчавшихся въ обратную сторону, на западъ. Ихъ тотчасъ же узнавали мы по одеждѣ, по котелку — непремѣнной принадлежности всякого бродяги — болтавшемся сзади у пояса и т. п. „Вишь, какъ его вѣтромъ гонитъ!“ острилъ Бѣловъ, завистливо глядя на одного такого, дѣйствительно, точно летѣвшаго сбоку тракта. Онъ, видимо, отсталъ отъ товарищей и теперь ихъ догонялъ. Съ какою завистью помню, и я тогда смотрѣлъ на него! Встрѣчные [illegible] дяги передъ партіей сворачивали съ тракта и не[illegible]ie, раскланивались передъ офицеромъ. Офицеръ и [illegible]езна- улыбались. Помню, у одного такого встрѣчна[illegible]или ча- шей партіи оказалось нѣсколько человѣкъ [illegible]о этапной — „Какъ поживаете?“ кричалъ онъ имъ, [illegible]ани, и гдѣ ясь сбоку дороги. — „А, ты ужъ бредешь радостно откликнулись арестанты. — „И казенными харчами.“ Въ партіи разд[illegible]

дяга намекалъ на то, что, въ концѣ концовъ, онъ надѣется опять попасть въ тюрьму на казенные харчи.

Многіе бродяги ходятъ, упражняя при этомъ извѣстныя профессіи.

„Надѣлалъ я пилюль изъ свѣчнаго сала, разсказывалъ одинъ бродяга, а сало для цвѣта растеръ съ кирпичнымъ порошкомъ. Пилюли вышли отличныя, какъ аптечныя; ну, и пошелъ ихъ продавать бурятамъ. А они, буряты то, любятъ лечиться. И такъ это хорошо, братецъ ты мой! Накормятъ тебя, чаемъ напоятъ и денегъ въ придачу дадутъ."

—„Ужъ чего лучше, замѣчаетъ слушатель. Ты это, значитъ, докторомъ ходилъ по бродяжеству?"

— „Докторомъ", отвѣчаетъ разсказчикъ.

Другой бродяга нашей партіи, называвшійся Иваномъ Ивановичемъ Крученымъ, ходилъ по бродяжничеству въ роли сказочника.

— „Зайдешь къ желторотому чалдону*), сообщалъ онъ, накормитъ онъ тебя и ночевать оставитъ. Ляжетъ самъ на полатяхъ али на печи и говоритъ: „Ну, паря, разсказывай". Тутъ ему и начинаешь: „Въ нѣкоторомъ царствѣ..." (а Иванъ Ивановичъ Крученый дѣйствительно прекрасно разсказывалъ сказки и много ихъ зналъ; не разъ, лежа на нарахъ, я заслушивался его до полуночи). Такъ что же вы думаете, братцы? Иной такъ всю ночь напролетъ слушаетъ. Самъ не спитъ и тебѣ спать не даетъ. Чуть задремлешь, — толкаетъ ногою: „что замолкъ, паря; разсказывай!" А то есть другой — велитъ разсказывать, да велитъ еще и пятку себѣ ка[illegible]ть. Ну и чешешь ему, желторотому, пятку. Зато осво[illegible] накормитъ тебя! По Енисейской дюже хорошо спросятъ [illegible]о бродяжеству!"

— „А [illegible] Енисейской?! вмѣшивается вдругъ Бѣловъ.

— „А [illegible]ы! Нигдѣ нѣтъ лучше, какъ въ Барабѣ.**)

— „А [illegible]й, добрый! Бродягъ вовсе не преслѣдуютъ.

[illegible]ютъ сибиряковъ.

*) Бродяжеска[illegible]я степь, Тобольской губерніи
ни (хлѣба и др.)

На ночь ѣду выставляютъ надъ дверью, хлѣбъ, да молоко для нашего брата, проходящаго. Здѣсь, по Восточной Сибири, развѣ принимаютъ такъ бродягъ? А тамъ заберешься это на заимку, тутъ тебѣ и ѣда и баня! Другой разъ и мѣсяцъ, и два живешь на одномъ мѣстѣ. Помогаешь на пакосѣ, либо по уборкѣ хлѣба. А захватитъ зима, и зимой тебя въ шею не гонятъ. Натаскаешь дровъ; истопишь хорошенько баню; паришься... Тутъ же и спишь. Настрѣляешь хлѣба, молока, а то и крупы; варишь ѣду... На дворѣ холодище, холодище! Вьюга. Снѣгъ выше роста человѣческаго. А у тебя въ банѣ теплынь, чудо! Огонь горитъ весело; котелокъ виситъ, — варится каша... И никто тебя не трогаетъ, никому ты не нуженъ. Вотъ гдѣ жизнь бродягѣ!“

Лежа по вечерамъ на нарахъ, въ смрадной камерѣ за рѣшетками и слушая эти разсказы, мнѣ живо вставали передъ глазами и эта заимка съ теплой баней, закинутая въ глухомъ, глухомъ мѣстѣ, и лютый морозъ, замуравившій сверху до низу маленькія оконца (если только были, конечно, самыя оконца, а то можетъ имѣлся бычачій пузырь вмѣсто стеколъ), и лисьи тропы, выбитыя въ глубокомъ снѣгу тутъ же за баней и убѣгавшія куда то къ рѣчному оврагу. И никто тебя тамъ не тронетъ, и можешь жить сколько хочешь.

И тоска по волѣ охватывала меня, какъ охватывала она — я это видѣлъ — и другихъ, и самихъ разсказчиковъ.

— „Вотъ, только бы до мѣста*) добраться, ободряли они себя. А тамъ мѣшекъ за плечи, и въ путь дороженьку.“

Чтобы надлежащимъ образомъ оцѣнить значеніе, которое бродяга придаетъ такимъ, повидимому, незначительнымъ благополучіямъ, какъ теплая баня или чаекъ, не нужно упускать изъ виду его тюремно-этапной обстановки, гдѣ онъ лишенъ и чайку, и бани, и гдѣ

*) До мѣста поселенія

какъ одно, такъ и другое появляется у него лишь изрѣдка, въ видѣ роскоши.

Но самое существенное, конечно, во всемъ этомъ это воля. Она служитъ лучезарнымъ свѣтомъ, скрашивающимъ рѣшительно всѣ неблагополучія его скитальческой жизни; если ему случается иногда оставаться безъ ѣды и спать въ тайгѣ, согрѣвая свои озябшія ноги у костра, то зато онъ себя чувствуетъ тамъ свободнымъ; а послѣднее чувство до того острое и глубоко захватывающее, что оно одно можетъ сдѣлать человѣка счастливымъ; и оно его дѣлаетъ счастливымъ.

Съ нашей партіей шли между другими и уголовные дворяне; ихъ было три семьи: попъ изъ Вологодской губ., ссылавшійся за плутни (чуть ли не за продажу изъ церкви какихъ то старыхъ иконъ, которыми интересовались почему то раскольники и покупали). Онъ шелъ на поселеніе въ Восточную Сибирь, и съ нимъ былъ его сынъ, мальчикъ лѣтъ шести; шляхтичъ изъ Юго-Западнаго края, ссылавшійся въ каторгу за убійство; и, наконецъ, нѣкій Максимовъ, шедшій на десять лѣтъ каторжныхъ работъ за совершенное имъ отравленіе одного или двухъ человѣкъ съ цѣлью грабежа. И Максимовъ, и шляхтичъ были женаты, и жены ихъ сопровождали; но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ дѣтей. Максимовъ представлялъ собою довольно своеобразную фигуру. Съ поразительной невозмутимостью разсказывалъ онъ мнѣ о томъ, какъ отравилъ людей, служащихъ при какомъ то банкѣ, съ цѣлью грабежа. Я теперь не помню всѣхъ деталей этого гнуснаго дѣла, но личность самого Максимова запечатлѣлась въ моей памяти, и я живо представляю его себѣ теперь. Средняго роста, крѣпко сложенный человѣкъ, съ тягучимъ голоскомъ; глаза и вся растительность на лицѣ и головѣ какого то пепельно-сѣраго цвѣта. Но характернымъ былъ его громадный ротъ, наполненный крупными зубами, которыхъ было у него какъ будто больше, чѣмъ сколько полагается вообще имѣть людямъ. Глядя на этотъ широкій ротъ, мнѣ почему то всегда казалось, что онъ былъ

способенъ отравить въ случаѣ нужды не только двухъ, а цѣлую сотню людей заразъ.

Эти три дворянскія семьи ѣхали на подводахъ и получали, вмѣсто 10, — 15 копѣекъ кормовыхъ въ сутки на человѣка. Они не состояли въ артели и часто приходили въ непріязненныя столкновенія съ партіей, благодаря своей претенціозности и наушничеству, которое довольно таки часто практиковалось ими, особенно попомъ. Такъ, онъ неоднократно поднималъ шумъ и жаловался офицеру на то, что въ дворянскую камеру набивалось на ночь много народу. Но такъ какъ арестантамъ помѣститься въ „общихъ“ камерахъ было невозможно, то само собою разумѣется, что его ругали за эти жалобы. Нерѣдко также староста (староста былъ изъ бродягъ; подстароста — каторжанинъ) ругалъ попа за то, что онъ раздавалъ арестантамъ деньги подъ залогъ казенныхъ вещей, напр. рубахъ. Чаще всего подобные займы совершали арестанты картежники; конечно, они въ концѣ концовъ проигрывались и оставались и безъ денегъ, и безъ вещей. Между тѣмъ на дневкахъ, при повѣркѣ казенныхъ вещей, разъ ихъ не доставало у кого нибудь, офицеръ поднималъ исторію. Въ такихъ случаяхъ на выручку шли обыкновенно мы. Передъ повѣркою староста являлся къ намъ и забиралъ у насъ рубахи, портки и т. п. рухлять, которую возвращалъ намъ потомъ — послѣ повѣрки. Помогали мы также и въ другомъ случаѣ: когда въ партіи открылся тифъ, мы нерѣдко отдавали свои подводы для больныхъ. Эти мелкія одолженія создали хорошія отношенія къ намъ со стороны арестантовъ, которыя не ухудшались до конца пути. Я помню, какъ однажды подстароста, каторжанинъ Ершевъ, разсердившись за что то на дворянъ, вскочилъ въ дворянскую камеру и сталъ ихъ ругать площадною бранью. — „Господа политическіе, пожалуйста не подумайте, что мы противъ васъ“, обратился онъ къ намъ, мѣняя тонъ, и вслѣдъ за тѣмъ опять продолжалъ ругать дворянъ.

Непріязнь арестантовъ къ дворянамъ вытекала от-

части изъ зависти, которую они питали къ нимъ за то, что тѣ пользовались извѣстными привилегіями, но отчасти вызывалась эта непріязнь и предосудительнымъ поведеніемъ дворянъ. Послѣднее же происходило совсѣмъ не потому, что бы дворяне на самомъ дѣлѣ были болѣе деморализованнымъ элементомъ, — въ партіи среди непривилегированныхъ, конечно, нашлось бы не мало такихъ, которые перещеголяли бы и дворянъ въ доносничествѣ и другихъ гадостяхъ, — но отъ этого сдерживалъ ихъ страхъ передъ судомъ артели. Ссыльные же дворяне стояли внѣ этой артели; сами между собою они тоже не имѣли никакой связи или товарищества, которое могло бы ихъ удерживать отъ проявленія дурныхъ наклонностей, а это была причина, почему они казались хуже другихъ.

Таковъ, въ общемъ, былъ составъ нашей партіи.

Глава XXVI.

НАШИ ПЛАНЫ ПОБѢГА. — СМѢНКА ИЗБИЦКАГО. ПОПЫТКА КЪ БѢГСТВУ СЪ ПОЛУ-ЭТАПА.

Между тѣмъ партія правильно подвигалась впередъ, ночуя на полу-этапахъ и пользуясь дневками послѣ всякаго двухдневнаго перехода. Мы перезнакомились съ арестантами, осмотрѣлись, и мало по малу у насъ сталъ зрѣть планъ побѣга. Задумали мы бѣжать всѣ пять человѣкъ (шестой — одинъ изъ братьевъ Избицкихъ долженъ былъ изъ партіи выйти на поселеніе, если не измѣняетъ память, въ г. Канскѣ, Енисейской губ., а по-

тому ему, конечно, о побѣгѣ не надо было думать). Казалось — не было ничего легче, какъ бѣжать и скрыться въ этихъ дремучихъ лѣсахъ, тянувшихся по обѣимъ сторонамъ тракта; правда, кое-гдѣ лѣса эти были повырублены, но такія вырубленныя мѣста представляли собою не что иное, какъ незначительныя поляны среди безконечнаго лѣса, зеленѣвшаго кругомъ по всему горизонту. Бѣжать, казалось, легко; опасность побѣга и весь рискъ представлялись лишь потомъ, когда поднимутся облавы.

Сущность сибирской облавы состояла въ томъ, что по окрестнымъ селамъ сообщались примѣты бѣглецовъ, и всюду принимались слѣдить за проѣзжающими и проходящими по этой мѣстности. Такъ какъ движеніе было слабо, то чужому человѣку проскользнуть незамѣтно оказывалось рѣшительно невозможнымъ. Достаточно было показаться въ деревнѣ, чтобы быть арестованнымъ, такъ какъ разъ была объявлена облава по деревнямъ, хватали всѣхъ мало мальски подозрительныхъ личностей; тутъ даже не справлялись о примѣтахъ, а брали всякого, кто не могъ дать объясненій — кто онъ и куда шелъ или ѣхалъ. При подобныхъ обстоятельствахъ побѣгъ изъ партіи оказывался труднымъ.

Но повидимому, достаточно было имѣть незначительную помощь извнѣ, чтобы преодолѣть эти трудности. Помощь должна была заключаться въ томъ, чтобы снабдить бѣглецевъ съѣстными припасами, чтобы они спокойно могли сидѣть въ укромномъ мѣстечкѣ, гдѣ либо въ лѣсной трущобѣ, не заходя въ деревни и выжидая время, пока уляжется облава въ окрестности, и жизнь войдетъ въ свою нормальную колею, — и только тогда, выйдя изъ своего убѣжища, двигаться куда надо.

Вотъ эти то соображенія и легли въ основаніе нашего плана. Мы рѣшили, чтобы одинъ изъ насъ освободился путемъ смѣнки и, выйдя на волю, организовалъ побѣгъ остальныхъ. За это взялся Владиславъ Избицкій. Подысканъ былъ смѣнщикъ изъ бродягъ, нѣкій Курдюковъ, который долженъ былъ выйти на поселеніе въ

Енисейской губ. въ Рыбинской волости, и Владиславъ — вмѣсто Курдюкова — на Рыбинскомъ этапѣ освобожденъ былъ изъ партіи. Мы ему дали большую половину имѣвшихся при насъ ден гъ (болѣе 100 руб.), для того чтобы онъ могъ купить коня съ телѣгою и обогнать далеко впередъ нашу партію. Тамъ, впереди онъ долженъ былъ выбрать подходящій полу-этапъ, сдѣлать въ немъ подкопъ (черезъ который намъ можно было бы бѣжать), и, само собою разумѣется, заготовить достаточное количество съѣстныхъ припасовъ, чтобы мы могли просидѣть, не двигаясь, гдѣ нибудь въ лѣсу, пока будутъ вестись облавы. Надо сказать, что полу-этапныя зданія стоятъ пустыми и запертыми все время и становятся обитаемы только на ту ночь, когда ночуетъ партія; разъ партія ушла — полу-этапное зданіе вновь затворяется до появленія слѣдующей партіи, которая, на сколько было извѣстно, проходила трактомъ въ недѣлю одинъ разъ.

Такимъ образомъ, планъ нашъ былъ такой, чтобы Владиславъ, опередивши партію, забрался въ пустой полуэтапъ и оттуда провелъ подкопъ за стѣну. Поднять доски, скажемъ, въ дворянской камерѣ, и изъ подъ пола подрыться подъ деревянное зданіе, съ незначительнымъ фундаментомъ — едвали могло представить особенныя трудности. Конечно, это намъ такъ представлялось; но не зная все таки навѣрно, какія могутъ встрѣтиться затрудненія въ дѣйствительности, мы условились съ Владиславомъ, чтобы онъ оставлялъ всюду условные значки (мѣломъ или углемъ) по телеграфнымъ столбамъ, по деревяннымъ периламъ мостовъ, встрѣчавшихся по дорогѣ и, наконецъ, по стѣнамъ этаповъ и полу-этаповъ, для того чтобы мы могли слѣдить за нимъ. Въ томъ же полу этапѣ, гдѣ будетъ приготовленъ самый подкопъ, онъ долженъ былъ въ извѣстномъ мѣстѣ (на сколько помню —въ нужникѣ) оставить указаніе — въ какой именно камерѣ (дворянскихъ камеръ во всякомъ этапномъ зданіи обыкновенно двѣ), и какія именно доски въ полу надо было приподнять, чтобы отыскать подкопъ. Под-

копъ, конечно, не могъ быть выведенъ имъ до самаго конца, и предполагалось, что мы его за ночь успѣемъ додѣлать. Если же окажется невозможнымъ почему либо устроить подкопъ, тогда онъ объ этомъ долженъ былъ насъ извѣстить условленными знаками, и въ такомъ случаѣ, побѣгъ мы предполагали сдѣлать просто во время самаго хода партіи... Но въ этомъ случаѣ онъ опять таки долженъ былъ дать намъ сигналъ (свистками), чтобы мы бросившись во время хода „на ура", какъ называютъ арестанты этотъ способъ побѣга, не растерялись потомъ въ лѣсу и могли бы собраться въ одно мѣсто. Понятно, что побѣгъ „на ура" можно было предпринять только въ такомъ мѣстѣ, гдѣ тайга вплотную тянулась возлѣ самаго тракта, такъ что достаточно было сдѣлать нѣсколько скачковъ, что бы скрыться среди деревьевъ.

Такъ то было нами обдумано и предусмотрено, какъ намъ казалось, все, и Избицкій вышелъ на волю. Въ помощники ему былъ выбранъ одинъ бродяга по имени Иванъ Николаевичъ (или Николай Ивановичъ — теперь ужъ я не помню), который тоже вмѣстѣ съ нимъ былъ освобожденъ изъ партіи въ той же Рыбинской волости.

На другой день утромъ партія наша двинулась въ путь. Помню, проходя деревенской улицей, я увидѣлъ Владислава Избицкаго, сидящаго на заваленкѣ одного крестьянскаго домика, въ красной рубахѣ (онъ успѣлъ уже себѣ пріобрѣсти рубаху) веселаго, здороваго. День былъ такой ясный, солнечный; и онъ сидѣлъ на заваленкѣ такой же ясный и, глядя на насъ, улыбался намъ; а мы сидѣли на нашихъ телѣгахъ, шагомъ ѣхавшихъ сзади партіи, и тоже смотрѣли на него. Это былъ послѣдній разъ, когда я видѣлъ Владислава Избицкаго, — этого здоровеннаго парня, голубоглазаго, съ кудрявой головой. Послѣ того намъ не довелось больше встрѣтиться.

День или два спустя мы замѣтили по дорогѣ условные знаки, которые указывали на то, что онъ обогналъ партію и двигался впередъ. Знаки, сдѣланные мѣломъ, шли черезъ два или три этапныхъ перехода; но затѣмъ

они пропали. Мы всѣ глаза проглядѣли, всматриваясь въ телеграфные столбы и въ потемнѣвшія деревянныя стѣны этаповъ. Знаки пропали потому, что Избицкій поворотилъ назадъ. Объ этомъ я узналъ потомъ; тогда же мы только догадывались объ этомъ, но не могли знать навѣрно. Что вынудило его вернуться назадъ — навѣрно сказать не могу; но предполагаю, что причиной тому было недостаточное количество денегъ. Наша сотня рублей, которую онъ взялъ съ собою, оказалась, очевидно, совершенно недостаточной ввиду той дороговизны, какая была въ томъ году. А имъ вдвоемъ, да еще съ конемъ, приходилось не мало расходовать, и онъ, должно быть, разсчиталъ, что ему лучше вернуться въ Томскъ (гдѣ имѣлись адреса), запастись деньгами и затѣмъ уже отправиться въ догонку партіи. Онъ такъ и поступилъ. Но догнать партіи ему потомъ не удалось. Наши уже достигли мѣста (Кару), когда онъ явился въ Иркутскъ. Изъ Иркутска онъ поѣхалъ въ Варгузинъ, но далѣе его слѣды исчезаютъ, и мнѣ не извѣстна его дальнѣйшая судьба. По однимъ слухамъ, онъ былъ зарѣзанъ бродягами (указывали именно на этого самаго Ивана Николаевича, который долженъ былъ ему помогать въ устройствѣ нашего побѣга). По другому слуху — онъ потерялся гдѣ то на Байкалѣ. Во время остановки парохода, для нагрузки дровъ, Избицкій, ѣхавшій на этомъ пароходѣ, сошелъ, говорятъ, на берегъ и не возвратился болѣе; предполагаютъ, что онъ удалился далеко отъ берега, и его гдѣ нибудь задралъ медвѣдь. Какъ бы тамъ ни было, несомнѣнно только одно, что Владиславъ Избицкій погибъ въ Сибири; но Сибирь слишкомъ велика, и гдѣ именно покоятся его бѣдные кости — никому не извѣстно.

Я, конечно, забѣжалъ здѣсь слишкомъ впередъ, чтобы сообщить краткую исторію Избицкаго. А потому возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Предоставленные самимъ себѣ, о чемъ мы скоро догадались, не встрѣчая больше нигдѣ по дорогѣ условленныхъ знаковъ, мы не покинули, однако, мысли о побѣ-

гѣ. Но на помощь извнѣ уже не могли разсчитывать, и свой побѣгъ мы должны были совершить какъ то иначе.

Въ нашей партіи шелъ на каторгу нѣкій Петровъ. Это былъ бродяга, попавшійся гдѣ то въ Томской губ. во время бродяжества въ грабежѣ, за что и былъ осужденъ къ шести годамъ каторги. Не разъ любовался я, глядя на его высокую, стройную фигуру, когда онъ, бывало, стоя на этапномъ дворѣ въ кружкѣ игроковъ, высоко вверхъ подбрасывалъ свою мѣдную монету. Петровъ былъ лѣтъ тридцати, съ большимъ свѣжимъ шрамомъ на лбу. Во время бродяжества онъ задумалъ ограбить церковь въ одной деревнѣ; и въ ту минуту, какъ онъ туда забрался, произошла тревога, сбѣжался народъ и окружилъ церковь. Однако войти въ запертую церковь (онъ влѣзъ туда черезъ окно) никто не рѣшался; тогда Петровъ, думая бѣжать и надѣясь на свои ноги, прыгнулъ изъ окна на мужиковъ; въ эту минуту онъ получилъ ударъ палкою по головѣ, свалившій его съ ногъ. Онъ былъ арестованъ; потомъ судимъ. Таково было происхожденіе шрама. Петровъ былъ страстный игрокъ въ „орлянку“, какъ называли арестанты игру, состоящую въ томъ, что игроки подбрасывали вверхъ мѣдныя монеты и отгадывали, какой стороной она должна была упасть на землю: орломъ или рѣшеткою.

Замѣтивши, что мы думаемъ о побѣгѣ (а это видѣли всѣ болѣе смышленные арестанты), онъ съ нами сблизился и вмѣстѣ съ нами сталъ обдумывать планъ побѣга; ему самому очень хотѣлось бѣжать; но бѣжать арестанту изъ партіи, какъ я уже объяснялъ раньше, значило нарушить обычай — почти законъ — арестантскій, на что едвали онъ рѣшился бы самъ. Съ нами же дѣло принимало совсѣмъ другой характеръ. Мы не были въ артели; мы составляли совершенно отдѣльную групку. Ни арестантскій староста, ни артель не могли быть отвѣтственны какъ за нашъ побѣгъ — еслибы таковой случился — такъ и вообще за какіе бы то ни было другіе наши поступки. Это было ясно для всякого;

а потому и побѣгъ Петрова вмѣстѣ съ нами не могъ быть тоже поставленъ въ вину артели. Чтобы еще болѣе гарантировать интересы артели, мы, на основаніи инструкціи, предписывавшей держать насъ отдѣльно отъ уголовныхъ, стали требовать отъ офицеровъ, чтобы намъ отпускалась отдѣльная камера во время ночевокъ на этапахъ. Мы успѣли добиться этого: насъ отдѣлили даже отъ дворянъ, и только одного Петрова, по нашей просьбѣ, оставляли при насъ. У конвойныхъ не закрадывалось подозрѣніе, что мы думаемъ о побѣгѣ, и къ нашимъ требованіямъ они относились снисходительно, придавая имъ совсѣмъ другое объясненіе; на нашу просьбу оставлять Петрова съ нами, они смотрѣли просто, какъ на прихоть баръ, желавшихъ имѣть возлѣ себя прислугу, тѣмъ болѣе, что Петровъ и въ самомъ дѣлѣ помогалъ намъ варить ѣду и исполнялъ разныя другія работы.

Между тѣмъ партія двигалась впередъ; время уходило, и со дня на день дѣлалось холоднѣе. Приближалась сибирская зима: по ночамъ стали появляться приморозки. По утрамъ трава и деревья бывали покрыты бѣлымъ инеемъ. Нашъ планъ былъ очень простъ: бѣжать ночью съ этапа и скрыться въ лѣсу; а тамъ, что будетъ — то будетъ! Петровъ надѣялся, что ему удастся вывести насъ тайгою куда-то на рѣку Чулымъ, притокъ Оби, гдѣ онъ бродяжилъ и гдѣ, по его словамъ, легко будетъ укрыться на время облавы. Но по картѣ, до рѣки Чулыма было очень далеко, такъ какъ партія наша въ ту минуту, когда мы окончательно рѣшили бѣжать съ этапа, находилась уже возлѣ города Нижне-Удинска, Иркутской губ. Какъ бы тамъ ни было, но вопросъ былъ рѣшенъ, и мы высматривали только благопріятнаго случая. Имѣя ввиду бродяжить по тайгѣ, мы дѣятельно занялись приготовленіемъ подходящей одежды. Петровъ зналъ нѣсколько портняжить; изъ старыхъ полушубковъ (полученныхъ нами въ г. Мариинскѣ не въ зачетъ) онъ пошилъ мѣховыя шапки и мѣховые чулки, и съ этой стороны всѣ мы приготовились вполнѣ.

Сначала мы думали было бѣжать черезъ окно, подпиливши рѣшетку (пилки у насъ были). Но при этомъ неминуемо должно было произойти столкновеніе съ часовымъ, ходившимъ вдоль оконъ, такъ какъ нельзя было надѣяться проскользнуть незамѣтно нѣсколькимъ человѣкамъ. Петровъ предлагалъ убить часового; но мы не соглашались съ этимъ планомъ: совершить убійство ради побѣга — было бы ужъ слишкомъ много. Мы находились въ нерѣшимости, но въ это время случай помогъ намъ.

Помню, прибывши на одинъ полу-этапъ, названіе котораго къ сожалѣнію не сохранилось въ моей памяти, мы замѣтили, что слуховое окно, находившееся на крышѣ зданія, было отперто. Мы рѣшили этимъ воспользоваться. Надо было только черезъ слуховое окно вылѣзть на крышу и спуститься на противуположную сторону зданія, а потомъ, спрыгнувъ на землю, бѣжать въ лѣсъ. Полу-этапъ стоялъ почти у самой опушки лѣса.

Вечеромъ, какъ только прошла провѣрка, и мы остались одни въ камерѣ, мы занялись осмотромъ потолка, чтобы выбрать удобное мѣсто для пролома на чердакъ. Надъ печкой, возлѣ трубы, проходившей на чердакъ, мы замѣтили въ потолкѣ короткія доски (потолки, какъ и стѣны этаповъ — деревянные не штукатуренные), Сорвать эти доски не представляло большого труда; въ какихъ либо полчаса времени онѣ были отбиты, и съ чердака на печь посыпалась сухая земля (потолокъ сверху былъ усыпанъ сухою землей). Образовалась дыра, черезъ которую свободно можно было пролѣзть на чердакъ. Тогда мы потушили свѣчку въ камерѣ и, захвативши съ собою все, что считали нужнымъ имѣть при побѣгѣ, взобрались на печь, а оттуда на чердакъ. Я забылъ сказать, что еще раньше всѣ деньги, какія у насъ были, мы раздѣлили между между собою поровну, и всякій взялъ свою часть; это сдѣлано было на тотъ случай, чтобы не остаться кому нибудь безъ денегъ, разъ во время побѣга случится почему либо разбѣжаться въ разныя стороны. Насколько помню, на вся-

кого пришлось по 8 или 9 рублей. Само собою разумѣется, что и Петровъ, наравнѣ съ другими, получилъ свою часть.

Итакъ, мы взобрались на чердакъ. Чтобы сколько нибудь оріентироваться, — такъ какъ тамъ была абсолютная темнота — мы вынуждены были зажечь спичку. Замѣтивши бревно, тянувшееся вдоль зданія, мы тихо двинулись одинъ за другимъ по этому бревну. Спичку тотчасъ погасили, такъ какъ было опасно, чтобы часовой случайно не увидѣлъ извнѣ свѣта. Мы тихо шли одинъ за другимъ. Но какъ мы не старались тихо двигаться по чердаку, шаги наши все таки были слышны внизу, въ арестантскихъ камерахъ. Надо было проходить вдоль всего зданія надъ „общими“ камерами, такъ какъ слуховое окно находилось на другомъ концѣ. То заскрипитъ балка подъ чьей либо ногою, то кто нибудь изъ насъ оступится и произведетъ шумъ. „Гуру-ру-ру-у!“ раздавались снизу изъ камеръ десятки голосовъ; но потомъ вдругъ голоса, точно по сигналу, умолкали, — наступала мертвая тишина, видимо, прислушивались къ нашимъ шагамъ. И опять новый неосторожный шагъ съ нашей стороны на чердакѣ, — слышался скрипъ балки или доски подъ ногами, — и опять раздавался снизу гулъ голосовъ. Гуломъ этимъ арестанты словно старались заглушить наши шаги по чердаку.

Какъ бы тамъ ни было, но мы добрались до слухового окна: вотъ оно передъ нами отпертое, смотритъ прямо во дворъ! Ночь была не совсѣмъ свѣтлая, такъ что отдаленные предметы нельзя было хорошо различать. Бѣлая, легкая изморозь покрывала деревянную крышу зданія. Надо было вылѣзть изъ слухового окна на крышу, доползти до конька крыши и затѣмъ спуститься на противуположную сторону зданія. Стоя у открытаго слухового окна и глядя во дворъ, мы слышали сзади шаги часового, стучавшіе объ мерзлую землю; онъ ходилъ вдоль задняго фасада зданія, гдѣ мы должны были прыгать на землю. И такъ, часовой ходилъ и тамъ! Оказывалось, что бѣгство этимъ путемъ не представляло для насъ ника-

кихъ преимуществъ передъ побѣгомъ черезъ окно. Развѣ только то, что здѣсь не надо было пилить рѣшетки. Но лишь только мы вылѣземъ на крышу, — эти мерзлыя, покрытыя инеемъ доски начнутъ трещать, и это, конечно, привлечетъ вниманіе часового, а, можетъ быть, даже услышатъ солдаты, помѣщающіеся внизу, именно въ этой части зданія. Если бы насъ было одинъ или два, а то — шесть человѣкъ! Не мыслимо было всѣмъ шестерымъ такъ тихо пробраться, чтобы не услыхали. Кромѣ того, глядя внизъ на землю, мнѣ показалось теперь, что было очень высоко отъ крыши до земли, и что прыгать съ такой высоты на мерзлую твердую землю было опасно. — „Навѣрно сломаешь ногу“, шепталъ я Петрову, стоявшему возлѣ меня.

— „Пустое!“ шопотомъ ободрялъ онъ меня. „Смѣло прыгай! Ты любишь волю?“ шепталъ онъ мнѣ дагѣе, наклоняясь къ самому моему лицу. — „Хочешь воли? Прижми руку къ сердцу — и прыгай!“

Но сомнѣніе росло и усиливалось во мнѣ со в якимъ мгновеніемъ; опять дѣйствительность оказывалась не такой вблизи, какой она представлялась изъ за рѣшетки, — издали. Въ довершеніи всего кто-то обратилъ вниманіе на тѣнь, чернѣвшую во дворѣ, возлѣ стѣны зданія; высказано было предположеніе, что это часовой, и тутъ мы уже окончательно пришли въ уныніе. Нерѣшительность овладѣла всѣми; впрочемъ не всѣми: Волошенко молчалъ, а Петровъ категорически продолжалъ настаивать на побѣгѣ. „Это, можетъ, еще и не часовой.... Кто знаетъ, что тамъ чернѣетъ!“ говорилъ онъ намъ. Но если это даже былъ и не часовой, то тамъ, сзади зданія, гдѣ надо было прыгать съ такой высоты на мерзлую землю, — тамъ навѣрно ходилъ часовой, и очевидно (по крайней мѣрѣ мнѣ въ ту минуту до наглядности это было очевидно), что разсчитывать на успѣхъ не было ни малѣйшаго основанія; если одному или двумъ еще и могъ удасться этотъ прыжекъ, то изъ шести, по крайней мѣрѣ, одному, а то и двумъ, конечно, при-

дется попасть на штыкъ часовому: достаточно споткнуться и не устоять на ногахъ.

Мы рѣшили воротиться въ камеру.

— „Мнѣ ворочаться нельзя, проговорилъ тогда Петровъ. Вамъ другое дѣло, а мнѣ нельзя. — Накажутъ... Партія осмѣетъ меня..."

Петровъ рѣшилъ остаться у слухового окна; съ нимъ пожелалъ остаться и Волошенко. Остальные четверо насъ пошли назадъ; тою же дорогою, по балкамъ чердака, мы добрались до дыры и спустились обратно въ камеру. Обезкураженные, мы прилегли на нарахъ и въ темнотѣ, молча, стали ждать конца.

Прошло много времени или, по крайней мѣрѣ, мнѣ такъ показалось, что прошло много времени. Во всемъ зданіи царила мертвая тишина, только за нашими окнами слышались ровные шаги часового, словно огромнаго маятника, выстукивавшаго свое мѣрное тикъ-такъ. Я ждалъ чего-то — самъ не зналъ чего, — напряженно вслушиваясь. Вдругъ среди этой тишины донесся отдаленный хриплый крикъ: „караулъ!" Мое сердце учащенно застучало. — „Вотъ-вотъ загремитъ выстрѣлъ!" мелькнуло въ моей головѣ. Но выстрѣла не послѣдовало. Я услышалъ шумъ во дворѣ, — голоса, громкія хлопанія калитки; и мимо нашихъ оконъ пробѣжало нѣсколько человѣкъ. Арестанты въ камерахъ зашумѣли, заговорили сразу всѣ. Солдаты пробѣгали мимо нашихъ оконъ (что это были солдаты, — я догадывался по звону ружей), заворачивали за уголъ и мчались къ заднему фасаду зданія. Тамъ должно было что-то совершиться! „Бѣжали или нѣтъ?" мелькали въ головѣ вопросы. Шумъ во дворѣ и въ камерахъ усиливался. По двору пронеслись какіе то крики. Въ эту самую минуту послышались чьи то тяжелые, совсѣмъ неосторожные шаги вверху, на чердакѣ. Мы зажгли свѣчу. Черезъ дыру въ камеру влѣзъ Волошенко.

Съ чердака спустился Волошенко и усѣлся на верху печки, свѣсивъ ноги внизъ. Онъ былъ очень блѣденъ и сидѣлъ нѣсколько мгновеній, молча; раза два сорва-

лись у него слова: „А! сукинъ сынъ!“ — видимо относившіяся къ Петрову; но что эти слова выражали у него въ ту минуту — брань или похвалу и удивленіе (такъ какъ извѣстно, что это выраженіе въ устахъ русскаго иногда можетъ выражать и похвалу) — не берусь опредѣлять. Немного успокоившись, онъ разсказалъ, какъ было дѣло.

Вылѣзши благополучно черезъ слуховое окно на крышу, такъ какъ никакого часового во дворѣ не было (на другой день мы убѣдились, что, въ самомъ дѣлѣ, тамъ стоялъ деревянный столбъ) и добравшись до конька, они стали спускаться внизъ на противуположную сторону зданія по несчастью какъ разъ въ то время, когда часовой шелъ въ ихъ сторону. Они уже спустились на самый край крыши, когда часовой, поравнявшись съ ними, точно по инстинкту, поднялъ голову и посмотрѣлъ вверхъ. Петровъ прыгнулъ прямо на него и моментально убѣжалъ въ лѣсъ. Часовой совершенно растерялся и принялся кричать. Волошенко же не прыгнулъ, остался на крышѣ и сидѣлъ тамъ до тѣхъ поръ, пока не сбѣжались солдаты. „Стрѣляй его!“ крикнулъ одинъ изъ нихъ часовому. „Не смѣешь: я политическій,“ отозвался Волошенко; и послѣ того онъ полѣзъ вверхъ по крышѣ, перевалилъ на другую сторону къ слуховому окну и по чердаку добрался до камеры.

Волошенко еще сидѣлъ на печкѣ и поплевывалъ внизъ, когда возлѣ нашей камеры послышался шумъ; съ громомъ и звономъ отперлась дверь, и на порогѣ показался этапный офицеръ, а сзади его толпа солдатъ съ ружьями.

— „Боже мой! Боже мой! всплескивая руками, завопилъ онъ. Что вы сдѣлали со мною, господа!“ Полное отчаяніе звучало въ его голосѣ.

— „Политическіе всѣ на лицо; бѣжалъ уголовный“, замѣтилъ ему кто то изъ насъ.

И только когда онъ увѣрился, что бѣжалъ не политическій, а уголовный — тогда успокоился. Само собою разумѣется, что обо всемъ этомъ составленъ былъ актъ;

осмотрена была дыра на чердакъ, продѣланная въ потолкѣ; лазили даже, чтобы посмотрѣть, и къ слуховому окну. Офицеръ грозилъ заковать насъ въ наручники, но, видимо, человѣкъ онъ былъ добродушный, можетъ, и скандала хотѣлъ избѣжать, — и дѣло ограничилось лишь тѣмъ, что за нами съ этого дня учрежденъ былъ болѣе внимательный надзоръ: во время пути возлѣ нашихъ телѣгъ всегда шло два-три солдата, а во время остановокъ на этапахъ насъ затворяли въ камерѣ и нерѣдко у дверей ставили часового.

Глава XXVII

МОЯ СМѢНКА. — БѢДСТВІЯ ПАРТІИ. ПРИБЫТІЕ ВЪ ИРКУТСКЪ — ИРКУТСКАЯ ПЕРЕСЫЛЬНАЯ ТЮРЬМА. — ОТПРАВЛЕНІЕ НА МѢСТО ПОСЕЛЕНІЯ — ОСВОБОЖДЕНІЕ.

До Иркутска оставалось недѣли двѣ ходу (а вся дорога отъ Красноярска до Иркутска совершается въ два мѣсяца), когда мнѣ удалось договориться о смѣнкѣ съ однимъ поселенцемъ, по имени Павловымъ. Смѣнщикъ мой потребовалъ съ меня въ видѣ вознагражденія высокіе сапоги и фланелевую рубаху, которые я носилъ, и восемь рублей деньгами. Кромѣ того я потомъ еще внесъ въ артельную кассу три рубля.*) За день передъ тѣмъ этапомъ, гдѣ мы должны были смѣняться, я притворился

*) Это было совсѣмъ не такъ много, какъ представлялось потомъ Стеблину-Каменскому. Въ біографіи Попко, написанной имъ и напечатаной въ женевскомъ изданіи „Съ Родины на Родину“ № 3, говорится между прочимъ, что „бѣжавшіе (изъ

больнымъ и въ дорогѣ все время укутывалъ свое лицо, а прійдя на ночлегъ, легъ на нары и закрылся съ головою. На слѣдующій день точно также всю дорогу я сидѣлъ на телѣгѣ и кутался. Дѣлалъ я это затѣмъ, чтобы мое лицо не запечатлѣлось въ памяти какого либо солдата. Команда, какъ я уже говорилъ раньше, мѣняется во время дневки, поэтому всего удобнѣе было произвести смѣнку во время дневки. У уголовныхъ это дѣлается очень просто: послѣ заключенія договора, дѣло сводится къ тому, что при повѣркѣ по „статейнымъ спискамъ“ одинъ откликается вмѣсто другого, и такъ продолжаютъ идти, всякій по назначенію. Мнѣ надо было употребить пріемъ нѣсколько сложнѣе, вслѣдствіе надзора, которымъ насъ окружили со времени побѣга Петрова. Я поступилъ такъ. Я передалъ смѣнщику, чтобы онъ зашелъ въ отхожее мѣсто, находившееся во дворѣ, какъ только увидитъ, что я иду туда. Тамъ мы должны были обмѣняться вещами, и, закрывши лицо полушубкомъ (какъ это дѣлалъ я) онъ долженъ былъ оттуда идти въ камеру политическихъ, — я къ уголовнымъ. Этотъ планъ

иркутской тюрьмы: Попко, Волошенко и другіе. (Объ этомъ побѣгѣ, совершившемся позже, я разскажу въ своемъ мѣстѣ) не разсчитали своихъ силъ. Хроническій голодъ съ самаго Красноярска, благодаря тому, что свои деньги были истрачены на побѣгъ В. Избицкаго и Вл. Мокріевича, а на казенныя кормовыя — при тогдашней дороговизнѣ — только только что можно было не умереть съ голоду; сидѣніе въ тюрьмѣ безъ прогулокъ и пр... — все это оказало вліяніе“. Эти сообщенія Стеблина-Каменскаго, дѣлаемыя имъ со словъ другихъ (самъ онъ шелъ въ другой партіи, а не съ нами), не вполнѣ вѣрны. Дѣйствительно, Избицкій смѣнился почти въ самомъ началѣ этапнаго путешествія, дней 8 или 9 спустя послѣ выхода изъ Красноярска (въ Рыбинской волости), и его смѣнка могла отразиться, да и отразилась въ самомъ дѣлѣ на финансовомъ положеніи остальныхъ, такъ какъ ввиду нашего плана побѣга, мы должны были ему выдѣлить почти половину нашихъ общихъ денегъ для покупки лошади съ телѣгой и также для другихъ расходовъ. Но что касается до меня, то мнѣ прежде всего пришлось идти съ этапомъ отъ Красноярска до Иркутска, и слѣдовательно, если ужъ говорить о „хроническомъ голодѣ“ съ самаго Красноярска, то голодали мы во всякомъ случаѣ вмѣстѣ.

удался. Павловъ, хотя и не походилъ на меня лицомъ, былъ одинакового со мною роста и, когда надѣлъ на себя мои ботфорты, а сверху набросилъ мой казенный полушубокъ и теплую шапку (пошитую Петровымъ), то его наружный видъ подходилъ къ моему. Повѣрка и сдача новому конвою прошли благополучно; Павловъ въ это время лежалъ на нарахъ, притворившись спящимъ. Старый конвой ушелъ, и съ этой стороны дѣло было обезпечено. Первый шагъ вышелъ удаченъ. Я же съ своей стороны, войдя въ „общую“ камеру немедленно обрилъ бороду и, чтобы придать себѣ видъ уголовнаго, (уголовнымъ брили головы) очень низко остригся.

Не разъ вспоминая это событіе, я удивляюсь, — какъ могло начальство поддаться обману, принимая Павлова за меня? По „статейному списку“ я значился бывшимъ студентомъ университета, между тѣмъ онъ былъ едва грамотенъ; по одной-двумъ фразамъ можно было заключить о степени его интеллигентности. Наконецъ, и по наружному виду онъ совсѣмъ не подходилъ къ той роли, которую бралъ на себя: голова его была бритая (какъ у всѣхъ непривилегированныхъ); между тѣмъ я препровождался на правахъ дворянина, и, слѣдовательно, моя голова не подлежала бритью. Какъ это обстоятельство прежде всего не бросилось въ глаза ни одному изъ этапныхъ офицеровъ, никому изъ иркутскихъ властей?! Въ теченіе трехъ недѣль Павловъ изображалъ меня, сталкивался какъ съ этапными, такъ и съ иркутскими властями, и ни у кого не родилось подозрѣнія! Любопытно знать, былъ ли бы открытъ этотъ обманъ, если бы не послѣдовалъ доносъ? Сомнѣваюсь. Въ дорогѣ случился, напр., такой болѣе чѣмъ удивительный фактъ: одинъ этапный офицеръ, страдавшій какою то болѣзнью, видя по „статейнымъ спискамъ“, что Избицкій и я значимся бывшими студентами медиками*), обратился къ

*) Изъ шестилѣтняго моего пребыванія въ университетѣ — я слушалъ лекціи года три по физико-математическому и столько же по медицинскому.

моему смѣнщику за совѣтомъ; тотъ не ударилъ лицомъ въ грязь и принялся давать какіе-то совѣты.

Послѣ смѣнки, само собою разумѣется, я шелъ уже на положеніи уголовнаго непривилегированнаго званія, т. е. получалъ кормовыхъ (или какъ арестанты называютъ „паекъ“) десять копѣекъ въ день, вмѣсто пятнадцати, и долженъ былъ носить кандалы; моя голова должна была имѣть такой видъ, какъ будто она была брита около мѣсяца тому назадъ (арестантовъ брѣютъ при отправкѣ — въ Красноярскѣ, — затѣмъ на половинѣ пути — въ Нижне-Удинскѣ, Иркутской губ.). Потому то я и былъ принужденъ послѣ смѣнки остричься при самой головѣ. Что касается, впрочемъ, до кандаловъ, то, по примѣру большинства арестантовъ, я почти все время держалъ ихъ въ мѣшкѣ. Только на послѣднемъ станкѣ долженъ былъ надѣть ихъ на ноги, такъ какъ въ Иркутскъ надо было явиться въ полной формѣ.

И такъ, я-смѣнялся; но гдѣ, въ какой волости должны были выпустить меня на поселеніе — не было извѣстно; приходилось ждать. Между тѣмъ партія наша неизмѣнно подвигалась впередъ установленнымъ порядкомъ, т. е. два дня ходу, — третій дневка. Со всякимъ шагомъ на востокъ становилось труднѣе ей двигаться: по мѣрѣ приближенія къ Иркутску, цѣны на хлѣбъ возростали; если память не измѣняетъ, приходилось платить за фунтъ по восьми и девяти копѣекъ. Лица у арестантовъ замѣтно пожелтѣли; начался голодъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ появился тифъ въ партіи. Тогда, помню, воротилы партіи (Бѣловъ и другіе) надумались просить этапнаго офицера, чтобы онъ позволилъ, при проходѣ черезъ деревню, пропѣть „милосердную“ (пѣсню эту не дозволяютъ пѣть во всякое время) и просить милостыню. Офицеръ далъ разрѣшеніе. И вотъ, когда партія вошла въ деревню и растянулась улицей, изъ переднихъ рядовъ раздались звуки „милосердной“. Скоро пристали другіе, и пѣсню запѣла почти вся партія. Словъ я не помню, да и мотивъ не остался въ моей памяти,

но впечатлѣніе отъ этой пѣсни сохранилось во мнѣ и теперь. Мнѣ и теперь чудятся эти протяжные, унылые звуки, вытягиваемые усталыми голосами, съ длинными передышками и остановками, во время которыхъ слышится лязгъ кандаловъ. Затихаетъ пѣсня; голоса умолкаютъ. И вновь затягиваютъ басы изъ переднихъ рядовъ новую строфу; затягиваютъ басы, а не другіе голоса потому, что въ нашей партіи среди басовъ находились болѣе опытные пѣвцы (Бѣловъ, между прочимъ, пѣлъ басомъ); а къ басамъ вновь пристаютъ другіе голоса, но присоединяются не разомъ, не дружно, а кто когда успѣетъ, въ разбивку; и опять поетъ вся партія „милосердную“. И все это при шумѣ шаговъ, скрипѣ телѣгъ, звонѣ цѣпей. Да, въ эту минуту наше шествіе дѣйствительно походило на погребальную процессію.

Нѣсколько человѣкъ арестантовъ, съ мѣшками въ рукахъ, отдѣлившись отъ партіи, шедшей серединою улицы, подходили въ это время къ крестьянскимъ избамъ и, снявши шапки, просили милостыню. Староста суетился и то и дѣло перебѣгалъ съ одной стороны улицы на другую.

Къ голоду, какъ я уже сказалъ, присоединился тифъ; одно время чуть не всякій день кто либо заболѣвалъ въ партіи. Между тѣмъ этапы съ больницами отстояли на значительномъ растояніи, такъ что оставалось только укладывать больныхъ на телѣги и такъ продолжать этапное путешествіе. Помню, одинъ арестантъ умеръ въ дорогѣ; когда партія пришла на ночлегъ, и телѣга съ мертвецомъ въѣхала въ этапный дворъ, нѣсколько человѣкъ арестантовъ принялось стаскивать мертвеца. Длинный-длинный показался онъ мнѣ, когда его стаскивали! И съ какимъ трудомъ его стащили! Да, трудно жилось тогда бѣднымъ арестантамъ.

Но жизнь брала свое; здѣсь на этапѣ она являлась только болѣе сконцентрированной: горе и веселье, надежда и отчаяніе — все было вмѣстѣ, все можно было наблюдать въ одной камерѣ. Тутъ можно было слышать веселую, залихватскую пѣсню или остроту, вызывавшую

взрывъ хохота, и тутъ же одновременно, откуда нибудь изъ подъ наръ слышался стонъ или бредъ умирающаго. Эти противорѣчія какъ будто не замѣчались никѣмъ, и всякій жилъ, какъ хотѣлъ.

Въ двадцатыхъ числахъ октября 1879 г. наша партія дотащилась, наконецъ, до г. Иркутска.

Послѣдній переходъ къ Иркутску былъ болѣе обыкновеннаго: кажется, верстъ тридцать съ лишнимъ. Такое пространство пройти въ кандалахъ съ непривычки мнѣ было тяжело (а мнѣ пришлось надѣть ихъ на ноги на послѣднемъ станкѣ), и потому, подходя къ иркутской пересыльной тюрьмѣ, я чувствовалъ большую усталость. Всѣ мои желанія въ ту минуту сосредоточены были на одномъ: какъ бы поскорѣе взобраться на нары и полежать. Не думаю, чтобы и у другихъ арестантовъ не было такихъ же желаній. Но какъ будто на зло насъ не впустили даже на тюремный дворъ и заставили около часу времени ожидать и мерзнуть на улицѣ у воротъ пересыльной тюрьмы. Какая причина была этому — не знаю. Можетъ быть, чиновникъ, отъ котораго это зависѣло, игралъ въ это время въ карты и не хотѣлъ оставить игры. Между тѣмъ время было холодное. Снѣгъ уже всюду лежалъ. Сибирская зима началась. Морозы со всякимъ днемъ крѣпчали, а въ этотъ день къ вечеру и совсѣмъ сдѣлалось холодно.

Былъ часъ восьмой вечера, когда начальство заблагоразсудило насъ впустить; ворота пересыльной тюрьмы отворились, наконецъ, и мы — полузамерзшіе — вбрели во дворъ. Безъ повѣрки мы вошли въ зданіе; но здѣсь въ первой комнатѣ насъ остановили. Это была просторная комната (на столько просторная, что вмѣстила всю партію; правда, комната оказалась биткомъ набита людьми), въ родѣ передней, очевидно, не предназначавшаяся для помѣщенія арестантовъ, такъ какъ въ ней не было наръ; изъ нея вело нѣсколько дверей въ разныя отдѣленія, но всѣ двери были теперь заперты, кромѣ одной, сквозь которую пропускали по одному человѣку изъ нашей партіи въ сосѣднюю комнату,

гдѣ и происходилъ пріемъ. Тамъ за большимъ столомъ, на которомъ навалены были статейные списки нашей партіи, сидѣло нѣсколько чиновниковъ; совѣтникъ губернскаго правленія бралъ въ руки статейный списокъ и вызывалъ арестанта по фамиліи; нашъ староста, стоявшій возлѣ двери, громко повторялъ фамилію, и вызванный арестантъ, захвативъ съ собою свое имущество, входилъ въ эту комнату. Производилась повѣрка казенныхъ вещей, и затѣмъ провѣреннаго пропускали не назадъ, а въ слѣдующую третью комнату, которая и предназначена была собственно для помѣщенія нашей партіи.

Очередь дошла и до меня.

— „Павловъ!“ услыхалъ я голосъ старосты.

— „Здѣсь!“ отвѣчалъ я и, схвативъ свой мѣшокъ, двинулся къ дверямъ комнаты, гдѣ засѣдало начальство.

— „Павелъ Павловъ?“ переспросилъ совѣтникъ, взглянувъ на меня вскользь и углубляясь въ мой статейный списокъ.

— „Точно такъ“, отвѣтилъ я, стараясь по возможности въ своихъ отвѣтахъ подражать уголовнымъ арестантамъ.

— „За что судился?“ спросилъ онъ.

— „За грабежъ...“

— „Казенныя вещи всѣ?“

— „Всѣ.“

— „Двѣ рубахи, двѣ пары полотняныхъ штановъ, двѣ пары портянокъ, суконные штаны, полушубокъ, шапка, рукавицы, пара котовъ, подкандальники, кандалы...“ перечислялъ совѣтникъ.

При всякомъ наименованіи я всякій разъ повторялъ: „есть“.

Во время этого опроса какая-то темная личность, какъ потомъ оказалось, надзиратель пересыльной тюрьмы, шарилъ руками въ моемъ мѣшкѣ, очевидно, стараясь удостовѣриться — на самомъ ли дѣлѣ все у меня есть.

Наконецъ, мой пріемъ конченъ. Кандалы, которые

снимали со всѣхъ въ Иркутскѣ (каторжанъ потомъ при отправкѣ за Байкалъ вновь заковывали), не пришлось разбивать на мнѣ кузнецу, такъ какъ я могъ ихъ и самъ сбросить.

И вотъ я въ камерѣ.

Былъ часъ 12 ый ночи, когда пріемъ нашей партіи окончился. Мнѣ хотѣлось ѣсть, но еще болѣе — отдохнуть. Закусивши немного, я растянулся на нарахъ рядомъ съ однимъ бродягой и, не смотря на шумъ кругомъ, сталъ дремать. На нарахъ и подъ нарами арестанты лежали буквально одинъ возлѣ другого. Въ камеру внесена была „параша"; двери были заперты; окна тоже, такъ какъ время было холодное. Можно судить — до какой степени атмосфера была убійственная! Но этого никто не замѣчалъ; да и я неудобство это ощущалъ въ незначительной степени; мнѣ хотѣлось спать до того, что даже вши, размножившіяся у насъ до невѣроятныхъ размѣровъ, не помѣшали мнѣ заснуть немедленно.

Жалкая жизнь была арестантовъ въ иркутской пересыльной тюрьмѣ! Хлѣбъ въ это время былъ копѣекъ по восьми за фунтъ. А такъ какъ казна отпускала кормовыхъ только десять копѣекъ въ день на всякаго арестанта, то тюремному начальству — даже при его желаніи — не было возможности хорошо кормить насъ. Хлѣбъ выдавался въ недостаточномъ количествѣ; на приварокъ ежедневно полагались щи, отвратительнѣе которыхъ я раньше никогда не видывалъ. Это была попросту грязная, вонючая, горячая жидкость, въ которой ни крупы, ни зелени почти не замѣчалось; кромѣ того раздавали намъ еще по небольшому кусочку варенаго мяса; оно-то и придавало вонючій запахъ щамъ.

По утрамъ всѣ камеры обыкновенно отворялись, и арестанты пересыльнаго замка смѣшивались и толкались вмѣстѣ цѣлый день, пока не наступалъ вечеръ, когда опять ихъ раздѣляли, дѣлали повѣрку и запирали по камерамъ на ночь.

Я пробылъ въ иркутской пересыльной тюрьмѣ дней восемь, и за это время наша однообразная жизнь нарушена была раза два слѣдующимъ образомъ.

Помню, одинъ разъ явился совѣтникъ (тотъ самый, который принималъ нашу партію) вмѣстѣ съ другимъ господиномъ, тоже, повидимому, какимъ-то чиновникомъ, и стали вызывать къ себѣ поселенцевъ. Въ числѣ другихъ былъ вызванъ и я. Дѣло заключалось въ томъ, что тому чиновнику хотѣлось нанять себѣ дешеваго кучера и онъ, пользуясь знакомствомъ съ совѣтникомъ губернскаго правленія, рѣшилъ поискать среди поселенцевъ. Подобный способъ найма прислуги часто практикуется сибирскими чиновниками. Обыкновенно арестантъ радъ поскорѣе вырваться на свободу и потому рѣдко останавливается передъ невыгодными условіями найма. Такъ какъ въ мой планъ не входило искать работы въ Иркутскѣ, то я и отказался отъ этого предложенія.

Въ другой разъ въ пересыльную пріѣхалъ иркутскій брантъ-майоръ. Опять таки для найма людей въ пожарную команду (Иркутскъ недавно передъ этимъ почти весь сгорѣлъ, и потому, должно быть, начальство, по русской пословицѣ, „заднимъ умомъ крѣпкое“ заботилось теперь объ укомплектованіи пожарной команды). Съ этимъ брантъ-майоромъ вечеръ прошелъ у насъ весьма оживленно. Человѣкомъ онъ оказался разговорчивымъ и изрядно посмѣшилъ арестантовъ. Помню, обращался онъ и ко мнѣ съ предложеніемъ опредѣлиться въ пожарные, но я и отъ этой должности отказался.

— „Почему?“ спросилъ онъ, оглядывая меня потѣшно какъ то бокомъ и при этомъ такъ величественно старался откинуть голову свою назадъ, но выходило это у него не величественно, а глупо, что мнѣ стоило большого усилія не разсмѣяться.

— „Боюсь пожаровъ, ваше благородіе! отвѣчалъ я.

— „Такихъ мнѣ не надо! такихъ мнѣ не надо!“ торопливо проговорилъ брантъ-майоръ, дѣлая отрицательный жестъ рукою.

Разговоръ арестантовъ съ нимъ сдѣлался особенно оживленнымъ послѣ того, какъ одинъ изъ ссыльныхъ заявилъ, что онъ предпочитаетъ бродяжить, чѣмъ служить въ пожарной командѣ. По этому поводу поднялся споръ; брантъ-майоръ старался доказать невыгоду бродяжества и, въ концѣ концовъ, привелъ, самъ того не подозрѣвая, весьма остроумное сравненіе Россійскаго Царства съ паскотиной*), при чемъ такъ закончилъ: „Сколько ни бродяжь — все равно изъ паскотины не выйдешь: широка она и велика у нашего государя.“

Ровно черезъ недѣлю послѣ нашего прибытія въ Иркутскъ подъ вечеръ сквозь замерзшія окна камеры я увидѣлъ, какъ подходила къ нашей тюрьмѣ слѣдующая за нашей этапная партія, № 9-й (партіи обозначались номерами; наша была восьмая, считая отъ начала весенней навигаціи 1879 года). Арестанты съ любопытствомъ прижались къ окнамъ, чтобы разглядѣть вновь прибывшихъ; всякій ожидалъ увидѣть тамъ своихъ знакомыхъ. Я смотрѣлъ тоже. Но не въ самой партіи искалъ я глазами своихъ знакомыхъ: ихъ тамъ не могло быть, — а сзади, на телѣгахъ, ѣхавшихъ въ концѣ. И вотъ мимо нашихъ оконъ медленно тянулись телѣги; на одной изъ послѣднихъ, мнѣ показалось, будто я узналъ Позена. Трудно, однако, было утверждать, такъ какъ голова его была закутана, съ другой стороны, мое окно, въ которое я глядѣлъ, все слезилось отъ растаявшей воды. Политическихъ содержали не въ пересыльной, а въ тюремномъ замкѣ, такъ что въ это время я не имѣлъ возможности съ ними встрѣчаться.

На слѣдующій день въ числѣ поселенцевъ, отправляемыхъ на мѣсто назначенія, вызванъ былъ и я. Волость, куда мы были назначены, находилась по „Московскому тракту“, верстахъ въ шестидесяти отъ Иркутска. „Московскимъ трактомъ“ называется дорога, идущая изъ Иркутска на Красноярскъ, Томскъ и т. д. по направ-

*) Въ Сибири такъ называется огороженное мѣсто возлѣ деревни, предназначенное для выгона скота.

ленію къ Москвѣ. Такимъ образомъ насъ должны были препровождать тою же дорогою, которою мы уже проходили недѣлю тому назадъ, только теперь, конечно, въ обратномъ направленіи. Какъ объяснить подобную нераспорядительность начальства, которое, вмѣсто того чтобы прямо оставить насъ еще тогда въ Тельминской волости, зачѣмъ-то протаскало насъ до Иркутска, держало въ пересыльной тюрьмѣ и теперь возвращало назадъ? Не знаю. Какъ бы тамъ ни было, мы были отправлены съ обратной этапной командой и 1-го ноября 79-го года прибыли въ Тельму. Офицеръ распорядился тотчасъ отправить насъ въ волостное правленіе. На волостномъ дворѣ въ послѣдній разъ подвергли насъ повѣркѣ: всякаго поименно выкликали по статейнымъ спискамъ и справлялись о казенныхъ вещахъ, хотя съ этого момента они становились уже нашей собственностью. Въ заключеніе писарь объявилъ намъ, чтобы мы отправлялись на ночлегъ въ „сельскую избу“, а на другой день онъ обѣщалъ распредѣлить насъ по участкамъ (волость дѣлилась на участки).

Мы вышли изъ волостного правленія уже одни, безъ стражи. Конвойные солдаты ушли на этапъ.

Я шелъ свободный по улицѣ въ этой большой деревнѣ. Свободный!... Какъ это было странно! Въ кіевской тюрьмѣ меня стерегли пуще глаза. На рѣкѣ Оби солдаты становились цѣпью вдоль борта баржи, чтобы я не вздумалъ бѣжать, бросившись въ воду (какой рискъ, подумаешь!?)... А тутъ вдругъ сами выпустили на волю! Во всемъ этомъ крылось, конечно, огромное недоразумѣніе. Но все таки я былъ свободенъ.. Мною охватило особенное состояніе, въ родѣ того опьяненія, какое я испытывалъ во время переѣзда черезъ Уральскія горы; но теперь оно было въ болѣе сильной степени. Состояніе это походило на то, какъ если бы я очутился на этой деревенской улицѣ послѣ продолжительной болѣзни, когда голова слегка кружится отъ свѣжаго воздуха, и глазу, отвыкшему смотрѣть на внѣшній міръ, но пріобрѣвшему послѣ болѣзни особую остроту, все кажется

такимъ праздничнымъ и яркимъ. Все, на что я смотрѣлъ — крестьянскія избы, люди, куры, голуби, которыхъ было тутъ множество, — все выглядѣло какъ-то иначе, не какъ всегда; а главное — все получило теперь несравнимо большее значеніе въ моихъ глазахъ.

Улица пересѣкала базарную площадь; здѣсь мы увидѣли вывѣску „распивочно и на выносъ“. — „Зайдемъ“, предложилъ кто-то; и человѣка три отдѣлилось отъ нашей группы и зашли въ кабакъ. Остальные пошли дальше по направленію къ „сельской избѣ“. Но у слѣдующаго кабака задержались и остальные. Я тоже зашелъ вмѣстѣ съ другими. Это было передъ вечеромъ; а вечеромъ мы явились въ „сельскую избу“, гдѣ намъ для ночлега была отведена горница. Въ числѣ поселенцевъ находились двѣ женщины. Обѣ были уже не молоды, но ихъ присутствіе все таки вдохновляло компанію. Устроено было общее чаепитіе; на столѣ опять появилась водка. Въ концѣ концовъ всѣ напились. Я оставался, конечно, трезвымъ и съ любопытствомъ смотрѣлъ на то, какъ празднуютъ наши арестанты свой выходъ на волю. Они пѣли и кричали; гамъ и шумъ стояли въ избѣ. Одинъ въ припадкѣ пьянаго раскаянія находилъ почему-то нужнымъ кланяться всѣмъ въ ноги и почти со слезами, какъ передъ исповѣдью, просить: „прости, братъ! Можетъ я тебя чѣмъ обидѣлъ!“ Между прочимъ одинъ изъ поселенцевъ (которыхъ, помнится до десятка выпущено было тогда въ Тельминской волости) долго надоѣдалъ мнѣ со своимъ „мѣстомъ“, которое у него имѣлось ввиду гдѣ-то въ Тульской губ.; онъ старался меня убѣдить въ томъ, что это „мѣсто“ можетъ выручить меня изъ бѣды, въ случаѣ моей поимки.

Только за полночь публика нѣсколько поуспокоилась и принялась укладываться спать. Я заснулъ тоже.

Но на утро я проснулся очень рано и отправился продавать вещи: мнѣ надо было выручить для дороги сколько нибудь денегъ, такъ какъ я рѣшилъ немедленно бѣжать изъ Тельмы. Медлить съ этимъ было неблагоразумно. Поселенцы, выпущенные вмѣстѣ со мной,

само собою разумѣется, всѣ знали — кто я и какъ очутился среди нихъ; они молчали до поры до времени; но при первомъ допросѣ, слѣдовало ожидать, что всѣ разскажутъ, что знаютъ. Оставляя даже въ сторонѣ предположеніе о доносѣ, который могъ быть сдѣланъ какимъ нибудь арестантомъ, я долженъ былъ ожидать всякую минуту, что иркутскія власти сами по себѣ откроютъ обманъ, и въ такомъ случаѣ тоже не замедлятъ принять мѣры къ моему аресту. Однимъ словомъ, благоразуміе требовало, чтобы я немедленно бѣжалъ. Но у меня не было ни денегъ, ни связей. Я имѣлъ только одинъ адресъ одного моего пріятеля, сосланнаго административнымъ порядкомъ раньше въ Сибирь и жившаго въ деревнѣ, названія которой я здѣсь не привожу изъ осторожности: но деревня эта находилась верстахъ въ ста пятидесяти отъ Тельминской волости. Мнѣ не оставалось другого исхода, какъ бѣжать туда; и я рѣшилъ туда бѣжать.

Отъ продажи вещей — арестантскаго халата и рукавицъ — я выручилъ, помнится, около полутора рубля и часамъ къ д вяти утра былъ готовъ къ дорогѣ.

Передъ самымъ уходомъ я сообщилъ тому поселенцу, что наканунѣ предлагалъ мнѣ свое „мѣсто“ въ Тульской губ., сообщилъ ему подъ секретомъ, что я думаю бѣжать въ Иркутскъ. Дорога въ деревню, куда я намѣревался идти, шла прямо въ противоположномъ направленіи (не въ сторону Иркутска), но я давалъ нарочно ложныя свѣдѣнія, надѣясь что это внесетъ больше путаницы въ головы жандармовъ, когда дойдетъ дѣло до поисковъ за мною, до допросовъ и показаній, и что, такимъ образомъ, мнѣ, можетъ быть, удастся выиграть время. Съ другой стороны, все равно я долженъ былъ кого нибудь посвятить въ свое бѣгство уже потому, что намъ надо было являться въ волость для записыванія по участкамъ, и мое отсутствіе возбудило бы подозрѣніе. Мой поселенецъ долженъ былъ разсказать какую нибудь подходящую исторію, въ родѣ того, напр.,

что я упился и лежу пьяный и потому не явился въ волость и такъ объяснить мое отсутствіе.

Глава XXVIII

БѢГСТВО.

Все было у меня готово. Я надѣлъ мой казенный полушубокъ и мѣховую шапку (въ родѣ той, которую раньше мнѣ пошилъ Петровъ изъ стараго полушубка), единственныя вещи сколько нибудь отвѣчавшія времени года — надѣлъ штаны изъ бумажной сѣрой матеріи, обувь, состоявшую изъ арестантскихъ котовъ, къ которымъ сверху, вмѣсто голенищъ, пришиты были кожанные подкандальники, — и двинулся въ дорогу. На спину я забросилъ мѣшокъ, въ которомъ находились еще кое-какія запасныя тряпки: одна рубаха, полотняные штаны и портянки. Скоро однако я вынужденъ былъ надѣть эту рубаху и штаны — сверху другой рубахи и штановъ, — такъ какъ погода сдѣлалась очень холодной.

Таковъ былъ мой багажъ, съ которымъ я вышелъ изъ Тельминскаго селенія 2-го ноября, утромъ. Мой желтый полушубокъ особаго (казеннаго) покроя и низко остриженная голова, чего нельзя было закрыть шапкою, всякому встрѣчному должны были свидѣтельствовать о томъ, что я бродяга. Но съ этимъ я мирился: во время этапнаго путешествія я видѣлъ, что бродяги открыто ходили здѣсь, и на нихъ никто не обращалъ вниманія, поэтому надѣялся и самъ пройти куда мнѣ нужно было безпрепятственно; лишь бы только въ это время не началась погоня спеціально за мною

День былъ тихій морозный. Пройдя нѣсколько верстъ,

дорогою, я увидѣлъ проселочный путь, сворачивавшій вправо къ лѣсу, и поворотилъ въ эту сторону. Сбиться съ дороги я не рисковалъ, такъ какъ направленіе мнѣ было хорошо извѣстно. Мнѣ хотѣлось пройти нужное пространство какъ можно болѣе глухими мѣстами.

И такъ, я своротилъ проселкомъ вправо и скоро очутился въ лѣсу. Это была густая березовая роща, тянувшаяся на огромное разстояніе. Я смотрѣлъ на деревья, потонувшія въ глубокомъ снѣгу и — странное дѣло! — совсѣмъ не чувствовалъ къ нимъ того остраго влюбленнаго влеченія, какое испытывалъ еще такъ недавно, когда смотрѣлъ на нихъ издали, или просто даже только мечталъ о нихъ, сидя въ тюрьмѣ. Тогда при одной мысли о томъ, какъ я буду бродить по лѣсу, меня бросало въ жаръ и холодъ отъ предвкушаемаго счастья. Теперь, когда я на самомъ дѣлѣ находился въ лѣсу, ничего подобнаго я не ощущалъ. Противорѣчіе въ ощущеніяхъ до того было рѣзкое, и такъ случилось во мнѣ все это скоро, что я невольно по поводу этого задумался. Я чувствовалъ, что почему-то не могу вполнѣ насладиться своей волей (о которой такъ болѣзненно-страстно мечталъ), что мнѣ мѣшаетъ что-то теперь наслаждаться ею. И вотъ, мало по малу мнѣ выяснилось, что причиной тому была моя подозрительность, не покидавшая меня ни на минуту и окрашивавшая все въ невеселый, мрачный колоритъ. Подозрительность эта какъ будто со всякимъ часомъ увеличивалась. Она нашептывала мнѣ: „Нѣтъ, ты еще далеко не свободенъ... Это только начало, а каковъ будетъ конецъ, неизвѣстно... Трудно сдѣлаться тебѣ свободнымъ!“ И я быстро проходилъ мимо березъ, ни на секунду не останавливаясь, ни на одну секунду не отдаваясь настоящему, а всѣ мысли устремляя исключительно въ будущее и готовясь къ какой то предчувствуемой мною борьбѣ.

Описывать шагъ за шагомъ мое путешествіе, продолжавшееся около недѣли времени, едвали представило бы интересъ; было холодно, было голодно — вотъ все, что могу сказать. Особенно, помню, я страдалъ отъ

холода. Неоднократно въ „падяхъ“, т. е. въ долинахъ, меня пронизывалъ такой сильный холодъ, что я опасался, какъ бы не отморозить себѣ рукъ или ногъ. Любопытно то, что на возвышенныхъ мѣстахъ, на холмахъ было значительно теплѣе; долины же или, какъ ихъ называютъ въ Сибири „пади“, полны были какого то особаго тумана (совсѣмъ не похожаго на наши обыкновенные туманы), въ область котораго достаточно было войти, чтобы почувствовать нѣчто въ родѣ вонзающихся въ тѣло иголокъ. Не смотря на то, что подобныя пади я проходилъ съ быстротою, на какую только былъ способенъ, тѣмъ не менѣе моя лѣвая нога выше колѣна нѣсколько пострадала; казенный полушубокъ былъ слишкомъ коротокъ и не могъ защитить моихъ ногъ, одѣтыхъ въ легкіе штаны.

Ночевать въ большинствѣ случаевъ мнѣ приходилось по банямъ, какъ это обыкновенно дѣлаютъ бродяги. Бани же всюду есть. Для характеристики опишу одну изъ моихъ ночевокъ.

Помню, наступали сумерки, когда я вошелъ въ одну деревеньку. Отъ опытныхъ бродягъ я слыхалъ, что не слѣдуетъ заходить въ богатыя избы, а напротивъ, надо выбирать самыя плохія. „Въ бѣдной избушкѣ хозяева добрѣе“, утверждалъ Бѣловъ. Это въ общемъ глубоко вѣрное наблюденіе, выведенное изъ массы опытовъ, было принято во вниманіе и мною. И вотъ, высмотрѣвши на краю села небольшую избенку, я зашелъ туда. Перекрестившись къ образамъ, висѣвшимъ въ углу, какъ того требовалъ сибирскій обычай, я поздоровался съ хозяевами.

— „Здраствуй, парень“, отвѣтилъ хозяинъ.

— „Нельзя ли хлѣба купить?“ спросилъ я. Хотя я шелъ на положеніи бродяги, но просить милостыни не рѣшался и за ѣду всегда платилъ.

— „Можно“, отвѣтила хозяйка.

— „А ночевать, дяденька, не пустишь?“

— „Ну, парень, нельзя! Бумаги, поди, нѣту?!“ Сибирякъ окинулъ меня взглядомъ. — „Строгости у насъ

теперича: коли пустишь кого безъ пашпорта — штрафъ.. Ты откуда же?“

— „Изъ партіи“, отвѣчалъ я.

— „То-то; бродяга, видно.“

Я молчалъ.

— „Ваша братія все больше по банямъ ночуетъ. Поди хоть въ мою и ночуй. Сегодня баню топилъ: спать будетъ тепло.“

Получивъ краюху хлѣба, за которую я заплатилъ нѣсколько копѣекъ (она больше стоила, но въ такихъ случаяхъ крестьяне берутъ, сколько имъ даешь, не торгуясь), я вышелъ изъ избы. Осмотрѣвшись, я увидѣлъ неподалеку баню и направился къ ней. Тутъ же рядомъ стояла другая баня, сосѣдняя; въ ней, какъ я замѣтилъ, кто то парился въ это время. Баня, куда я зашелъ, была безъ оконъ, да наконецъ, наступалъ и вечеръ, и потому, чтобы оріентироваться, я зажегъ спичку. Съ лѣвой стороны отъ входа я увидѣлъ груду большихъ камней, сложенныхъ такъ, что въ серединѣ имѣлась пустота, гдѣ можно было раскладывать огонь. Эта груда камней представляла собою печь; дальше за печью начинались деревянныя полки. Я направился къ нимъ. Здѣсь было до того жарко, что я принужденъ былъ сбросить съ себя полушубокъ и остаться въ одномъ бѣльѣ. Крестьянскія бани обыкновенно курныя, и въ этой, конечно, какъ и въ другихъ, всѣ стѣны и потолокъ были покрыты слоемъ сажи. Доставши изъ своего мѣшка сальную свѣчу, я ее зажегъ и приклеилъ къ полкѣ. Сальныя свѣчи у меня были въ запасѣ для смазыванія ногъ, чтобы предохранить ихъ отъ порчи во время ходьбы. Мнѣ не хотѣлось еще спать, и я занялся крашеньемъ своего полушубка; я рѣшилъ почернить его, такъ какъ желтый цвѣтъ слишкомъ напоминалъ его казенное происхожденіе. Сажа, которой здѣсь было вездѣ достаточно, вмѣстѣ съ свѣчнымъ саломъ представляла недурную краску, и я приступилъ къ дѣлу. Окончивши работу и поѣвши, я взобрался на верхнюю полку и улегся. Но едва сталъ дремать, какъ былъ разбуженъ скрипомъ

отворявшейся двери. Вслѣдъ за тѣмъ я услыхалъ, какъ кто-то ввалился въ баню. Темнота не давала разсмотрѣть вновьприбывшаго, а зажигать спичку я находилъ излишнимъ. Ввалившійся тоже очевидно не имѣлъ намѣренія осматривать помѣщеніе; ощупью онъ розыскалъ полки и, взобравшись наверхъ, легъ рядомъ со мною. Лежа на полкѣ, онъ ощупалъ меня рукою, но, повидимому, его ни мало не смутило мое присутствіе. Въ непродолжительномъ времени раздалось его мѣрное похрапываніе; онъ спалъ. Рядомъ съ незнакомцемъ и я заснулъ тоже.

День еще не начинался, когда я проснулся отъ холода. Баня совершенно остыла, и если съ вечера мнѣ приходилось потѣть отъ жары, то къ утру даже полушубокъ оказывался недостаточнымъ для защиты отъ холода. Я принужденъ былъ встать и одѣться. Спать больше я не могъ и, чтобы не терять напрасно времени, собрался въ путь. Сосѣдъ мой продолжалъ храпѣть. Я вышелъ изъ бани; еще было темно, но скоро должно было свѣтать. Я не боялся сбиться и быстро зашагалъ по дорогѣ.

Мнѣ оставалось сдѣлать еще верстъ пятьдесятъ, когда, проходя одной деревней, я обратилъ вниманіе на человѣка, стоявшаго на улицѣ, у воротъ. По его наружному виду я заключилъ, что это былъ поселенецъ, такъ какъ волосы на его головѣ еще не успѣли отрости.

— „Заходи: напьешься чаю, отдохнешь“, обратился онъ ко мнѣ.

Я былъ не прочь отдохнуть и потому съ удовольствіемъ принялъ приглашеніе. Мы вошли вмѣстѣ въ избу. Изба оказалась маленькая, плохо убранная, грязная... На печи сидѣла какая-то женщина. Мой хозяинъ (видимо, онъ нанималъ эту избу) захлопоталъ возлѣ самовара.

— „Давно изъ партіи?“ спрашивалъ онъ.

— „Только что; съ восьмой партіей прибылъ“, отвѣтилъ я.

— „А теперь, значитъ, по бродяжеству?

— „Да“.

— „Гиблая сторона!“ воскликнулъ онъ. „Самъ я тоже собираюсь махнуть... А какъ: „Ангарскимъ“ пойдешь?“

„Ангарскимъ“ называется трактъ, идущій вдоль рѣки Ангары. Этотъ трактъ доходитъ до извѣстнаго мѣста и затѣмъ прекращается, такъ что бродяги продолжаютъ путь свой дальше или на плотахъ по рѣкѣ, или же черезъ тайгу извѣстными проселками проходятъ изъ села въ село и выбираются въ концѣ концовъ опять таки на „Московскій трактъ“.

Я сказалъ свой маршрутъ. Назвалъ между прочимъ и деревню, гдѣ жилъ мой знакомый; но, конечно, о немъ самомъ не упомянулъ ни слова, точно также какъ не сказалъ и того, что въ этой деревнѣ я имѣлъ намѣреніе остановиться.

Поселенецъ зналъ эти мѣста, раньше какъ-то бродилъ тамъ и далъ мнѣ нѣсколько практическихъ указаній. Въ двухъ или трехъ деревняхъ онъ даже назвалъ по именамъ крестьянъ, которые „принимали“ бродягъ.

— „А какъ придешь въ такую-то деревню“, говорилъ онъ, называя деревню, куда я стремился, „пройди ты ее всю улицею; на томъ концѣ, третья изба отъ выхода, живетъ Катька Черныхъ. Скажи только ей: кланяется, молъ, тебѣ Гришка „аленькія губки“*) — она тебѣ все сдѣлаетъ“.

Я остался весьма благодаренъ поселенцу за данныя имъ указанія. Попарившись чайкомъ и поболтавши еще о томъ, о другомъ, я распрощался съ нимъ и ушелъ.

Теперь, когда мнѣ вспоминается этотъ критическій моментъ моей жизни, мнѣ всегда кажется, что только счастливый случай помогъ мнѣ тогда избѣгнуть ареста. Люди, жизнь которыхъ подвергается частымъ опасностямъ, вѣрятъ въ такъ называемую „свою звѣзду“. Я здѣсь разскажу такое, что, пожалуй, могло бы заставить повѣрить въ „звѣзду“ любого человѣка.

---

*) Видимо, подъ такимъ названіемъ мой поселенецъ былъ ей извѣстенъ

Описывая свой побѣгъ раньше (описаніе это было помѣщено въ „Вѣстникѣ Народной Воли“, издававшемся за границею), въ этомъ именно мѣстѣ я о многомъ умолчалъ, отчасти совершенно видоизмѣнилъ, изъ страха не дать какихъ либо указаній правительству при поискахъ за тѣми, которые оказались пособниками моему побѣгу.

Теперь я разскажу все, какъ было, ничего не измѣняя; но и теперь, конечно, — какъ это давно ни было — считаю неблагоразумнымъ называть имена лицъ; и я не буду ихъ называть, хотя я знаю, что мой разсказъ получилъ бы несравнимо больше значенія и интереса съ приведеніемъ именъ.

Помню, было еще утро, когда я входилъ въ ту деревню, гдѣ находился, по моимъ свѣдѣніямъ, мой знакомый. Предшествующую ночь я провелъ въ сосѣдней деревушкѣ, всего въ нѣсколькихъ верстахъ оттуда. Обращаться къ встрѣчнымъ крестьянамъ съ разспросами о томъ, гдѣ живетъ политическій ссыльный „такой-то“, я находилъ неумѣстнымъ, такъ какъ потомъ, при поискахъ за мною, это дало бы прямыя указанія, а потому я рѣшилъ воспользоваться адресомъ, полученнымъ мною отъ поселенца. И вотъ я прошелъ всю деревню; отсчиталъ отъ того края третью избу и, войдя во дворъ, постучался въ дверь.

Уже по одному наружному виду избы я долженъ былъ заключить, что тутъ крылось какое-то недоразумѣніе. Домикъ былъ слишкомъ хорошъ для того, чтобы можно было предположить, что хозяева его принимали бродягъ. На стукъ мой послышались шаги, и вскорѣ я увидѣлъ передъ собою старуху лѣтъ за пятьдесятъ. Это обстоятельство еще больше вселило во мнѣ сомнѣніе, и я сталъ думать, что тутъ была какая-то ошибка. Катька Черныхъ не могла быть такой старухой. Къ моему удивленію оказывалось, однако, что старуха эта, въ самомъ дѣлѣ называлась Черныхъ. Я было заикнулся о Гришкѣ (объ „аленькихъ губкахъ“ умолчалъ: слишкомъ ужъ не подходило это все къ ея возрасту, ни къ ея

скромному виду), но на лицѣ ея прочелъ такое искреннее недоумѣніе, что не пытался пускаться въ дальнѣйшія разъясненія.

— „Да что тебѣ, парень, надо?“ допытывалась она.

Нѣкоторое время я молчалъ; колебался; не зналъ, что говорить. Однако надо было на что нибудь рѣшиться. Тутъ у меня промелькнула счастливая мысль, и я сказалъ: „я розыскиваю одного ссыльнаго дворянина (слово „политическій“ я боялся даже упоминать). Шелъ съ нимъ въ одной партіи; онъ остался мнѣ долженъ.“

— „Какого дворянина? Мало ли дворянъ ссыльныхъ? Вотъ и у меня живутъ ссыльные.“

Со старухой мы разговаривали въ первой комнатѣ, откуда вело двое дверей. Въ эту минуту лѣвая дверь отворилась, и на порогѣ я увидѣлъ „политическую“ ссыльную. Да, политическую; я никогда раньше ее не встрѣчалъ, но я тотчасъ узналъ, что это была политическая. Мой глазъ не могъ ошибиться.

— „Что вамъ надо?“ спросила она меня.

— „Если я и могъ сомнѣваться въ своей догадкѣ, то слово вамъ должно было меня окончательно убѣдить.

— „Да вотъ, у меня дѣло есть...“ говорилъ я ей и, не желая, чтобы хозяйка была свидѣтельницей нашего разговора, я сталъ настойчиво протискиваться въ ея комнату. Она загораживала мнѣ ходъ; я слегка отстранялъ ее рукою и протискивался впередъ.

— „Что вамъ надо?“ спрашивала она съ удивленіемъ, отступая передо мною.

Но я уже вошелъ въ ея комнату и притворилъ за собою дверь.

Тутъ шепотомъ, чтобы хозяйка не услыхала за дверью, я ей сказалъ: „я — Дебогорій-Мокріевичъ. Бѣжалъ съ дороги изъ партіи... Слыхали ли вы о нашемъ процессѣ въ Кіевѣ?“

Я не стану описывать здѣсь всей той нервной суеты, какая поднялась въ этомъ домикѣ, а затѣмъ и въ другомъ, подобномъ же домикѣ, въ этой же деревнѣ, гдѣ

тоже жилъ политическій ссыльный. Моего знакомаго въ этой деревнѣ не оказалось; онъ былъ въ другомъ мѣстѣ. Но вмѣсто него оказались другіе политическіе, къ которымъ я, такимъ образомъ, совершенно случайно попалъ.

Я сильно озябъ. Подходя къ столу, на которомъ шипѣлъ самоваръ (здѣсь еще не успѣли отпить утренняго чая) съ тѣмъ, чтобы усѣсться и приняться за чай, помню, я замѣтилъ небольшое зеркальце, висѣвшее на стѣнѣ, и не удержался, чтобы не пріостановиться возлѣ него. Я посмотрѣлъ и пришелъ въ отчаяніе отъ своего вида: я выглядѣлъ настоящимъ бродягою. Самое необходимое, что надо было сдѣлать — это перемѣнить одежду и измѣнить сколько нибудь свою физіономію. Но какъ я могъ измѣнить ее теперь? Если бы у меня были длинные волосы, я бы ихъ подстригъ; но я ихъ остригъ раньше. Если бы у меня была борода, я бы ее сбрилъ; но она у меня была сбрита раньше. О перемѣнѣ физіономіи пока нечего было и думать.

Какъ бы тамъ ни было, но я все таки хотѣлъ прежде всего напиться чаю. Я сильно озябъ и съ удовольствіемъ принялся отогрѣваться чаемъ.

Но въ этотъ день не суждено было мнѣ напиться чаю. Едва я окончилъ второй стаканъ, какъ мнѣ было объявлено, что въ деревнѣ появились жандармы.

Извѣстіе это ударило меня, какъ обухомъ по головѣ. Явились ли жандармы нарочно за мной или случайно, по другому дѣлу, — во всякомъ случаѣ, оставаться у своихъ, политическихъ ссыльныхъ, мнѣ никоимъ образомъ не слѣдовало. Я долженъ былъ уходить. Но куда?

— „Идите по „такой-то“ дорогѣ. Васъ нагонитъ человѣкъ въ саняхъ, запряженныхъ однимъ конемъ. Онъ вамъ укажетъ, гдѣ можно будетъ укрыться“.

Съ этими свѣдѣніями я вышелъ отъ своихъ и направился къ деревенскому выходу, откуда вела слабо укатанная узкая дорога, чуть желтѣвшая среди бѣлаго поля. Я не успѣлъ перемѣнить своей одежды и какъ былъ такъ и остался въ арестантскомъ костюмѣ; помню, меня снабдили только однимъ рублемъ денегъ на всякій

случай (у меня своихъ не оставалось уже ни копѣйки), да четвертушкой табаку.

Прошелъ я всего версты двѣ или три, когда меня нагналъ тотъ человѣкъ, о которомъ мнѣ говорили. Я подсѣлъ къ нему въ сани, и мы поѣхали вмѣстѣ. Но когда мы поднялись на возвышенное мѣсто, откуда было видно далеко кругомъ и, между прочимъ, показалась вдали въ лощинѣ деревенька, то онъ остановилъ коня, и я слѣзъ съ саней. Въ той деревушкѣ онъ жилъ. Онъ соглашался укрыть меня съ тѣмъ условіемъ, чтобы я явился къ нему туда ночью, чтобы никто не видѣлъ, когда я буду къ нему идти. Онъ мнѣ разсказалъ, какъ можно было, не распрашивая, узнать его домъ, и уѣхалъ впередъ. Я остался одинъ.

Появленіе жандармовъ въ деревнѣ приводило меня къ убѣжденію, что за мною началась погоня; и съ этой стороны я не ошибался.

Вскорѣ послѣ моего ухода изъ иркутской пересыльной тюрьмы, какой-то арестантъ-жуликъ выдалъ о моей смѣнкѣ. Доносъ послѣдовалъ одновременно на Избицкаго, меня и Орлова, смѣнившагося тоже во время дороги къ Иркутску (онъ шелъ въ слѣдующей за нашей этапной партіи). Само собою разумѣется, что власти тотчасъ приняли мѣры къ задержанію насъ троихъ. Но Избицкій ушелъ съ мѣста поселенія (Рыбинской волости) давнымъ давно, и его, конечно, не нашли. Павелъ Орловъ по оплошности остался въ той волости, гдѣ былъ выпущенъ, и его тамъ сразу арестовали. Что касается до меня, то телеграмма о задержаніи Павлова, т. е. меня, пришла въ Тельминскую волость послѣ того, какъ я успѣлъ уже уйти оттуда. За мною началась погоня, и теперь она быстро шла по моимъ слѣдамъ.

Что же я долженъ былъ еще предпринять съ своей стороны, чтобы укрыться отъ преслѣдованія? До сихъ поръ я дѣлалъ все, что было въ моихъ силахъ: я давалъ ложныя указанія о моемъ направленіи, обходилъ деревни, останавливался на ночлеги по банямъ, гдѣ рѣдко кто меня видѣлъ, или же у лицъ завѣдомо принимав

шихъ бродягъ — и всѣ эти мѣры оказались пустыми, недостигавшими результатовъ: жандармы шли по пятамъ. Теперь только я вполнѣ оцѣнилъ, что бѣгство въ Сибири совсѣмъ не исчерпывается уходомъ изъ тюрьмы, и что дальнѣйшіе шаги представляютъ часто несравнимо больше трудностей. А я еще такъ недавно думалъ, что задача моя уже разрѣшена! Правда, посѣщали мою голову мрачныя мысли; но появленіе ихъ я приписывалъ скорѣе своей чрезмѣрной подозрительности, чѣмъ дѣйствительному положенію дѣлъ. Теперь же оказывалось... Вотъ, она, дѣйствительность!... Самыя мрачныя предположенія оказывались незначительными по сравненію съ нею! Что мнѣ, однако, оставалось дѣлать? Голова моя усиленно работала надъ разрѣшеніемъ этого вопроса. Но я почти ничего не могъ придумать. Единственная надежда оставалась на того человѣка. Но если жандармы съумѣли прослѣдить меня на всемъ пути, то безъ всякого сомнѣнія прослѣдятъ и здѣсь до этой деревушки. Да, прослѣдятъ, если, конечно, хоть одинъ человѣкъ будетъ меня видѣть здѣсь. Я оглянулся. Съ правой стороны росли кусты; ни впереди, ни сзади по дорогѣ не было видно никого. Деревенька, гдѣ жилъ тотъ человѣкъ, скрылась съ глазъ, такъ какъ я успѣлъ спуститься съ того возвышеннаго мѣста, откуда она была видна. „Дальше идти некуда; здѣсь надо ждать до вечера“, подумалъ я. Но меня могли видѣть тамъ, когда я выходилъ изъ той деревни. И навѣрно видѣли. А если видѣли, то при опросѣ укажутъ жандармамъ по какой дорогѣ я пошелъ. Безвыходное положеніе!...

Однако надо было спрятаться гдѣ либо въ сторонѣ отъ дороги, чтобы можно было провести день незамѣченнымъ. Я опять осмотрѣлся: кругомъ ни души. Я рѣшилъ своротить въ кусты. Но если жандармамъ укажутъ эту дорогу, и они, проѣхавши до слѣдующей деревни, узнаютъ, что я тамъ не проходилъ, то, конечно, станутъ меня искать здѣсь по окрестности, увидятъ мои слѣды по снѣгу къ этимъ кустамъ и по слѣдамъ меня найдутъ. Теперь они находятся въ той деревнѣ,

но въ эту минуту, можетъ быть, уже выѣзжаютъ оттуда и скоро будуть здѣсь. Тогда мнѣ вспомнился пріемъ, о которомъ я когда-то читалъ; и вотъ, поворотившись спиною къ кустамъ, я двинулся задомъ къ нимъ, высоко поднимая ноги, чтобы яснѣе отпечатывались мои слѣды на снѣгу. Добравшись, такимъ способомъ, до кустовъ, я осмотрѣлся; въ нѣкоторомъ разстояніи я замѣтилъ бурятскіе лѣтники, т. е. деревянныя юрты, въ которыхъ буряты живутъ впродолженіи лѣта (зимою онѣ пусты), и рѣшилъ провести день въ этихъ лѣтникахъ: тамъ я меньше всего рисковалъ быть замѣченнымъ кѣмъ либо. Тѣмъ же порядкомъ, т. е. задомъ, добрался я до лѣтниковъ и въ одномъ изъ нихъ скрылся.

Видѣлъ-ли кто, какъ заяцъ собирается залегать? Вотъ онъ скачетъ, настороживъ чуткія уши; далеко откуда-то доносится лай собакъ, идущихъ по его слѣдамъ. Онъ дѣлаетъ петлю, затѣмъ громадный скачекъ въ сторону и ложится подъ кустомъ.

Такъ и я, подобно зайцу, прежде, чѣмъ залечь, сдѣлалъ свою петлю.

Вспоминая теперь все это, невольно задаю я себѣ вопросъ: нужна-ли была эта петля? И неужели же въ самомъ дѣлѣ доходило до того, что надо было двигаться задомъ напередъ? Вспоминая это, мнѣ становится подчасъ даже смѣшно. Едвали жандармы доходили до этого мѣста, едвали видѣли мои слѣды. А если и доходили, и видѣли, то, конечно, не обратили на нихъ никакого вниманія. Правда, путь мой былъ ими прослѣженъ, и они шли вѣрно по моимъ слѣдамъ. Но потерявши ихъ въ той деревнѣ, по всему вѣроятію, они оказались сбитыми съ толку и не знали даже навѣрно, гдѣ именно потеряли мои слѣды: здѣсь или раньше. А кто знаетъ, можетъ быть, и дальше, въ слѣдующихъ деревняхъ, они получили какія либо ложныя указанія, которыя еще болѣе сбили ихъ съ толку. Но въ эту минуту, само собою разумѣется, я не способенъ былъ такъ разсуждать и долженъ былъ предполагать худшее. Я напрягалъ всѣ свои способности и силы, чтобы избѣжать ареста. Если бы понадо-

билось тогда, въ ту стужу, переплыть рѣку, по которой шла шуга, то, пожалуй, я бросился бы переплывать рѣку, убѣгая отъ преслѣдованія. Таково было тогда мое душевное настроеніе.

Когда наступили сумерки, я вышелъ изъ своего убѣжища и направился въ деревню. Мнѣ удалось пройти до деревни и самой деревней, не встрѣтивъ ни одного человѣка. Въ указанномъ домикѣ я постучался въ дверь и былъ впущенъ внутрь.

Прежде всего я перемѣнилъ одежду, сбросивъ съ себя все арестантское; хотя строго говоря, въ ту минуту я даже мало нуждался въ одеждѣ: въ теченіи нѣсколькихъ дней я совершенно не выходилъ изъ комнатки, куда мнѣ тотъ человѣкъ даже ѣсть приносилъ. Потомъ, чтобы сгладить сколько нибудь арестантскій видъ своей физіономіи, я сталъ подбриваться, оставляя одну небольшую бородку, едва, впорчемъ, начинавшую чернѣть въ это время.

Побѣгъ мой вызвалъ повсюду облавы, день ото дня принимавшія болѣе широкіе размѣры, такъ что, наконецъ, тотъ человѣкъ, у котораго я скрывался, оробѣлъ. Я долженъ былъ искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Мнѣ данъ былъ адресъ одного ссыльнаго поляка, жившаго верстахъ въ двадцати или тридцати оттуда, и я отправился къ нему. Переѣздъ свой я тоже совершилъ ночью, чтобы никто не видѣлъ. Помню, было около полуночи, когда я зашелъ къ нему. Я прямо назвалъ ему свою фамилію, сообщилъ, что недавно бѣжалъ изъ партіи, и что меня повсюду ищутъ, и въ заключеніи спросилъ его, можетъ ли онъ меня скрыть у себя?

Онъ согласился, и это меня спасло.

То обстоятельство, что я зналъ говорить по польски и могъ сойти за поляка, весьма помогло моему дальнѣйшему укрывательству среди ссыльныхъ поляковъ.

Мнѣ страшно жаль, что осторожность вынуждаетъ меня ограничиться здѣсьэтими глухими и неполными указаніями на то, какъ происходило все дѣло. О самыхъ лучшихъ моихъ воспоминаніяхъ, именно о тѣхъ людяхъ,

которые мнѣ помогли, и въ особенности объ этомъ одномъ, рискнувшемъ подвергнуть себя такой огромной отвѣтственности (за укрывательство бѣгло-каторжнаго виновный наказывается самъ каторжными работами), къ сожалѣнію я ничего не могу говорить. И такъ, перехожу къ вопросамъ общаго характера, разъясненіе которыхъ не можетъ повредить никому.

Сибирь, особенно восточная, весьма слабо населена. Селенія тутъ находятся по рѣкамъ, да по казеннымъ трактамъ; остальное же пространство въ большинствѣ случаевъ представляетъ собою глухую тайгу. Облава состоитъ въ слѣдующемъ: предписываютъ по волостямъ задерживать мимо проходящихъ подозрительныхъ личностей, и по всѣмъ дорогамъ начинаютъ останавливать бродягъ. Караулъ, состоящій изъ мѣстныхъ крестьянъ, ставится обыкновенно въ воротахъ паскотины (т. е. огороженнаго мѣста возлѣ деревни для выгона скота), обойти которыя далеко еще не значитъ избѣгнуть риска, такъ какъ въ деревнѣ всякій васъ можетъ остановить, разъ ваша личность показалась сколько нибудь сомнительной, а это можетъ случиться весьма легко, если вы не сибирякъ. Въ Восточной Сибири есть уроженцы Европейской Россіи, но это либо чиновники, либо поселенцы. Если иногда и заходитъ въ этотъ отдаленный край русскій рабочій, напримѣръ плотникъ, то держится онъ преимущественно городовъ и золотыхъ пріисковъ. Всякій же поселенецъ, проходящій въ моментъ облавы, считается человѣкомъ подозрительнымъ: его останавливаютъ, требуютъ паспортъ и арестуютъ, или же разспрашиваютъ его къ какой деревнѣ онъ приписанъ — и узнаютъ все. Отдѣлаться вымысломъ невозможно. Восточный сибирякъ, особенно иркутчанинъ, — комерсантъ и промышленникъ; на нѣсколько сотъ верстъ по селамъ у него имѣются знакомые; онъ знаетъ по именамъ почти всякого лавочника за тридевять земель; ваша ложь будетъ обнаружена немедленно. Для избѣжанія облавы остается, такимъ образомъ, одно средство: избѣгать вовсе деревень и идти тайгою. А по-

слѣднее условіе, очевидно, невозможно, ибо голодъ принудитъ заходить въ деревни.

Между тѣмъ извѣстно, что бродяги въ огромномъ количествѣ шатаются по Сибири. Можно было бы подумать, что у нихъ есть свои особые, начальству неизвѣстные пути и дороги, по которымъ они избѣгаютъ преслѣдованій. Это предположеніе въ дѣйствительности оказывается совсѣмъ невѣрнымъ. Правда, есть у нихъ свои излюбленныя дороги, но эти дороги прекрасно извѣстны администраціи. Бродяжить по Сибири является возможнымъ потому, что на безпаспортныхъ власти тамъ глядятъ сквозь пальцы, видимо раздѣляя на это явленіе взглядъ иркутскаго брантъ-майора, который говорилъ, что у нашего царя паскотина громадна, и выйти изъ нея все равно нѣтъ никакой возможности.

Но разъ въ какой нибудь мѣстности учреждается облава, тогда бродягъ начинаютъ хватать. Мнѣ извѣстно, напримѣръ, что попало ихъ очень много въ иркутскій тюремный замокъ во время поисковъ за мною. Среди нихъ находились охотники въ моментъ ареста называться моимъ именемъ. Обманъ, конечно, обнаруживался скоро, но это для нихъ было не важно; подобное самозванство приносило реальныя выгоды: въ Иркутскъ ихъ везли, а не гнали пѣшкомъ; лучше кормили во время пути; и, наконецъ, въ самой тюрьмѣ среди арестантовъ самозванство это дѣлало ихъ болѣе популярными и льстило ихъ тщеславію.

Сибирская облава страшна, такимъ образомъ, для самыхъ опытныхъ бродягъ. Послѣднее обстоятельство служитъ отчасти причиной того сравнительно мирнаго характера, которымъ отличается наше бродяжество. Всякое преступленіе — воровство, убійство и пр., — совершенное въ извѣстной мѣстности, накликаетъ бѣду на всѣхъ бродягъ, проходящихъ въ этой мѣстности. Вотъ почему они сами нерѣдко преслѣдуютъ своихъ товарищей, которые по дорогѣ совершаютъ преступленія.

Облава, поднятая вслѣдствіе моего побѣга, продолжалась около полутора мѣсяца. Сначала пронесся слухъ,

что гдѣ-то въ тайгѣ найденъ былъ трупъ, въ которомъ будто узнали меня. Затѣмъ получилось извѣстіе, будто бы меня поймали возлѣ Нижне-Удинска и вскорѣ будутъ препровождать въ Иркутскъ. Наконецъ, третьи говорили, что я перебрался за границу и нахожусь уже гдѣ-то въ Швейцаріи. Слухи эти только благопріятствовали мнѣ, такъ какъ они уменьшали энергію мѣстныхъ властей. Со дня на день поиски ослабѣвали и, наконецъ, прекратились совсѣмъ. Я рѣшилъ ѣхать въ Иркутскъ.

Глава XXIX

МОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ ИРКУТСКѢ. ПОБѢГЪ ПОЛИТИЧЕСКИХЪ ИЗЪ ИРКУТСКАГО ТЮРЕМНАГО ЗАМКА. ПУТЕШЕСТВІЕ ЗА БАЙКАЛЪ.

Съ пріѣздомъ въ Иркутскъ я сразу очутился въ самомъ плачевномъ положеніи: мнѣ негдѣ было спать. Не имѣя паспорта, я не могъ оставаться ни въ гостинницѣ, куда заѣхалъ, ни нанять отдѣльной квартиры, и первые дни принужденъ былъ скитаться по городу. По цѣлымъ ночамъ слонялся я по биліарднымъ и трактирамъ, по разнаго рода ночнымъ притонамъ — лишь бы какъ бибудь убить время. Не говоря уже о томъ, что подобная жизнь сама по себѣ была непріятна, но она, кромѣ всего, обходилась слишкомъ дорого. Мои иркутскіе знакомые были люди легальные, осторожные, у которыхъ я не могъ воспользоваться ни ночлегами, ни паспортомъ; хотя денегъ, при ихъ помощи, я доставалъ

столько, сколько мнѣ было нужно. Шатаніе это надоѣло мнѣ, наконецъ, до того, что я рѣшился попробовать нанять квартиру, не имѣя паспорта. Выглядѣвъ одинъ домикъ на краю города, хозяинъ котораго — крестьянинъ Иркутской губ. — сдавалъ подъ наемъ уголъ комнаты, въ которой жилъ самъ, —я нанялъ этотъ уголъ и поселился. Чтобы избѣгнуть вопроса о паспортѣ при наймѣ, я заявилъ хозяину, что проживу у него не болѣе двухъ недѣль, такъ какъ разсчитываю за это время покончить свои дѣла и уѣхать изъ города; назвался я ссыльнымъ полякомъ; сказалъ, что имѣю собственную лавочку въ одной деревнѣ, отстоявшей верстахъ въ трехъ стахъ отъ Иркутска, и что пріѣхалъ въ городъ на время по дѣламъ. Хозяинъ оказался довѣрчивый, добродушный человѣкъ, и, такимъ образомъ, мнѣ удалось устроиться нѣсколько прочнѣе въ Иркутскѣ. Я говорю „прочнѣе“... Прочность эта была ужъ слишкомъ относительная. Не долѣе, какъ черезъ двѣ недѣли я долженъ былъ съѣхать съ квартиры, подъ тѣмъ предлогомъ, что будто уже покончилъ свои дѣла. Однако, чтобы имѣть возможность воспользоваться другой разъ этимъ самымъ угломъ, я сказалъ хозяину, что въ скоромъ времени предполагаю опять быть въ городѣ и что тогда, конечно, заѣду прямо къ нему.

Между тѣмъ я подъискалъ съ подобными же условіями другую квартиру въ противуположномъ концѣ города и переѣхалъ жить туда.

Такимъ то образомъ, имѣя двѣ квартиры въ разныхъ концахъ Иркутска, я ихъ мѣнялъ, живя поочередно то въ одной, то въ другой; причемъ приходилось въ оба глаза глядѣть, чтобы, тогда, когда я жилъ на одной квартирѣ, не встрѣтиться гдѣ либо случайно на улицѣ съ хозяиномъ другой квартиры.

Въ Иркутскъ я пріѣхалъ передъ самыми рождественскими праздниками, и очень скоро у меня явилась возможность войти въ сношенія съ политическими, сидѣвшими въ иркутскомъ тюремномъ замкѣ. Въ это время они задумали совершить побѣгъ черезъ подкопъ,

выводившій изъ тюрьмы во дворъ тюремнаго смотрителя (на сколько помнится, въ смотрительскій погребъ); подкопъ этотъ сдѣланъ былъ уголовными арестантами значительно раньше; но почему-то арестанты не воспользовались имъ и передали свой секретъ политическимъ. Время для побѣга выбрано было крайне неудобное. Зима была въ самомъ разгарѣ. Морозы были до того сильные, что то и дѣло „выходило изъ градусовъ", какъ выражались сибиряки, т. е. ртуть замерзала, и ртутный термометръ не могъ показывать градусовъ. Приготовить конспиративную квартиру, гдѣ бы могли укрыться послѣ побѣга изъ тюрьмы, не было возможности. Самъ я жилъ, какъ только что разсказалъ выше, при крайне рискованныхъ условіяхъ. Если бы дѣло происходило лѣтомъ, можно было бы устроить притонъ гдѣ либо въ окрестностяхъ Иркутска, поросшихъ кустарникомъ, переходившимъ немного дальше отъ города въ лѣсъ; но зимою объ этомъ нечего было и думать.

О всѣхъ этихъ обстоятельствахъ и соображеніяхъ я сообщилъ въ тюрьму, и послѣ обсужденія мы остановились на слѣдующемъ планѣ: бѣглецы должны были отправиться по рѣкѣ Иркуту (впадающему въ р. Ангару противъ самого Иркутска) до границы Монголіи и тамъ въ извѣстномъ мѣстѣ укрыться. Имъ надо было пройти верстъ около четырехъ-сотъ. Я долженъ былъ заготовить сухарей, сала, чаю и сахару въ такомъ количествѣ, чтобы имъ не приходилось заходить въ деревни за покупками. На половинѣ пути предполагалось снабдить ихъ новыми припасами, которыхъ могло бы хватить до конца путешествія. Бѣжать думало пять человѣкъ. Припасовъ надо было закупить въ довольно значительномъ количествѣ и вынести имъ на встрѣчу, когда они выйдутъ изъ тюрьмы, вслѣдствіе чего являлась необходимость пріобрѣсти коня и сани, такъ какъ вынести все это на плечахъ было невозможно.

Я пріобрѣлъ коня, закупилъ съѣстные припасы, досталъ два ружья на всякій случай. Закупки эти я дѣлалъ, живя на квартирѣ, или вѣрнѣе занимая уголъ,

гдѣ постоянно присутствовалъ хозяинъ и другія постороннія лица. Трудно перечислить ту бездну мелкихъ неудобствъ, на которыя приходилось наталкиваться всякую минуту. Такъ, напримѣръ, являлся вопросъ: гдѣ держать закупки,—вносить ихъ къ себѣ въ комнату было невозможно. Я не могъ придумать правдоподобнаго объясненія, — зачѣмъ мнѣ все это было нужно; а передавши бѣглецамъ, я потомъ не могъ бы дать объясненія хозяину, — куда все это дѣвалъ. Побѣгъ изъ тюрьмы неминуемо долженъ былъ вызвать поиски по городу, и слѣдовательно надо было ожидать, что объ этомъ побѣгѣ заговорятъ всюду, а значитъ, и въ домикѣ моего хозяина. Надо было вести дѣло такъ, чтобы не возбуждать подозрѣнія. И это было очень трудно достигнуть. Я принужденъ былъ держать мои закупки въ саняхъ, прикрывая ихъ сѣномъ. Между тѣмъ побѣгъ изъ тюрьмы раза два былъ отложенъ, такъ что я напрасно выѣзжалъ ночью и потомъ возвращался назадъ. Всякую минуту кому нибудь изъ жильцовъ домика, гдѣ я жилъ, могла придти охота пощупать мои сани, стоявшія во дворѣ подъ навѣсомъ, и само собою разумѣется, что одно присутствіе ружей, зарытыхъ въ сѣно, сразу возбудило бы подозрѣніе противъ меня.

Но вотъ получено было, наконецъ, извѣстіе изъ тюрьмы, что побѣгъ совершится непремѣнно въ такую то ночь (къ сожалѣнію не помню числа, помню только, что это было въ февралѣ мѣсяцѣ). Я запрегъ коня и поѣхалъ на встрѣчу. Мѣсто, гдѣ я долженъ былъ ихъ ожидать, было точно опредѣлено: это было на Ушаковкѣ, возлѣ моста.

Былъ часъ 10-й или 11-й ночи; тихо ѣхалъ я по льду рѣки Ушаковки, вдоль деревяннаго моста, тянувшагося съ правой стороны высоко надъ головою, когда увидѣлъ группу въ нѣсколько человѣкъ, спускавшуюся къ рѣкѣ съ противуположнаго берега. Не смотря на то, что я подъѣхалъ къ нимъ совсѣмъ близко, нѣкоторое время я не могъ никого узнать. Сбивало меня то обстоятельство, что я замѣтилъ среди нихъ женщину,

а мнѣ было извѣстно, что никакая женщина не должна была бѣжать. Всмотрѣвшись внимательно, я узналъ, однако, Попко, одѣтаго чиновникомъ въ фуражкѣ съ кокардою. Онъ велъ подъ руку женщину, которая потомъ оказалась ни кѣмъ инымъ, какъ переодѣтымъ въ юбку Романомъ или, какъ его называли, „неизвѣстнымъ раненнымъ въ голову“. На сколько теперь помнится, бѣжавшихъ было пять человѣкъ: Попко, Волошенко, Романъ, Березнюкъ и, кажется, Фомичевъ. Тотчасъ они насѣли ко мнѣ въ сани, и я, поворотивъ коня, погналъ его къ Ангарѣ. Мы переѣхали Ангару дорогою, прорубленною въ льдинахъ, навороченныхъ сторчакомъ одна надъ другою, къ устью рѣки Иркута. По лѣвую руку поднимались горы; по правую тянулись плоскіе луга и отмели. Все кругомъ было укутано льдомъ и снѣгомъ, и только одинъ лѣсъ чернѣлъ, торчавшій щетиной по склонамъ горъ. Здѣсь, въ устьѣ Иркута, я остановился. Они слѣзли съ саней. Я передалъ имъ запасы, распредѣленные по мѣшкамъ и деньги, которыя мнѣ удалось для нихъ припасти. Мы простились, и они побрѣли вверхъ по Иркуту, а я поѣхалъ обратно въ городъ.

Тюремное начальство не скоро узнало о побѣгѣ, и такъ какъ подкопъ оставался не открытымъ, то на слѣдующую ночь явились еще желающіе бѣжать; между ними были Позенъ и Калюжный. Но если на побѣгъ пяти человѣкъ слѣдуетъ смотрѣть, какъ на ошибку, то дополнительное бѣгство, совершенное на другую ночь, было уже совсѣмъ необдуманнымъ поступкомъ. Послѣднихъ никто не встрѣтилъ, не снабдилъ ихъ припасами, и, само собою разумѣется, они вынуждены были заходить въ деревни, чтобы покупать ѣду. На сколько мнѣ извѣстно, Позенъ и Калюжный были арестованы въ одной изъ близъ лежащихъ къ Иркутску деревень, раньше даже, чѣмъ въ самомъ Иркутскѣ узнали о ихъ побѣгѣ. Разсказывали, что ихъ арестовали потому, что они возбудили у крестьянъ подозрѣніе своимъ видомъ.

Что каса тся до другихъ, то и они всѣ были переловлены, но въ различное время; такъ Волошенко, если

не ошибаюсь, пойманъ былъ уже почти мѣсяцъ спустя.

Вдумываясь въ причины неудачи этого побѣга, я долженъ сказать, что та причина, на которую указываетъ Стеблинъ-Каменскій въ своей біографіи Попко („хроническій голодъ"), подыскана имъ совсѣмъ неудачно. Страдали ли бы хроническимъ голодомъ политическіе заключенные или нѣтъ (а я, напримѣръ, думаю, что о „хронической голодовкѣ" въ дорогѣ до Иркутска не могло быть и рѣчи: мы имѣли болѣе или менѣе всегда въ достаточномъ количествѣ припасовъ), — такъ, повторяю, голодали ли бы мы или нѣтъ, — мы все равно не были способны къ такимъ предпріятіямъ, какъ побѣгъ въ Сибири, да еще зимою. Для этого нужна была прежде всего физическая сила и выносливость. А среди насъ большинство лицъ обладало сравнительно слабыми организмами по самой природѣ (вовсе не отъ голодовокъ). Когда надо было прыгать съ крыши полу-этапнаго зданія — ни одинъ изъ насъ не рѣшился сдѣлать этого скачка. Между тѣмъ уголовный Петровъ спрыгнулъ и бѣжалъ. Я былъ сравнительно хорошій ходокъ: проходилъ сороковерстныя разстоянія безъ отдыха, могъ поднимать десятипудовыя тяжести, но соскочить съ двухъсаженной высоты на мерзлую землю, да еще ночью, когда глазъ плохо видѣлъ, тоже не осмѣлился, не будучи увѣренъ въ своей силѣ и ловкости. Для того, чтобы пускаться зимою въ странствованія по Сибири, нужно обладать сильнымъ организмомъ, чего, къ сожалѣнію, не доставало громадному большинству политическихъ.

Ошибка состояла въ томъ, что бѣжала цѣлая компанія, тогда какъ надо было, чтобы бѣжалъ всего одинъ или много два человѣка. Чѣмъ больше людей бѣжитъ, тѣмъ меньше шансовъ на успѣхъ, такъ какъ неумѣлость и неловкость одного всегда фатальнымъ образомъ отражается на участи всѣхъ.

Въ этомъ родѣ, помню, я высказывалъ мнѣніе и тогда, когда писалъ имъ въ тюрьму, еще передъ побѣгомъ. Если бы бѣжалъ одинъ человѣкъ, совсѣмъ не по-

надобилось бы никакихъ адресовъ въ Монголіи а можно было бы попытаться (какъ это не трудно было, впрочемъ) скрыть его въ самомъ Иркутскѣ. Съ своей стороны, я, можетъ быть, тоже сдѣлалъ ошибку, когда ихъ встрѣтилъ на рѣкѣ, что не предложилъ тогда одному изъ нихъ остаться со мною. Правда, трудно было дѣлать выборъ; да и кто рѣшился бы его дѣлать въ ту минуту? Но, повторяю, одного всегда возможно было спрятать въ Иркутскѣ. Первые дни ему довелось бы, вѣроятно, тоже скитаться по ночнымъ притонамъ; но потомъ, когда я переѣзжалъ, я могъ явиться на другую квартиру уже вмѣстѣ съ нимъ.

Хотя я долженъ сказать, что и мнѣ одному въ это время приходилось очень жутко, и я едва держался въ Иркутскѣ. Когда побѣгъ былъ открытъ, по городу начались поиски. Полицейскіе обходили дома и осматривали. Я принужденъ былъ съѣхать съ той квартиры, гдѣ жилъ, на другую. Но и на другой квартирѣ мое положеніе не улучшилось, такъ какъ полиція послѣ побѣга усилила требованіе отъ домохозяевъ относительно прописки паспортовъ, и мой хозяинъ сталъ меня тревожить. День ото дня становилось хуже, и я вынужденъ былъ, наконецъ, прибѣгнуть къ крайне рискованному средству.

Раньше какъ-то я упоминалъ о моихъ иркутскихъ знакомыхъ. Всѣ они боялись меня. Боязнь эта доходила до того, что нѣкоторые изъ нихъ наотрѣзъ отказались встрѣчаться со мною. Они знали, что я былъ бѣглый, и для нихъ всѣхъ (за исключеніемъ только одного, державшагося по отношенію ко мнѣ по товарищески) я представлялъ собою человѣка зачумленнаго, приближаться къ которому никто изъ нихъ не рѣшался.

Выяснивши для себя въ очень скоромъ времени по пріѣздѣ въ Иркутскъ характеръ этихъ отношеній и свое положеніе, я понялъ, что мнѣ ничего другого не оставалось, какъ позаботиться о пріобрѣтеніи другихъ знакомствъ и связей, разъ я думалъ оставаться тамъ жить. И вотъ я сталъ розыскивать новыхъ людей, знакомить-

ся, но уже, конечно, скрывая отъ нихъ то, что я бѣглый и входить съ ними въ болѣе или менѣе интимныя отношенія. Къ сожалѣнію, при этомъ я оказался мало осмотрительнымъ въ выборѣ людей, такъ какъ очень торопился.

При такихъ-то обстоятельствахъ познакомился я съ однимъ тобольскимъ мѣщаниномъ, нѣкимъ Абросимовымъ, раньше занимавшимся какою-то торговлей, но прогорѣвшимъ и теперь проживавшимъ въ Иркутскѣ безъ дѣла. Это былъ довольно неглупый и бойкій на слова человѣкъ; въ своей молодости онъ гдѣ-то сталкивался — чуть ли не въ самомъ городѣ Тобольскѣ — съ кѣмъ-то изъ Декабристовъ, и знакомство это оставило на немъ нѣкоторые слѣды. Онъ сочувствовалъ антиправительственнымъ идеямъ. Имѣя ввиду поѣздку за Байкалъ, гдѣ я предполагалъ заняться организаціей помощи для побѣга изъ Карійскихъ рудниковъ, я находилъ полезнымъ сойтись съ какимъ либо мѣстнымъ человѣкомъ (сибирякомъ), съ которымъ могъ бы тамъ устроить какое нибудь небольшое торговое или промышленное предпріятіе, которое могло бы дать мнѣ тамъ опредѣленное положеніе. Мнѣ показался Абросимовъ годнымъ для этой цѣли, и я сталъ съ нимъ сближаться и мало по малу сталъ съ нимъ заговаривать объ этомъ. Скоро мы сошлись, повидимому, довольно близко. Не сообщая ему того, что самъ я бѣглый, я ему сказалъ, что пріѣхалъ въ Сибирь нарочно для того, чтобы помогать политическимъ ссыльнымъ въ побѣгахъ, и онъ очень сочувственно отнесся къ этому дѣлу.

Какъ разъ въ этотъ періодъ нашего знакомства произошелъ вышеописанный побѣгъ изъ иркутской тюрьмы, и когда мое положеніе сдѣлалось критическимъ, и мнѣ некуда было дѣваться, Абрасимовъ нанялъ квартиру въ предмѣстьи Ушаковкѣ и предложилъ мнѣ поселиться съ нимъ. Конечно, я принялъ предложеніе, и мы зажили вмѣстѣ. Весною мы думали отправиться въ Нерчинскій округъ, Забайкальской области, гдѣ предполагали устроить дроболитейную мастерскую (онъ былъ

знакомъ съ дроболитейнымъ дѣломъ), которая дала бы намъ средства къ жизни, и въ частности послужила бы ширмою для главной задачи. Такъ мы съ нимъ проживали и приготовлялись къ нашимъ будущимъ предпріятіямъ, ожидая только наступленія весны, чтобы отправиться за Байкалъ.

Помню, однажды Абросимовъ предложилъ мнѣ заняться скупкою скота; буряты подогнали къ Иркутску скотъ; мы могли его скупить и, по его мнѣнію, заработать на этомъ предпріятіи, которое не должно было отнять у насъ больше одного или полтора мѣсяца (купленный скотъ предполагалось по частямъ продать мясникамъ). Хотя въ мои планы вовсе не входило заниматься коммерческими предпріятіями въ Иркутскѣ, однако, не желая ему отказать, я согласился. Тотчасъ онъ сторговался съ бурятами и, закупивши воловъ и коровъ рублей на четыреста (которые я ему далъ), перегналъ ихъ на другую сторону рѣки Ангары, гдѣ луга только что обнажились отъ снѣга, и открылось пастбище. Дѣло происходило, на сколько припоминаю, въ концѣ мѣсяца марта.

Уже во время самого торга, который онъ совершалъ въ моемъ присутствіи съ какою-то необъяснимою торопливостью, точно боялся, что у него кто-нибудь перебьетъ, у меня зародилось сомнѣніе. Подозрѣнія мои оправдались скорѣе даже, чѣмъ я ожидалъ: ночью того же дня, когда операція была окончена, Абросимовъ сбѣжалъ съ квартиры, оставивъ свои вещи, состоявшія, впрочемъ, изъ дряннаго чемоданишка, наполненнаго всякимъ хламомъ. Ожидая, сверхъ того, и доноса съ его стороны, такъ какъ сдѣлать его было ему выгодно, и такъ какъ, послѣ всего, я имѣлъ основаніе ждать этого доноса, — я вынужденъ былъ, съ своей стороны, тоже немедленно бѣжать съ квартиры. И я бѣжалъ къ одному мѣщанину, съ которымъ даже не былъ близко знакомъ. Выбора не было; приходилось спасаться. Переселяясь къ мѣщанину, я долженъ былъ его посвятить въ свои дѣла и разсказать ему о моихъ сношеніяхъ съ Абросимовымъ. Одинъ ошибочный поступокъ фаталь-

нымъ образомъ влекъ за собой другой подобный же. По счастью, однако, человѣкъ къ которому я перебрался, оказался несравнимо честнѣе Абросимова.

Всякую минуту ждалъ я прихода полиціи на квартиру, которую мы занимали съ Абросимовымъ. Но прошелъ день, другой — все оставалось тихо. Наконецъ, явилась жена Абросимова. Нужно сказать, что Абросимовъ былъ съ нею въ ссорѣ; но ради этого случая, видно, помирился и, чтобы самому не являться, прислалъ ее для разсчета съ домохозяиномъ за квартиру. Впрочемъ, не стану описывать всѣхъ подробностей этого дѣла, такъ какъ это было бы и утомительно, и мало интересно. Упомяну лишь о свиданіи, которое я имѣлъ съ женою Абросимова. Помню, мы сошлись на улицѣ. Она мнѣ заявила, что мужъ ея „честный человѣкъ“ и противъ меня „ничего дурного не замышляетъ“: что, конечно, въ денежныхъ дѣлахъ онъ замотался, и поэтому мнѣ надо навсегда распрощаться съ тѣми четырьмястами рублями, что были имъ взяты на покупку скота; но что онъ все таки не пойдетъ доносить на меня въ полицію, чтобы я былъ спокоенъ съ этой стороны и т. д.

Такъ кончились мои сношенія съ Абросимовымъ, явившимся сначала моимъ укрывателемъ, а потомъ обокравшимъ меня.

Я счелъ нужнымъ разсказать этотъ эпизодъ съ Абросимовымъ, такъ какъ онъ можетъ служить хорошей иллюстраціей моего положенія въ Иркутскѣ послѣ побѣга.

Но вотъ наступила весна, и я собрался ѣхать за Байкалъ. Путешествіе это я рѣшилъ совершить на своемъ конѣ, чтобы свободнѣе располагать временемъ въ дорогѣ и останавливаться тамъ, гдѣ захочу и найду интереснымъ.

Въ маѣ я выѣхалъ изъ Иркутска въ телѣгѣ, запряженной однимъ конемъ. Поклажи было мало: перемѣны три бѣлья, барнаульскій овчинный тулупъ, да разныя мелочи, какъ-то: желѣзный котелокъ, топоръ и пр. Былъ у меня, кромѣ того, большой запасъ пороху, пуль и

другихъ огнестрѣльныхъ принадлежностей, такъ какъ я имѣлъ съ собою револьверъ и малопульную винтовку.

Въ одинъ день совершилъ я переѣздъ изъ Иркутска до селенія Лиственничнаго, расположеннаго на берегу Байкала, недалеко отъ такъ называемыхъ „Ангарскихъ воротъ", т. е. того мѣста, гдѣ рѣка Ангара вытекаетъ изъ Байкала. Дорога все время шла правымъ берегомъ Ангары, у подножья лѣсистыхъ горъ. Глубокая рѣка быстро несла къ сѣверу свою прозрачно-зеленую, холодную воду. А вода въ Ангарѣ до того холодна, что, купаясь въ ней, съ трудомъ можно было выдержать нѣсколько минутъ.

Пріѣхавъ въ Лиственничное, я сѣлъ на пароходъ (нагрузивши своего коня съ телѣгой на палубу) и поплылъ на южный берегъ Байкала, къ станціи Мышихинской.

Только когда пароходъ отчалилъ, я замѣтилъ, что съ этимъ же пароходомъ ѣхала старуха Армфельдъ, мать Наталіи Армфельдъ, сосланной въ каторгу по нашему процессу.

Съ старухою я познакомился еще, когда сидѣлъ въ кіевской тюрьмѣ, куда она являлась на свиданіе съ дочерью. Само собою разумѣется, это было уже послѣ суда, когда свиданія легко разрѣшались. Потомъ я встрѣчался съ нею въ Иркутскѣ. Теперь она ѣхала на Кару, чтобы поселиться и прожить нѣкоторое время вблизи дочери, содержавшейся въ одной изъ карійскихъ тюремъ.

Изъ осторожности, такъ какъ за нею могли слѣдить, мы не показывали вида, что мы знакомы, хотя она не выдерживала роли и всякій разъ привѣтливо мнѣ улыбалась, когда, стоя на палубѣ, ея добрые, карые глаза встрѣчались съ моимъ взглядомъ.

Годъ спустя, когда я уѣхалъ изъ Сибири, мнѣ пришлось еще встрѣчаться съ нею: она тогда жила въ Москвѣ. Я часто посѣщалъ ее; она всегда съ такой радостью встрѣчала меня и нисколько не боялась принимать у себя, хотя это было во время цареубійства, ко-

гда своры шпіоновъ повсюду рыскали, розыскивая скрывавшихся революціонеровъ.

Прошло послѣ того еще нѣсколько лѣтъ, и Наталья Армфельдъ умерла на Карѣ. Умерла и старуха въ Москвѣ. И, можетъ быть, другой кто нибудь сочтетъ это незначительнымъ фактомъ, но мнѣ всякій разъ становится грустно, когда я вспоминаю, что мать и дочь, когда-то столь сильно любившія другъ друга, теперь покоятся въ разныхъ частяхъ свѣта. Мнѣ становится грустно, когда я представлю себѣ эти двѣ могилы: одну—на распланированномъ московскомъ кладбищѣ, съ очищенными дорожками и подстриженными деревьями,— другую — тысячъ шесть верстъ разстоянія оттуда, на дикой рѣчкѣ Карѣ, среди горъ, поросшихъ лиственницами.

Однако все это случилось значительно позже. Тогда же, когда мы переѣзжали черезъ Байкалъ, всѣ были еще живы и, по обыкновенію людскому, полны надеждъ.

Когда пароходъ причалилъ къ Мышихѣ, и мы высадились на берегъ, старуха, простившись со мною, поѣхала впередъ въ своемъ тарантасѣ, запряженномъ почтовыми лошадьми; я на своемъ конѣ двинулся ей вслѣдъ по той же дорогѣ.

Помню тою весною въ Иркутскѣ воздухъ былъ какой-то мутный. Говорили, что это происходило отъ дыма, что гдѣ-то на сѣверъ отъ Иркутска горѣли торфяныя болота на большомъ пространствѣ. Районъ этого мутнаго воздуха, затемнявшаго по временамъ даже солнце, обнималъ огромное пространство: я его чувствовалъ до самого Листвичнаго.

Здѣсь, за Байкаломъ, воздухъ былъ чистъ и прозраченъ, какъ только могъ быть прозраченъ въ горномъ мѣстѣ. Деревья и трава казались зеленѣе, скалы рѣзче вычерчивались. Было тепло и тихо. Байкалъ стлался передо мною, блестя на солнцѣ, какъ зеркало. На противоположномъ, сѣверномъ, берегу (откуда мы пріѣхали), отстоявшемъ на нѣсколько десятковъ верстъ, синѣли горы, вырисовываясь на горизонтѣ ломанной линіей; вправо, къ Варгузину, вода сливалась съ небомъ.

И было такъ ясно видно все, что глазъ мой, казалось, улавливалъ самую выпуклость безконечной водной поверхности.

Почтовая дорога шла берегомъ у подножія высокихъ горъ, поросшихъ дремучимъ лѣсомъ. Мѣстами озеро скрывалось съ глазъ; мѣстами же изъ за темныхъ деревъ оно сверкало точно серебрянное. Круто и обрывисто спускался каменистый берегъ къ водѣ. По лѣсу, въ сторонѣ отъ дороги, валялись старыя деревья, съ вывороченными вѣтромъ корнями. Глубокіе мхи, въ которыхъ нога тонула до колѣна, кочками покрывали влажную лѣсную почву. Все было здѣсь дико.

Помню, ѣдучи дорогой, мнѣ удалось застрѣлить птицу, оказавшеюся, по моему опредѣленію, даурской галкой, на сколько мнѣ извѣстно, не встрѣчающеюся въ Иркутской губ. Такимъ образомъ Байкалъ является границей нѣсколько другой фауны.

Глава XXX.

СЛУЧАЙ ВЪ „ОНИНСКОМЪ БОРУ“.

Мое путешествіе по Забайкалью продолжалось почти цѣлый мѣсяцъ, и описывать его шагъ за шагомъ не нахожу возможнымъ. Ѣхалъ я медленно, такъ какъ мнѣ никуда не надо было торопиться; цѣлыми часами иногда охотился, остановившись гдѣ нибудь въ уединенномъ мѣстѣ возлѣ рѣки или озера. Дорога сначала шла вдоль южнаго берега Байкала; потомъ поворачивала къ югу по рѣкѣ Селенгѣ; этотъ путь продолжался нѣсколько дней.

Наконецъ, переправившись черезъ Селенгу возлѣ г. Верхне-Удинска, я поѣхалъ на востокъ по Читинскому тракту, пролегающему по такъ называемой „Братской Степи“, расположенной по обѣимъ сторонамъ рѣки Уды, притоку Селенги.

Братская степь тянулась полосою, ограниченной съ сѣвера и юга хребтами горъ, которыя то приближались къ рѣкѣ и съуживали степь, то удалялись на какой нибудь десятокъ верстъ, и тогда передо мною раскидывалась широкая зеленая площадь, мѣстами поражавшая глазъ своею совершенно ровной поверхностью: ни одного холмика на всемъ пространствѣ! Горы, ограничивающія степь, такъ круто и сразу поднимались, словно наложены были на нее сверху. Вершины были покрыты лѣсомъ; но ихъ подножья, подобно тому, какъ и сама равнина, носили вполнѣ степной характеръ. Помню, цвѣтовъ было такое множество по степи, и воздухъ былъ до того прозраченъ, что мой глазъ далеко различалъ ихъ среди травы.

Мирно и благополучно проѣзжалъ я селенія, попадавшіяся по пути. Ночевалъ чаще всего въ степи, своротивъ съ тракта на нѣкоторое разстояніе. Привяжу, бывало, коня на длинной веревкѣ къ телѣгѣ, чтобы онъ могъ пастись, а самъ лягу подъ телѣгою и сплю. Мнѣ больше нравились эти ночлеги въ степи, чѣмъ по селамъ, гдѣ не обходилось безъ распросовъ: кто я? куда ѣду? по какимъ дѣламъ? и пр. И хотя я имѣлъ паспортъ, и у меня были заранѣе приготовлены отвѣты (я говорилъ, что ѣду на пріиска на службу), но все таки мнѣ были очень непріятны эти распросы, и я избѣгалъ ихъ при всякой возможности.

Помню, дѣло было къ вечеру. Моя лошадь устала и тихо плелась по дорогѣ. Впереди верстахъ въ трехъ виденъ былъ „Онинскій боръ“, небольшая деревушка, раскинувшаяся по долинѣ, прилегавшей къ рѣкѣ. Деревня эта находилась уже верстахъ въ полтораста отъ Верхне-Удинска. Тотчасъ за деревней горы подходили къ самой рѣкѣ; здѣсь степь заканчивалась, и сосновый

лѣсъ или боръ, широкой полосой покрывалъ оба берега Уды, почему, очевидно, и сама деревушка получила свое названіе Онинскаго Бора.

Съ лѣвой стороны дороги я увидѣлъ нѣсколько человѣкъ бурятъ, ѣхавшихъ верхомъ по степи. Они пересѣкли мнѣ дорогу. Двое мущинъ и три женщины, сидѣвшія въ сѣдлахъ по мужски, проскакали степью куда-то вправо. Посмотрѣвъ имъ вслѣдъ, я замѣтилъ по рѣкѣ Удѣ — ниже Онинскаго Бора — другое селеніе: церковный крестъ блестѣлъ оттуда, какъ звѣздочка, отъ лучей заходившаго солнца. По картѣ, которую я имѣлъ съ собою, я узналъ, что это была такъ называемая Хоринская Степная Дума, мѣстный административный центръ.

Но вотъ я въѣхалъ въ деревню. Мой конь былъ сильно уставши, и мнѣ хотѣлось покормить его овсомъ; однако, встрѣтивши на улицѣ возлѣ почтовой станціи двухъ бурятъ и получивши отъ нихъ отрицательный отвѣтъ, что овса они для продажи не имѣютъ, я рѣшилъ проѣхать деревню, не останавливаясь. Почтовый трактъ только касался этой деревни, которая вся оставалась въ сторонѣ — правѣе, — а потому черезъ нѣсколько минутъ я уже выѣхалъ за деревню и медленно двигался на гору, къ лѣсу.

— „Стой!... Стой, Другъ!... вдругъ услыхалъ я сзади себя крикъ. Я поворотился и увидѣлъ тѣхъ же двухъ бурятъ, бѣжавшихъ за мною по дорогѣ.

— „Заворачивай!... Овесъ есть ..“ запыхавшись проговорилъ одинъ изъ нихъ, догоняя и хватаясь рукою сзади за мою телѣгу.

Я остановился. Маневръ былъ слишкомъ грубый, чтобы не возбудить во мнѣ подозрѣнія. Однако я не показалъ вида и, поворотивъ коня, тихо поѣхалъ по направленію къ деревнѣ, вслѣдъ за бурятами, шедшими впереди. Въѣхавши въ деревню, возлѣ почтовой станціи, гдѣ раньше никого не было, я увидѣлъ теперь цѣлую кучу людей. Одни стояли, другіе сидѣли на землѣ по монгольски, поджавши подъ себя ноги. Все это были

буряты. Когда я къ нимъ подъѣхалъ, они оживленно бесѣдовали между собою на бурятскомъ языкѣ. Языка этого я не понималъ, но тотчасъ почувствовалъ, что у нихъ рѣчь шла обо мнѣ. Я весь насторожился.

— „Что же, у кого можно купить овса? спросилъ я, стараясь казаться спокойнымъ, точно я и не предполагалъ ни у кого изъ нихъ никакихъ заднихъ мыслей.

— „Овесъ то мы найдемъ... А скажи, куда ты ѣдешь?“ послышался голосъ изъ толпы.

Чисто русское произношеніе, какимъ были сказаны эти слова, заставили меня догадаться, что я имѣю дѣло не съ одними бурятами. Я внимательно осмотрѣлъ присутствовавшихъ и вскорѣ замѣтилъ среди сидѣвшихъ монголовъ одного русскаго, тоже сидѣвшаго по монгольски на землѣ. Бѣлое лице, окаймленное остроконечной русой бородкой, и правильный, прямой носъ, по сторонамъ котораго свѣтилась пара черныхъ, умныхъ глазъ, — таковъ былъ видъ человѣка, обратившагося ко мнѣ съ вопросомъ. Ему можно было бы дать не болѣе тридцати пяти лѣтъ, если бы не было лысины, виднѣвшейся на его непокрытой головѣ: лысина его очень старила.

— „На пріиска ѣду“, отвѣчалъ я.

— „Откуда?“

— „Изъ Иркутска.“

— „А на какіе пріиска?“

— „Въ Албазинъ.“

— „Дале-екій-же путь!.. протянулъ сибирякъ. И что же, всю дорогу вотъ этакъ одинъ и ѣдешь?“ съ удивленіемъ спросилъ онъ.

— „Какъ видишь,“ отвѣчалъ я.

Тутъ я почувствовалъ, что одно это обстоятельство должно было вызвать у него подозрѣніе; отъ Иркутска до Албазинскихъ пріисковъ, находящихся на Амурѣ, тысячи полторы верстъ. Пускаться безбоязненно въ такое длинное путешествіе одному — это было дурнымъ признакомъ. По народной логикѣ, — кто не боится, того самого надо бояться.

— „А паспортъ у тебя есть?“ спросилъ онъ.
— „Есть.“
— „Покажи“.

Я вынулъ паспортъ и передалъ ему; онъ его развернулъ и принялся читать.

Наблюдая за бурятами, разговаривавшими въ это время между собою, я замѣтилъ, что они указывали пальцами на меня и на свои голые подбородки, и это заставило меня предположить, что розыскивали какого то человѣка съ бородою, и, какъ видно, во мнѣ признали того, кого искали. Но тутъ вдругъ у меня мелькнула мысль, что, можетъ быть, по доносу Абросимова, именно меня и розыскивали, и послѣднее предположеніе ужасно меня встревожило.

—„Ну, заворачивай, подночуешь“, проговорилъ между тѣмъ сибирякъ, оканчивая просмотръ моего паспорта (хотя не возвращая его мнѣ) и поднимаясь съ земли. „Время позднее; а трактъ здѣсь идетъ лѣсомъ... Куда теперь поѣдешь?“ добавилъ онъ и направился вдоль улицы.

Это приглашеніе ночевать всего болѣе смахивало на домашній арестъ, однако ничего не оставалось дѣлать, какъ только покориться, и я, молча, поѣхалъ вслѣдъ за нимъ. Толпа бурятъ насъ сопровождала, продолжая оживленно бесѣдовать о чемъ-то.

Четвертая или пятая изба отъ почтовой станціи оказалась избою сибиряка. Онъ отворилъ ворота, и я въѣхалъ во дворъ.

Осмотрѣвшись, я тотчасъ замѣтилъ, что мой хозяинъ принадлежитъ къ зажиточнымъ людямъ. Справа и слѣва стояло по избѣ; тутъ же, сбоку, былъ новенькій амбаръ; немного дальше — еще какія то хозяйственныя постройки, а сзади всего виднѣлся огромный скотный дворъ, упиравшій въ долину, поросшую осокою.

— „Выпрягай коня и заходи въ горницу“, сказалъ сибирякъ. Потомъ тутъ же обратился къ молодому буряту и заговорилъ съ нимъ по бурятски. По тону голоса я заключилъ, что давалось какое то приказаніе. Моло-

дой бурятъ поспѣшно ушелъ со двора. Мнѣ показалось, что онъ его посылалъ за кѣмъ то.

Выпрягши коня и привязавъ его къ телѣгѣ, я вошелъ въ избу. Горница оказалась чистенькая съ деревянной мебелью, какая вообще попадается у крестьянъ сибиряковъ. Хозяинъ пригласилъ меня садиться.

Только теперь, садясь на скамью, я замѣтилъ сидѣвшаго въ сторонѣ военнаго и, по формѣ, узналъ въ немъ унтеръ-офицера этапной команды. Когда и какъ онъ сюда явился — я не замѣтилъ, но мнѣ отъ этого открытія сдѣлалось еще болѣе не по себѣ.

Въ Онинскомъ Бору, какъ потомъ я узналъ, была этапная тюрьма, и партія какъ разъ въ этотъ день прибыла на ночлегъ.

— „Такъ ты, говоришь, теперь изъ Иркутска?“ обратился ко мнѣ съ вопросомъ хозяинъ.

— „Прямо изъ Иркутска“, отвѣтилъ я.

— „Почемъ тамъ хлѣбъ?

„Допросъ,“ мелькнуло у меня въ головѣ. Но объ иркутскихъ цѣнахъ я имѣлъ представленіе и сообщилъ то, что зналъ.

— „Дорого же“, замѣтилъ сибирякъ. Потомъ спросилъ: „А въ Албазинъ на службу ѣдешь, какъ-ли?“

— „На службу: становымъ на пріиски.“

— „Мѣсто хорошее.“ И обратясь къ унтеръ-офицеру онъ развернулъ передъ нимъ мой паспортъ и проговорилъ: „Вотъ паспортъ; ѣдетъ, говоритъ, изъ Иркутска на Амурскіе пріиски, въ Албазинъ“.

Унтеръ-офицеръ молчалъ, испуская лишь многозначительное „гмъ“, смыслъ котораго трудно было уловить. Раза два онъ на меня взглянулъ, какъ мнѣ показалось, пытливо, потомъ всталъ, раскланялся съ хозяиномъ и ушелъ.

— „Возьми-ка свой паспортъ“, замѣтилъ сибирякъ, передавая бумагу.

— „По контракту ѣдешь на пріискъ?“

„Сказать: по контракту, — пожалуй, захочетъ посмотрѣть самый контрактъ“, подумалъ я.

— „Нѣтъ, безъ контракта," отвѣтилъ я. „На пріискѣ служитъ мой пріятель; онъ писалъ мнѣ, что есть вакансія".

— „Гмъ..." промычалъ сибирякъ. „Ты, какъ-же, служилъ раньше по пріискамъ?"

Пріисковое дѣло я зналъ только по наслышкѣ, а потому и въ этотъ разъ принужденъ былъ дать отвѣтъ отрицательный. Я боялся запутаться во лжи, хотя съ другой стороны чувствовалъ, что своими отрицательными отвѣтами усиливаю подозрѣніе противъ себя.

— „Не слу-ужилъ", протянулъ хозяинъ такимъ тономъ, словно хотѣлъ сказать: „не служилъ, и службы, очевидно, никакой нѣтъ. Незачѣмъ значитъ тебѣ и ѣхать въ Албазинъ". Но потомъ онъ спросилъ: „А грамоту ты знаешь?"

— „Грамотенъ", отвѣтилъ я.

Въ это время въ горницу вошла женщина съ самоваромъ, поставила его на столъ и принялась заваривать кирпичный чай. Это оказалась хозяйка. Изъ разговора, завязавшагося между ними, я узналъ, что хозяинъ былъ содержателемъ почтовыхъ лошадей и вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ при почтовой станціи писаремъ или старостою. Къ чаю поставлены были горячіе оладьи, молоко, топленое коровье масло. Хозяйка разлила чай, и мы принялись пить. Я вздохнулъ свободнѣе; на время меня оставили безъ распросовъ. Но нервы мои были страшно напряжены; я былъ увѣренъ, что этимъ дѣло далеко не кончилось и чего то ждалъ.

Напившись чаю (признаться, пилъ я его совсѣмъ безъ аппетита), я вышелъ во дворъ. Помню, я стоялъ возлѣ своей телѣги и съ чѣмъ то возился, когда услыхалъ знакомый мнѣ лязгъ кандаловъ. Въ воротахъ показалось два арестанта съ конвойнымъ и, войдя во дворъ, направились прямо ко мнѣ. Я весь встрепенулся. Неужели они шли признавать меня? Я напряженно вглядывался въ ихъ лица, чтобы припомнить, не встрѣчалъ ли ихъ гдѣ либо, но не могъ припомнить. Но меня прекрасно могли знать арестанты, которыхъ я могъ со-

всѣмъ не помнить. Подойдя ко мнѣ, они спросили, у кого можно купить хлѣба; я имъ сказалъ, чтобы они обратились съ этимъ къ хозяину.

— „Вы расейскій будете?“ вдругъ проговорилъ одинъ изъ нихъ, видимо, сразу опредѣлившій по моему говору, что я не сибирякъ.

— „Да, изъ Россіи“, отвѣтилъ я (т. е. изъ Европейской Россіи).

Паспортъ мой былъ изъ иркутской мѣщанской управы; но я зналъ, что сойти за сибиряка я не могъ, а потому всегда признавалъ себя россійскимъ, пришедшимъ, якобы, по волѣ за своимъ ссыльнымъ дядей и приписавшимся къ иркутскимъ мѣщанамъ.

Арестанты направились въ избу. Я ждалъ чѣмъ все это кончится.

Буряты постоянно то заходили во дворъ, то уходили куда то; почти всякій изъ нихъ безцеремонно оглядывалъ меня. Суета, движеніе, разговоры на бурятскомъ языкѣ, изъ которыхъ я не понималъ ни одного звука — все это лишь увеличивало подозрѣніе, закравшееся въ мою голову. Мнѣ все болѣе и болѣе начинало казаться, что я былъ единственный виновникъ всей этой суеты и движенія, что на мнѣ сосредоточено было вниманіе всѣхъ. Всѣ кругомъ — и хозяинъ, и этапный офицеръ (вѣроятно, нарочно подсылавшій ко мнѣ этихъ арестантовъ, которые теперь — кто его знаетъ — какія дадутъ показанія; можетъ быть, даже узнали меня), и буряты, которыхъ здѣсь было такое множество, — всѣ словно готовились къ совершенію какого-то необычайнаго поступка, и это что-то необычайное, какъ мнѣ казалось, должно было разразиться надо мною.

Въ довершеніе ко всему — хозяинъ, который, я долженъ сказать, не спускалъ съ меня глазъ (стерегъ меня), вздумалъ почему то предложить мнѣ мѣняться лошадьми. Онъ давалъ мнѣ своего крѣпкаго, рослаго коня взамѣнъ за мою слабую лошадку, и, къ моему крайнему изумленію, потребовалъ съ меня придачи всего пять рублей (я ожидалъ, что потребуетъ, по крайней

мѣрѣ двадцать пять рублей). Видимо, онъ затѣялъ свою мѣну, имѣя какую то заднюю цѣль. Это обстоятелство еще болѣе усилило мою подозрительность и убѣждало меня въ томъ, что противъ меня здѣсь этими людьми затѣвается что-то недоброе.

Но тутъ я сталъ подмѣчать, что поведеніе сибиряка, не оставлявшаго меня ни на минуту, мало по малу какъ будто измѣнилось по отношенію ко мнѣ; мнѣ даже показалось, что онъ началъ юлить передо мною. До вечера оставалось нѣкоторое время, и онъ предложилъ мнѣ пройтись по долинѣ, гдѣ было много тюрпановъ*). Онъ точно заботился о томъ, чтобы мнѣ не было скучно. Правда, и теперь онъ не спускалъ съ меня глазъ, но теперь онъ уже сопровождалъ меня, какъ гостепріимный хозяинъ, а не какъ конвойный. Мы прошли съ нимъ почти до рѣки и вернулись обратно. Ни одного тюрпана я не застрѣлилъ, такъ какъ мнѣ было не до того, но за то всю дорогу мы съ нимъ разговаривали. И въ этотъ разъ онъ почти все время говорилъ о пріискахъ, но уже не тѣмъ слѣдовательскимъ тономъ, какой былъ у него раньше. Онъ говорилъ о добычѣ золота, о тайной торговлѣ золотомъ, о томъ какъ люди легко богатѣютъ на тайной торговлѣ золотомъ и т. п. Я его слушалъ, дѣлая незначительныя замѣчанія съ своей стороны, такъ какъ, съ одной стороны, боялся какъ нибудь не провраться, съ другой стороны, просто на просто я не довѣрялъ ему, видя въ его поведеніи по отношенію ко мнѣ заднюю мысль, которую, хотя я и не могъ себѣ еще ясно опредѣлить, но которую чувствовалъ во всякомъ его словѣ. Онъ точно заговаривалъ меня и старался отвлечь мое вниманіе куда-то въ сторону. Я это видѣлъ и ждалъ — чѣмъ все это кончится. Мое вниманіе было напряжено до крайней степени.

Воротясь съ прогулки, мы зашли въ избу и принялись составлять письменное условіе относительно нашей

*) Особый видъ болотной птицы съ красивымъ, пестрымъ опереніемъ.

мѣны лошадьми, при чемъ мой хозяинъ настоялъ на томъ, чтобы я въ условіи непремѣнно прописалъ номеръ моего паспорта, за которымъ онъ былъ выданъ мнѣ изъ иркутской мѣщанской управы, что тоже не доказывало особеннаого довѣрія съ его стороны ко мнѣ, несмотря на весь дружескій тонъ, принятый имъ со мною передъ вечеромъ.

Едва я окончилъ писать условіе, какъ вдругъ услыхалъ звуки колокольчиковъ. Въ горницу поспѣшно вошелъ бурятъ и о чемъ то заговорилъ.

— „Вотъ и засѣдатель пріѣхалъ къ намъ въ деревню“, обращаясь ко мнѣ, проговорилъ хозяинъ, какъ мнѣ показалось, особенно какъ-то растягивая слова и при этомъ глядя мнѣ въ глаза, точно желая опредѣлить какое впечатлѣніе произведетъ на меня это извѣстіе.

Вѣсть эта меня поразила, какъ громомъ.. Вотъ это именно то, что я предчувствовалъ и чего такъ сильно боялся!... Теперь сразу мнѣ разъяснилось все поведеніе сибиряка. Подвергши меня домашнему аресту, онъ послалъ за засѣдателемъ именно того молодого бурята, о которомъ я упоминалъ въ своемъ мѣстѣ (я тогда же замѣтилъ, что онъ его посылалъ за кѣмъ то), и въ ожиданіи пока засѣдатель появится, чтобы протянуть время и усыпить мою подозрительность, принялся меня дурачить то мѣной лошадей, то прогулкою по долинѣ. Теперь я вполнѣ увѣрился въ его двуличномъ поведеніи: онъ со мною все время хитрилъ. Да и я самъ, впрочемъ, хитрилъ съ нимъ до этого времени, не показывая ни малѣйшаго вида, что я понимаю его поведеніе; но тутъ я не выдержалъ дальше своей роли и прорвался.

— „Скажи, зачѣмъ ты меня дурачишь?“ проговорилъ я.

— „Въ чемъ ? гдѣ ?“ воскликнулъ онъ

— „Зачѣмъ ты посылалъ за засѣдателемъ ?“

— „За засѣдателемъ ?! Да кто тебѣ сказалъ, что я посылалъ за нимъ ?!“

— „Какъ кто ?!.. Ты же теперь говоришь, что онъ пріѣхалъ ? — Ты за нимъ посылалъ.“

— „Что ты, парень! Съ чего ты взялъ, что я посылалъ за засѣдателемъ?“

Меня страшно возмутило, что онъ и теперь все еще продолжалъ притворяться и хотѣлъ меня морочить.

— „Послушай, вѣдь я же не дуракъ, — я все вижу.“ Помню, когда я это говорилъ, я дрожалъ, точно въ лихорадкѣ. „Скажи мнѣ, въ чемъ ты меня подозрѣваешь?“

— „Да съ чего ты взялъ, что я тебя подозрѣваю?“ оправдывался мой хозяинъ. „Правда, буряты вначалѣ признали было въ тебѣ одного человѣка, укравшаго тутъ недѣли двѣ назадъ пару лошадей... Да только я сразу увидѣлъ ошибку. Ни въ чемъ я тебя не подозрѣваю.“

— „Зачѣмъ же ты посылалъ за засѣдателемъ?

— „Да чортъ — прости господи — посылалъ за нимъ, а не я!“ воскликнулъ онъ. „У него здѣсь есть пріятели, — вотъ онъ къ нимъ и пріѣхалъ. Хоринская Степная Дума отсюда недалеко.

Я замолчалъ, не возражалъ болѣе; но я не сомнѣвался въ своихъ выводахъ и съ минуты на минуту сталъ ждать прихода засѣдателя съ конвойными и понятыми, какъ это обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ. Моя подозрительность завела меня очень далеко; теперь я уже думалъ, что задержали меня здѣсь даже не случайно (какъ это мнѣ казалось вначалѣ), а по предписанію изъ Иркутска; что полиція узнала тамъ отъ Абросимова о томъ, что я отправился за Байкалъ и дала знать сюда по селамъ, находящимся по дорогѣ къ Читѣ, о задержаніи меня, при чемъ, конечно, мои примѣты были подробно описаны по указаніямъ того же Абросимова.

— „Гдѣ будешь спать?“ спросилъ меня хозяинъ.

— „На телѣгѣ“.

— „Ладно. Ночь теплая; и я пристроюсь по сосѣдству подъ амбаромъ“.

Безъ сомнѣнія онъ рѣшилъ стеречь меня; это было ужъ слишкомъ очевидно.

Мы вышли изъ избы.

Я легъ на телѣгѣ; онъ примостился подъ навѣсомъ возлѣ амбара.

Покрывшись тулупомъ, я тихо лежалъ на своей телѣгѣ и напряженно вслушивался. Съ улицы отъ времени до времени долетали голоса, слышались шаги, и всякій разъ это меня тревожило: я ждалъ прихода засѣдателя. Ночь была тихая, но сырость давала себя чувствовать. Съ долины поднялся туманъ и заволокъ всѣ предметы легкою дымкою. Задержку въ появленіи засѣдателя я объяснялъ тѣмъ, что онъ рѣшилъ произвести мой арестъ ночью, когда я засну, такъ какъ, вѣроятно, онъ зналъ о томъ, что я былъ вооруженъ, и возможно, что опасался встрѣтить съ моей стороны вооруженное сопротивленіе. Съ другой стороны, возможно также и то, что для окончательнаго удостовѣренія, онъ послалъ по телеграфу справку въ Иркутскъ о моемъ паспортѣ и теперь ждалъ оттуда отвѣта. Однако, по той или другой причинѣ, произошло замедленіе въ моемъ арестѣ, а все же я былъ въ западнѣ, и выбраться мнѣ изъ этого положенія возможно было только посредствомъ побѣга. У меня явилась мысль о побѣгѣ и мало по малу эта мысль овладѣла мною всецѣло.

Самымъ удобнымъ я находилъ бѣжать черезъ долину, за рѣку, въ горы. Это былъ кратчайшій путь къ лѣсу, гдѣ я могъ укрыться. Надо было только захватить съ собою побольше хлѣба. Нѣсколько фунтовъ хлѣба было возлѣ меня въ телѣгѣ. Была винтовка съ запасомъ пороха и пуль, которую тоже непремѣнно надо было взять съ собою. Эти предметы были необходимы и они находились возлѣ меня; оставалось приготовиться и незамѣтно уйти.

Съ необыкновеннымъ нетерпѣніемъ сталъ я дожидаться, когда хозяинъ заснетъ, самъ тихо притаившись, чтобы не вселить подозрѣнія, и вслушиваясь въ ночную тишину.

Прошло нѣкоторое время. Небо было безоблачно, но сквозь надземный туманъ звѣзды свѣтились тускло. Было тихо, такъ тихо, что отчетливо слышенъ былъ

скрипъ двери съ отдаленнаго конца деревни. Изъ долины доносился крикъ какой-то болотной птицы; но этотъ мѣрный однообразный крикъ совсѣмъ не нарушалъ общей тишины, напротивъ, онъ только еще больше оттѣнялъ ее, какъ бы указывая на нее.

Однако хозяинъ не спалъ; онъ покряхтывалъ, ворочался; а когда я заворочался на своей постели, то я замѣтилъ, какъ онъ приподнялъ даже голову. Это было очень досадно, и я, притаившись опять, какъ будто я спалъ, опять напряженно вслушивался и ждалъ, когда онъ заснетъ. Но онъ не засыпалъ. Между тѣмъ мысли вереницами осаждали мою голову.

„Бѣгутъ же, однако, изъ подъ караула? Не дожидаются пока заснетъ солдатъ?“ Мысленно ободрялъ я себя въ тѣ минуты, когда начиналъ терять терпѣніе. Но тутъ моя логика невольно занялась сравненіемъ. Когда бѣжитъ арестантъ изъ подъ караула или изъ тюрьмы, часовой рѣдко рѣшается оставить свой постъ и не гонится за арестантомъ. И потому, разъ удалось бѣглецу увернуться отъ пули въ первое мгновеніе, дальнѣйшее преслѣдованіе его предоставляется облавѣ. Здѣсь же положеніе вещей было иное. Здѣсь несомнѣнно пошла бы безостановочная погоня по горячимъ слѣдамъ. Сибирякъ сдѣлалъ бы тревогу; въ какихъ нибудь четверть часа собралось бы десятка полтора бурятъ (они, вѣдь, дикари — спятъ въ одеждѣ), и кинулись бы они всѣ верхами на поиски за мною. Съ вечера я видѣлъ, какое множество лошадей загнали на скотный дворъ моего хозяина. Здѣсь для погони все было подъ руками. Не только въ четверть, а и въ полчаса я не могъ добраться даже до рѣки, не говоря уже о лѣсѣ. А у бурятъ глаза острые, какъ у звѣрей... Нѣтъ, не мыслимъ былъ успѣхъ при этихъ условіяхъ.

Однако надо же было рѣшиться; время шло... А между тѣмъ хозяинъ не засыпалъ. Я лежалъ и думалъ. Мысли одна другой мрачнѣе толпились въ головѣ. Но это были уже не мысли, а скорѣе ощущенія, или еще вѣрнѣе, какіе-то неуловимые образы, угнетавшіе

душу своими уродливыми очертаніями, приближавшіеся къ горячечному бреду. Да, я несомнѣнно былъ боленъ въ ту минуту, — боленъ душевно, отъ безмѣрнаго нервнаго напряженія, отъ мнительности, отъ всего того, что случилось со мною, и что мнѣ довелось пережить за этотъ день. Я чувствовалъ себя въ какихъ то страшныхъ тискахъ, изъ которыхъ надо было вырваться, но я не зналъ, какъ это сдѣлать. Да къ ужасу своему, я не чувствовалъ въ себѣ достаточно силъ для этого; чего то огромнаго не доставало мнѣ въ ту минуту... А время между тѣмъ шло; — ночь уходила... И сознаніе того, что ночь уходила, терзало меня. Наконецъ, уже въ какомъ-то почти полусознаніи я поднялся и сталъ слѣзать съ телѣги.

— „Аль не спишь, парень ?“ окликнулъ меня хозяинъ.

Тутъ я почувствовалъ такое полное равнодушіе ко всему, что бы ни случилось со мною, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такое изнеможеніе во всемъ тѣлѣ, что тотчасъ влѣзъ обратно въ телѣгу и легъ. Мнѣ страшно захотѣлось спать. Я легъ, натянулъ на себя полушубокъ и мгновенно заснулъ, какъ убитый.

Былъ часъ десятый дня, когда я проснулся. Солнце жгло. Весь я былъ облитъ потомъ. Руки и ноги болѣли, точно въ лихорадкѣ. Во дворѣ никого не было. „А засѣдатель такъ и не приходилъ ?!“ мысленно задалъ я себѣ вопросъ, да такъ и не нашелъ на него отвѣта.

Однако какъ бы тамъ ни было, а надо было поскорѣе убираться изъ Онинскаго Бора. Я запрегъ своего новоприобрѣтеннаго коня. Въ это время появился хозяинъ.

— „Ну, парень, долго же ты спалъ ! Заходи въ горницу, попьешь чайку на дорогу“, проговорилъ онъ.

Я вошелъ въ горницу и молча пилъ чай. Я не могъ дать себѣ яснаго отчета въ томъ, что происходило во кругъ меня; не могъ, какъ говорится, свести концовъ съ концами. Все случившееся представлялось мнѣ такимъ страннымъ, почти невѣроятнымъ. Мнѣ кажется, подобное состояніе человѣкъ долженъ испытывать послѣ продолжительнаго, сильнаго пьянства.

Напившись чаю, я простился и вышелъ во дворъ. Хозяинъ вышелъ тоже проводить меня. Онъ отворилъ мнѣ ворота. Я сѣлъ въ телѣгу и выѣхалъ на улицу. Медленно проѣхалъ я улицею до края деревни и сталъ подниматься на гору, къ лѣсу. Я находился точно въ какомъ то полуснѣ; такъ мнѣ казалось все это страннымъ. Совершенно невѣроятнымъ казалось мнѣ то, что меня не арестовали. Неужели я могъ такъ грубо ошибаться въ своихъ подозрѣніяхъ? Разбирая послѣдовательно всѣ факты прошедшаго дня, я, пожалуй, могъ бы согласиться, что давалъ имъ объясненіе преувеличенное, невѣрное вслѣдствіе моей черезмѣрной подозрительности; могъ бы согласиться, что и сибирякъ говорилъ мнѣ правду, когда увѣрялъ, что онъ не посылалъ за засѣдателемъ. Мнѣ такъ хорошо помнилось, какъ онъ тогда воскликнулъ: „Да чортъ, прости господи, посылалъ за нимъ, а не я!“ Это было такое искреннее возмущеніе съ его стороны. Въ ту минуту я ему не повѣрилъ. Обстоятельства такъ странно сложились, и я такъ запутался въ своихъ собственныхъ догадкахъ и мысляхъ, что не могъ ему повѣрить. Повѣрить — это значило бы отказаться мнѣ отъ всѣхъ логическихъ объясненій, какія я давалъ фактамъ. Подозрительность овладѣла тогда всѣмъ моимъ существомъ, и потому я могъ только подозрѣвать, но не вѣрить. Всему этому, повторяю, я могъ бы еще дать объясненіе и могъ бы, вѣроятно, во всемъ этомъ разобраться, если бы не имѣлось на лицо вещественнаго доказательства, именно коня, вымѣняннаго мною у сибиряка. Допустить, что онъ не зналъ толку въ лошадяхъ (которыхъ у него было такое множество) я не могъ, и выгодная мѣна такъ и оставалась для меня неразгаданной загадкой. Мѣну эту я только такъ и понималъ, что у сибиряка была при этомъ своя задняя мысль.

Но вотъ я въѣхалъ въ лѣсъ. Деревушка Онинскій Боръ скрылась съ глазъ. При выѣздѣ изъ деревни мнѣ не хотѣлось быстро гнать коня, такъ какъ этимъ я бы показалъ, что тороплюсь уйти. Я же думалъ выдержать роль невиннаго до конца. Но здѣсь, въ лѣсу, нечего

было стѣсняться, и я ударилъ коня кнутомъ; но онъ не хотѣлъ бѣжать и продолжалъ тихо тащить мою телѣгу. Я принялся его подгонять, но онъ рѣшительно отказывался бѣжать и всякій разъ начиналъ сильно храпѣть, когда сколько нибудь ускорялъ свой ходъ. Наконецъ, я остановился и слѣзъ, чтобы смотрѣть, въ чемъ было дѣло, — и каково же было мое изумленіе?! Мой вымѣнянный конь оказался съ перебитыми ноздрями и, очевидно, совершенно не годился для быстрой ѣзды.

Только постепенно разсѣялся хаосъ, бывшій въ моей головѣ. Мало по малу я разобрался въ фактахъ и далъ имъ настоящее объясненіе. Буряты обознались, принявъ меня за того человѣка, который укралъ у нихъ пару лошадей. Сибирякъ сразу увидѣлъ, что это ошибка, но допрашивая меня, личность моя сама по себѣ представлялась ему подозрительной. За засѣдателемъ онъ, конечно, не посылалъ; и онъ тогда говорилъ мнѣ правду, что не посылалъ; но что я ему показался человѣкомъ подозрительнымъ, — въ чемъ онъ не хотѣлъ сознаться — это не подлежало сомнѣнію. По нѣкоторымъ даннымъ, именно, по намекамъ, которые онъ дѣлалъ, равно какъ и по характеру всего его разговора во время нашей прогулки по долинѣ, я сдѣлалъ заключеніе, что онъ подозрѣвалъ меня въ томъ, что я спиртоносъ, что я вовсе не имѣлъ ввиду получить службу на пріискахъ, а пробирался туда единственно съ намѣреніемъ заняться тамъ скупкою краденнаго золота и тайной продажею водки. Само собою разумѣется, что при такой профессіи не въ моихъ интересахъ было приходить въ какія бы то ни было столкновенія съ полиціей. Этой моей боязни не могъ не подмѣтить умный сибирякъ, и весьма вѣроятно, что для полнаго удостовѣренія въ своемъ предположеніи, онъ нарочно сообщилъ мнѣ тогда о пріѣздѣ засѣдателя, чтобы посмотрѣть, какой эффектъ произведетъ на меня это извѣстіе. Другой, на его мѣстѣ, замѣтивъ мое замѣшательство и безпокойство, можетъ быть, даже донесъ бы засѣдателю. Но моему сибиряку до этого не было никакого дѣла. Отчасти онъ остался

доволенъ своей мѣной лошадьми; отчасти, можетъ быть, онъ хотѣлъ сохранить хорошія отношенія съ спиртоносомъ, который — кто его знаетъ, — можетъ быть, ему же привезетъ когда нибудь золото по дешевой цѣнѣ. А доносить засѣдателю — какая могла быть ему польза?

Если бы я въ ту ночь бѣжалъ, какъ это хотѣлъ сдѣлать, то безъ всякого сомнѣнія былъ бы пойманъ, и моя участь была бы рѣшена. Но спасло меня то обстоятельство, что я, хотя и плоховато, а все же выдержалъ болѣе или менѣе до конца роль, принятую на себя, и устоялъ, такъ сказать, на легальной почвѣ.

Глава XXXI.

ДАЛЬНѢЙШЕЕ ПУТЕШЕСТВІЕ ПО ЗАБАЙКАЛЬЮ. ПРЕБЫВАНІЕ МОЕ ЗА-БАЙКАЛОМЪ И ОТЪѢЗДЪ ОТТУДА.

Отдѣлавшись счастливо въ Онинскомъ Бору, я поѣхалъ дальше на востокъ. Скоро Братская Степь окончилась; потянулись лѣса и горы, съ болотистыми долинами, съ огромными озерами. Я приближался къ водораздѣлу: съ одной стороны здѣсь брала свое начало рѣка Уда, текущая къ западу и впадающая въ рѣку Селенгу; съ другой — изъ этихъ же озеръ и болотъ вытекали притоки Витима, направляющагося къ сѣверо-востоку и впадающаго въ рѣку Лену.

Мнѣ никогда не чудилось такое обиліе дичи, какое я здѣсь увидѣлъ. Озера буквально кишѣли птицами.

Всевозможные виды куликовъ, начиная отъ маленькихъ, такъ называемыхъ песочниковъ, и оканчивая большими кропшнепами, жалобно свистали и кружились надъ самой головой всякій разъ, когда, бывало, удавалось одного изъ нихъ застрѣлить; утки различныхъ породъ, тюрпаны и много разныхъ другихъ птицъ — все это кричало, свистѣло, крякало. Въ озерахъ было много рыбы. Такъ, въ Укырскомъ озерѣ при мнѣ уловлено было огромное количество рыбы. Ловъ этотъ происходилъ, впрочемъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ, — въ то время, когда я уже возвращался обратно въ Иркутскъ.

Памятна мнѣ одна ночь. Подъѣзжалъ я уже къ Яблонову хребту. Миновавъ Беклемишевскую станцію, — большую деревню, заселенную такъ называемыми „семейскими“,*) — сталъ я подниматься на отлогую гору. Дорога шла вдоль опушки лѣса, тянувшагося съ правой стороны. Съ лѣвой стороны открывался видъ на широкую долину, окаймленную вдали тоже лѣсомъ, укрывавшимъ противуположныя возвышенности до самого горизонта. Уже я успѣлъ отъѣхать довольно далеко отъ деревни, когда начался дождь, усилившійся вскорѣ до того, что продолжать путешествіе не было возможности, и я вынужденъ былъ остановиться. Выбравъ мѣсто подъ большимъ деревомъ близь дороги, я выпрягъ коня, привязавъ его къ телѣгѣ такъ, чтобы онъ могъ пастись кругомъ, самъ забрался подъ телѣгу, чтобы переждать дождь. Но дождь не только не переставалъ, а съ минуты на минуту усиливался и, наконецъ, полилъ настоящій ливень. Разразилась гроза. Молніи сверкали одна за другой; поднялся такой грохотъ надъ головою и такимъ страшнымъ эхомъ раскатывался по лѣсу, что становилось жутко. Начало быстро вечерѣть. Ѣхать дальше нельзя было, и я долженъ былъ приготовиться

*) Раскольники, высланные въ Сибирь на поселеніе еще во времена Екатерины, если не ошибаюсь, и получившіе прозвище «семейскихъ», кажется, просто оттого, что они пришли въ Сибирь съ семьями.

къ ночлегу. Стащивши вещи подъ телѣгу, чтобы не промокли, самъ я улегся тоже подъ телѣгою, покрывшись своимъ барнаульскимъ тулупомъ.*) Дождь лилъ, какъ изъ ведра. Лошадь не могла пастись и стояла съ опущенной головой, поворотившись задомъ къ той сторонѣ, откуда било дождемъ. Облокотившись, я уже было приготовился дремать, какъ сквозь наступавшіе сумерки увидѣлъ какого то человѣка, отбившагося отъ дороги и направлявшагося ко мнѣ. Когда онъ подошелъ, и я увидѣлъ, что онъ былъ совершенно мокръ, то пригласилъ его подлѣзть ко мнѣ подъ телѣгу. Благоразуміе, можетъ быть, требовало быть осторожнѣе въ данномъ случаѣ и не вступать въ близкое соприкосновеніе съ незнакомымъ человѣкомъ. Но достаточно было взглянуть на него, чтобы исчезло всякое чувство страха: это былъ слабый человѣчекъ среднихъ лѣтъ, въ плохой одеженкѣ, косоглазый, худой, весь дрожавшій отъ холода. Примостившись возлѣ меня подъ телѣгою и закуривъ папиросу, которую я ему предложилъ, онъ разсказалъ мнѣ, что служилъ гдѣ то на пріискахъ у Бутина, извѣстнаго богача сибиряка, имѣвшаго въ Нерчинскомъ округѣ золотые пріиски, но почему-то не могъ тамъ ужиться и бѣжалъ. Убѣгая онъ не имѣлъ возможности забрать своихъ вещей, а также и своего паспорта и теперь шелъ куда-то въ Вятскую губ., откуда былъ родомъ, безъ вещей и безъ документа.

Пробираться изъ Нерчинскаго округа въ Вятскую губ., т. е. черезъ всю Сибирь, безъ паспорта было слишкомъ рискованнымъ дѣломъ, и къ этому могла принудить человѣка только самая настоятельная нужда. Поэтому, признаюсь, я сразу заподозрилъ моего собесѣдника во лжи. По всему вѣроятію онъ былъ просто на просто бѣглый каторжный съ карійскихъ рудниковъ, но, разумѣется, это скрывалъ и для объясненія выдумалъ

*) Въ городѣ Барнаулѣ (Томской губ.), кажется, выдѣлываютъ и шьютъ эти тулупы почему они и носятъ названіе барнаульскихъ.

свою исторію съ бутинскимъ пріискомъ, подобно тому какъ я самъ выдумалъ басню съ албазинскимъ пріискомъ. Замѣтивши, что онъ не хотѣлъ мнѣ сказать правды, я больше его не распрашивалъ, вспомнивъ, какъ мнѣ самому становилось всегда тяжело отъ распросовъ. Но я невольно занялся сравненіемъ: я былъ бѣглый, какъ и онъ; а между тѣмъ какая огромная разница была въ нашихъ положеніяхъ. У меня былъ конь съ телѣгою, одежда, деньги, паспортъ, оружіе — словомъ все, въ чемъ я могъ нуждаться. У него ничего не было, кромѣ насквозь промоченнаго зипунишки. Мнѣ сдѣлалось его очень жаль.

Ночью дождь пересталъ. Небо прояснилось. Мы, конечно, не спали. Послѣ дождя сильно похолодѣло, и у моего гостя буквально зубъ на зубъ не попадалъ,— до того онъ мерзъ. Поэтому, какъ только перестало валить сверху, онъ тотчасъ принялся раскладывать огонь. Но валежникъ, собранный имъ въ лѣсу, былъ сильно намоченъ дождемъ и не могъ легко загорѣться. Долго онъ возился, пока ему удалось разложить костеръ. Но зато когда огонь запылалъ, обоимъ намъ у костра сдѣлалось веселѣе; особенно ему: онъ сталъ сушиться и отогрѣваться. У меня въ запасѣ оказался рябчикъ, убитый днемъ, и мы принялись его печь. Потомъ ему посчастливилось раздобыть воду (для этого онъ спускался куда-то подъ гору), и мы устроили чай, сваривши воду въ желѣзномъ котелкѣ. Гость мой совершенно ожилъ: но въ эту ночь ему не пришлось заснуть; я хоть подремывалъ время отъ времени, укутавшись своимъ теплымъ тулупомъ. Пока онъ возился съ костромъ, да пока мы управились съ ѣдою и чаемъ, — особенно чай пили долго — начало свѣтать. Разставаясь, подарилъ я ему кое-какія вещи; но ничему онъ такъ не обрадовался, какъ желѣзному котелку — этой необходимой принадлежности всякого бродяги. Мы простились; онъ побрелъ по направленію къ Беклемишевой, — я поѣхалъ дальше на востокъ.

Дорога все время шла въ гору: я поднимался на

Яблоновый хребетъ. Мѣстами, съ высокихъ пунктовъ, открывались виды на необозримыя пространства дремучаго лѣса, который, то взбирался вверхъ по горамъ на вершины и становился тамъ рѣже и свѣтлѣе, то спускался въ долины, густѣлъ и темнѣлъ, какъ синяя грозовая туча. Помню, на перевалѣ, на самой вершинѣ бросилось мнѣ въ глаза одно дерево, или вѣрнѣе кустъ, росшій близь дороги, вѣтви котораго были убраны разноцвѣтными лоскутками матеріи, — красными, желтыми, синими. Потомъ я узналъ, что это буряты, проѣздомъ, оставляли кусочки отъ своей одежды, нацѣпливая ихъ на вѣтви этого куста; дѣлалось это ими затѣмъ, чтобы застраховать себя отъ болѣзней.

Скоро я доѣхалъ до города Читы, гдѣ остановился на нѣсколько дней. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что отсюда отправлялись плоты на Амуръ, я продалъ своего коня, — само собою разумѣется, очень дешево, такъ какъ мой покупщикъ увидѣлъ, что у него были перебиты ноздри, — и изъ Читы дальше поплылъ на плоту.

Изъ Читы на Амуръ многіе выбираютъ этотъ путь. Онъ спокойнѣе и обходится значительно дешевле почтовыхъ лошадей, на которыхъ надо ѣхать до Стрѣтенска, такъ какъ только отъ Стрѣтенска начинается пароходное сообщеніе по Амуру.

Плылъ я въ компаніи съ однимъ купцомъ и артиллерійскимъ офицеромъ, отправлявшимся на службу въ Хабаровку. Купецъ построилъ себѣ изъ досокъ баракъ на плоту и устроился весьма комфортабельно. Офицеръ спалъ въ своемъ крытомъ экипажѣ, въ которомъ должно быть совершилъ путешествіе до города Читы. Я спалъ въ своей телѣгѣ, которую взялъ съ собою потому, что за ея провозъ мнѣ пришлось заплатить пустяки.

Хорошо было плыть на плоту! Ни хлопанья колесъ, ни толчковъ и дрожанія отъ машины, отъ которыхъ всегда очень утомляешься, такъ какъ даже и тогда, когда сидишь — продолжаешь чувствовать подъ собою это дрожаніе и стукъ въ ушахъ. Нашъ плотъ скользилъ

безъ малѣйшаго шума; чуть-чуть похлюпывала вода у крайнихъ бревенъ плота. Свѣтлой лентой извивалась рѣка между высокихъ темныхъ береговъ. Горы, поросшія лѣсомъ, уплывали назадъ, и такъ спокойно было кругомъ, что было слышно, какъ куропатки чиликали у прибрежныхъ скалъ. Я видѣлъ природу, какова она была сама по себѣ, безъ гама и шума, вносимаго въ нее человѣкомъ, и она отъ этого только выигрывала и казалась еще лучше.

Рѣдко какая страна — а ихъ посѣщалъ я не мало въ своей жизни — оставила во мнѣ такое хорошее впечатлѣніе, какъ Забайкалье. Нигдѣ не доводилось мнѣ видѣть другого такого величественнаго озера, какъ Байкалъ, съ такими живописными, хотя, можетъ быть, немного мрачными, благодаря своей дикости, берегами. Я нигдѣ не видѣлъ такихъ великолѣпныхъ степей, пестрѣющихъ разными цвѣтами, или же, какъ ковромъ, сплошь покрытыхъ густымъ острецомъ выше колѣнъ, — этой особенной травой, извѣстной своею питательностью, и которой, на сколько знаю, нигдѣ въ Европѣ нѣтъ. Забайкальскія лошади, пасущіяся на этихъ степяхъ, отличаются своею неутомимостью и быстрымъ бѣгомъ. Я самъ имѣлъ тамъ коня, на которомъ безъ отдыха совершалъ дорогу болѣе ста верстъ, и между тѣмъ мой конь не представлялъ изъ себя никакого исключенія и считался обыкновеннымъ среднимъ конемъ; мнѣ онъ стоилъ всего пятьдесятъ рублей. Климатъ Забайкалья здоровый. Лѣсу, пастбищъ, полей подъ посѣвы — всего есть въ изобиліи, и мѣстное населеніе почти повсюду живетъ безбѣдно.

Прожилъ я тамъ мѣсяцевъ около пяти, и это время часто вспоминается мнѣ теперь. Но къ сожалѣнію, мало могу я о немъ разсказать, такъ какъ было бы неблагоразумно упоминать о лицахъ, имѣвшихъ отношеніе къ нашему революціонному движенію, съ которыми я приходилъ тогда въ соприкосновеніе, а разсказывать здѣсь о своихъ поѣздкахъ съ товарами, въ качествѣ торговца, по „карауламъ“ (т. е. селеніямъ) и золотымъ пріі-

искамъ между Шилкою и Аргунью — едвали умѣстно.

Какъ бы тамъ ни было, а я тамъ устроился и жилъ; заволилъ знакомства, торговалъ, и долженъ прибавить, торговалъ не въ убытокъ, какъ это было съ нами во время нашего пребыванія въ народѣ въ Кіевской губ. Крестьяне, забайкальскіе козаки, были зажиточны, и стоило, бывало, только появиться въ какомъ либо селѣ, какъ со всѣхъ сторонъ они шли и покупали товары.

Я раньше вспоминалъ, что мнѣ хотѣлось поселиться близь карійскихъ рудниковъ съ тѣмъ, чтобы, послѣ ознакомленія съ мѣстными условіями, заняться подготовительными работами, нужными для побѣга нашихъ каторжанъ. Мнѣ удалось устроиться въ Нерчинскомъ округѣ (точно мѣстности не хочу называть) подъ видомъ мелкаго торговца. Я выхлопоталъ себѣ билетъ на право развозной торговли по подложному паспорту, и закупивши необходимые товары, преимущественно чай, свѣчи и мыло, принялся разъѣзжать по окрестнымъ селамъ, или какъ ихъ тамъ называютъ, карауламъ.

Такъ прошло лѣто; наступила осень. Въ томъ году осень была прекрасна; хотя мнѣ говорили, что она обыкновенно бываетъ тамъ такая. Яркіе солнечные дни чередовались съ морозными ночами. Съ какимъ удовольствіемъ, помнится, спалось подъ полушубкомъ въ эти холодныя ночи! За ночь трава покрывалась инеемъ, но съ восходомъ солнца, иней таялъ, и къ полудню становилось совсѣмъ тепло. Острецъ, словно густая рожь, стлался передъ моими глазами на огромномъ пространствѣ; а дальше, за рѣкою Шилкою, синѣлъ лѣсистый Шилкинскій хребетъ, зубцами поднимавшійся къ небу.

Уже я сталъ готовиться къ зимѣ: припасать сѣно для коня... Какъ вдругъ послѣдовалъ на меня доносъ.

Съ моей стороны была сдѣлана одна большая неосмотрительность, а именно: я поселился въ домикѣ, стоявшемъ возлѣ самой этапной тюрьмы, совершенно упустивъ изъ вида то обстоятельство, что меня можетъ признать кто нибудь изъ арестантовъ. Такъ и случилось:

пришла партія, въ которой находились арестанты, знавшіе меня въ лицо, и одинъ изъ нихъ донесъ.

Что побудило его къ доносу — навѣрно сказать не умѣю; кажется, произошелъ какой-то скандалъ тюремный, и когда начальство принялось допрашивать арестантовъ, то при этомъ одинъ изъ нихъ, думая, очевидно, подслужиться начальству, проболтался обо мнѣ. Мѣстныя власти очутились въ довольно затруднительномъ положеніи. Поднять тревогу въ поискахъ за мною, или какъ говориться, забить въ барабанъ — онѣ не рѣшались, можетъ быть, потому, что не вполнѣ довѣряли доносу; а, можетъ быть, и просто изъ боязни, чтобы имъ самимъ не нагорѣло потомъ отъ высшаго начальства за то, что они не доглядѣли раньше и дали мнѣ возможность прожить спокойно у нихъ подъ носомъ нѣсколько мѣсяцевъ. Съ другой стороны, можетъ быть, они питали надежду скорѣе поймать меня, если свои поиски поведутъ тихо, безъ шума. Какъ бы тамъ ни было, но розыски начались. Домикъ, гдѣ я жилъ, ночью окруженъ былъ козаками. Меня въ ту минуту не было дома, и я избѣжалъ ареста. Власти скрывали, что ловили меня; однако достаточно было того факта, что домикъ окруженъ былъ при обыскѣ чуть-ли не тремя десятками козаковъ, чтобы вселить подозрѣніе, что тутъ крылось что-то особенное; не могло быть употреблено такое огромное количество стражи для поимки обыкновеннаго бродяги. И на самомъ дѣлѣ вскорѣ я узналъ, что моя догадка была вѣрна: ловили меня. Мнѣ надо было скрыться.

Но трудно было скрыться въ этомъ мѣстѣ. При ничтожномъ населеніи, моей пятимѣсячной жизни оказалось вполнѣ достаточно для того, чтобы сдѣлаться извѣстнымъ всѣмъ. Какъ я могъ укрываться, когда на всякомъ шагу наталкивался на людей знавшихъ меня? Затерѣться не было никакой возможности. Между тѣмъ я могъ ожидать, что поиски за мною примутъ широкіе размѣры по всему краю... Поднимутъ облавы... А я зналъ, что такое сибирская облава. Поэтому послѣ всесторонняго обсужденія положенія вещей, я пришелъ къ тому

заключенію, что мнѣ надо было совершенно покинуть эту страну.

Все это происходило уже почти годъ спустя послѣ моего побѣга изъ партіи, именно въ октябрѣ 1880 года.

Получивши извѣстіе, что Владиславъ Избицкій (его исторія вкратцѣ была разсказана мною выше) находился въ это время въ Иркутскѣ, я написалъ туда, чтобы онъ меня тамъ обождалъ, и самъ двинулся въ путь. Я разсчитывалъ передать ему мои забайкальскія знакомства для того, чтобы онъ могъ продолжать вести дѣло. Прологать пути вообще трудно. Въ поискахъ за нужными людьми нерѣдко приходится наталкиваться и на неподходящихъ личностей, знакомство съ которыми становится потомъ обремѣнительнымъ и даже вреднымъ для дѣла. Теперь мой замѣститель могъ избѣгнуть этихъ знакомствъ и сразу вступить въ сношенія только съ надежными людьми.

Таковы были мои разсчеты, но осуществить ихъ не удалось. Избицкій не дождался меня (мое письмо уже не застало его въ Иркутскѣ) и уѣхалъ раньше въ Варгузинъ. Это было послѣднее свѣдѣніе о немъ, которое я получилъ, впрочемъ, уже прибывши въ Иркутскъ.

Глава XXXII.

ДОРОГА.— ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ ЕНИССЕЙ. И ОПЯТЬ ДОРОГА.

И такъ, я двинулся въ дорогу. Теперь я уже окончательно покидалъ Сибирь, и мнѣ предстояло совершить очень длинный путь.

Сначала я ѣхалъ подъ видомъ пріискателя, возвращавшагося къ себѣ домой, нанимая вольныхъ извозчи-

ковъ отъ одного пункта до другого. Но добравшись до Верхне-Удинска, взялъ подорожную и отсюда поѣхалъ на почтовыхъ. Подорожная была взята мною до г. Томска. Въ Иркутскѣ я передохнулъ нѣсколько дней, потому что надо было кое съ кѣмъ видѣться, и, подыскавъ попутчиковъ, чтобы дешевле стоилъ проѣздъ, поѣхалъ дальше.

Пришлось проѣзжать черезъ Тельминскую станцію, гдѣ я былъ освобожденъ изъ партіи. Здѣсь, пока запрягали лошадей, я все время лежалъ на диванѣ, въ комнатѣ для проѣзжающихъ, поворотившись лицомъ къ стѣнѣ; а когда лошади были готовы, усѣлся въ самую глубь крытой почтовой кибитки, чтобы не видно было меня при проѣздѣ черезъ деревню.

Въ томъ году зима запоздала: по ночамъ морозило, но дни были солнечные теплые, и рѣки долго не могли стать. Дорога была сухая; только по Иркутской губ. показался снѣгъ, да и то не настолько глубокій, чтобы можно было ѣхать на саняхъ. Мы совершали переѣзды отъ одной станціи до другой въ кибиткахъ или, какъ сибиряки называютъ, въ возкахъ, само собою разумѣется, на перекладныхъ. Быстро двигались мы на западъ; а на встрѣчу намъ бѣжали по сторонамъ дороги кустарники, поля, мелкія лѣсныя заросли, березовыя рощи. Путь проходитъ по таежной полосѣ Сибири, но тайга виднѣлась лишь вдали, на горизонтѣ; у тракта же въ большинствѣ случаевъ она была вырублена. Только возлѣ города Нижне-Удинска она еще сохранилась: нетронутая, дремучая являлась она здѣсь моимъ глазамъ во всей своей красотѣ. Высокія сосны стояли по сторонамъ дороги, тѣсно прижавшись одна къ другой и протянувъ впередъ свои вѣтви, казавшіяся ночью какими-то огромными мохнатыми лапами. А мы со звономъ и грохотомъ неслись мимо ихъ, будя лѣсное эхо. — „Ухъ! Къ од-но-ой!“ протяжно кричалъ нашъ ямщикъ, когда попадалась намъ навстрѣчу длинная вереница телѣгъ, нагруженныхъ товарами и тянувшихся гуськомъ. Телѣги сворачивали къ одной сторонѣ тракта, и мы скакали

мимо нихъ. Раза два встрѣчали мы по дорогѣ партіи, препровождаемыя этапнымъ порядкомъ въ Иркутскъ. Звонъ цѣпей, казенные желтые полушубки, сѣрыя шапки и халаты, сѣрыя, изнуренныя арестантскія лица — какъ это все было мнѣ знакомо и какъ страстно хотѣлось остановиться и выйти изъ почтоваго возка, чтобы взглянуть поближе на все это! Но страхъ быть узнаннымъ удерживалъ меня отъ этого. Закутавши лицо широкимъ воротникомъ шубы и прижавшись въ уголъ крытаго экипажа, я глядѣлъ оттуда на мимо проходившую партію. Воспоминанія воскресали. Въ памяти проносилось пережитое. И живо представлялъ я себѣ тѣ минуты, когда я самъ шелъ въ казенномъ полушубкѣ и зябъ, когда, глядя на тянувшійся по сторонамъ лѣсъ, я мечталъ о волѣ.„ Посмотрите-ка на деревья, говорилъ мнѣ тогда бродяга Бѣловъ, указывая рукою на тайгу. Кора на всѣхъ деревьяхъ съ одной стороны свѣтлая, а съ другой темная. По корѣ-то мы иузнаемъ, какъ надо идти, когда случается по бродяжеству пробираться тайгою". Я смотрѣлъ на деревья и видѣлъ, что всѣ они имѣли болѣе свѣтлую кору съ юго-восточной стороны, а сторона, обращенная къ сѣверу, была темная и покрыта густымъ мхомъ. Я смотрѣлъ на деревья и мечталъ о томъ, какъ я буду пробираться тайгою и опредѣлять направленіе по корѣ

Но ничего этого не понадобилось въ дѣйствительности. Дѣйствительность оказалась мало похожей на мои мечты.

Изъ Иркутска до Томска я ѣхалъ съ двумя попутчиками. Одинъ былъ военный фельдшеръ, ѣхавшій откуда-то, чуть-ли не съ Амура, къ себѣ, въ г. Омскъ на побывку; другой былъ какой-то мелкій торгашъ, тоже омскій. Фельдшеръ, еще безусый молодой человѣкъ, разговорчивый, веселый; торгашъ — лѣтъ сорока-пяти невзрачный человѣчекъ, щедушный, молчаливый. Помню, стали мы приближаться къ г. Красноярску. День былъ прекрасный. Было уже послѣ полудня, когда наша тройка спустилась съ хребта въ равнину, подходившую къ рѣкѣ Енисею. Въ этомъ самомъ хребтѣ должна была

гдѣ-то находиться и та лысая, круглая гора, на которую я такъ засматривался изъ окна красноярскаго тюремнаго замка. Но гдѣ она точно находилась — я такъ и не могъ опредѣлить; впрочемъ, можетъ быть, я составилъ себѣ ошибочное представленіе о направленіи, въ какомъ эта гора должна была находиться. Снѣгу не было, но бѣлый налетъ укрывалъ пожелтѣвшую траву. Легко и пріятно было вдыхать полной грудью холодный, чистый воздухъ. Спустившись въ равнину, нашъ ямщикъ прикрикнулъ на лошадей, и мы понеслись. Скоро мы прискакали къ берегу рѣки. Тутъ, съ лѣвой стороны дороги, у самаго спуска я увидѣлъ нѣсколько избъ. Тройка наша подъѣхала къ одной избѣ и остановилась.

— „Это что же?“ спросилъ я.

— „Перевозъ“, отвѣтилъ ямщикъ, медленно слѣзая съ передка на землю. Онъ подошелъ къ лошадямъ и принялся протирать имъ ноздри. Лошади порскали. Паръ подымался съ ихъ разгоряченныхъ боковъ и спинъ.

Мы тоже вылѣзли изъ кибитки и стали расправлять свои онѣмѣвшіе члены.

Войдя въ избу, я увидѣлъ кучу кожанныхъ чемодановъ, наваленныхъ одинъ на другой до самаго потолка. Это были почтовые тюки, накопившіеся чуть не за цѣлый мѣсяцъ. Иркутская почта лежала въ ожиданіи пока ледъ станетъ и установится переѣздъ черезъ рѣку. Подобная же куча писемъ и почтовыхъ посылокъ лежала, какъ я узналъ потомъ, и на противуположной сторонѣ рѣки, въ городѣ Красноярскѣ.

А по Енисею въ это время „шла шуга“, т. е. ледъ, и переправа была невозможна.

Я вышелъ изъ избы, чтобы взглянуть на рѣку и распросить ,между прочимъ, не возможно ли какъ нибудь перебраться на другую сторону. Подойдя къ берегу, почти обрывомъ спускавшемуся къ рѣкѣ, я увидѣлъ передъ собою огромное пространство, покрытое глыбами льда, навороченными въ безпорядкѣ одна на другую; за этимъ ледянымъ пространствомъ темнѣлъ низкій берегъ, поросшій кустарникомъ. Гдѣ былъ Крас-

ноярскъ — трудно было догадаться. Онъ былъ гдѣ-то тамъ, далеко, за этой ледяной пустыней.

— „Говорили — шуга идетъ, а между тѣмъ рѣка стоитъ...“ обратился я къ одному крестьянину, стоявшему возлѣ меня.

— „Здѣсь то она давно стоитъ, а вотъ тамъ дальше...“ отвѣтилъ тотъ, махая рукою по направленію къ плоскому острову.

Вскорѣ къ намъ подошло еще двое, тоже мѣстные крестьяне, жившіе на этомъ берегу, и у насъ завязалась бесѣда. Все это были рыбаки по профессіи. Перспектива ожиданія пока установится правильное сообщеніе черезъ рѣку, не особенно меня прельщала. Погода стояла хорошая, сравнительно теплая, и Енисей, обладающій быстрымъ теченіемъ, могъ „гнать шугу“ еще недѣли двѣ. А между тѣмъ надо было торопиться. Въ моемъ положеніи всякія остановки были рискованы, особенно близъ такихъ мѣстъ, какъ г. Красноярскъ, гдѣ я сидѣлъ нѣкоторое время въ тюрьмѣ. Въ это время могъ проѣзжать по неотложнымъ дѣламъ кто либо изъ знавшихъ меня полицейскихъ чиновниковъ, и само собою разумѣется, я былъ бы арестованъ. Я принялся разспрашивать рыбаковъ, — не взялись ли бы они переправить меня на ту сторону, конечно, за приличное вознагражденіе. Мои попутчики, вскорѣ вмѣшавшіеся тоже въ разговоръ, поддержали мое предложеніе. Поклажи у насъ всѣхъ было очень мало, и ее легко можбыло перенести въ рукахъ. Четверо рыбаковъ, бесѣдовавшихъ съ нами, стали тутъ-же громко между собою совѣщаться, разбирать вопросъ о томъ — кудою лучше пройти на другую сторону, и, въ концѣ концовъ, послѣ обстоятельныхъ обсужденій, они согласились.

— „Ну, коли отправляться, то теперь же“, замѣтилъ одинъ изъ нихъ.

Дѣло шло къ вечеру, и нужно было торопиться, чтобы за свѣтло перейти рѣку. Но вопросъ усложнялся еще однимъ обстоятельствомъ, именно: въ городѣ Красноярскѣ существовала такъ называемая „водяная по-

лиція", слѣдившая, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ, за тѣмъ, чтобы никто не переправлялся черезъ рѣку, пока ледъ не станетъ. Толкуя съ нами, рыбаки нѣсколько разъ упоминали объ этомъ обстоятельствѣ, и теперь, передъ самымъ отходомъ, опять задумались надъ тѣмъ же.

— „Ужъ развѣ такъ строго слѣдятъ?", спросилъ я.

— „Чего строже: недавно посадили въ холодную за то, что перевелъ одного проѣзжающаго на ту сторону."

— „Это Григорія то?" вмѣшался другой рыбакъ.

— „Ну да, Григорія".

— Да какое дѣло полиціи, если проѣзжающій самъ хочетъ?" перебилъ я.

— „Поди, разговаривай... Проѣзжающій можетъ и хочетъ, а ты не смѣй — и все тутъ".

— „Ну, выходитъ, — надо дѣлать такъ, чтобы полиція не знала", замѣтилъ я, внутренно радуясь тому обстоятельству, что интересы рыбаковъ вполнѣ совпадали съ моими. Приходить въ какія бы то ни было столкновенія съ красноярской полиціей мнѣ было неудобно.

Солнце закатывалось, когда мы собрались въ путь. Рыбаки взяли наши вещи и пошли впередъ, вооружившись длинными шестами. Мы направились за ними. Пройдя нѣкоторое пространство берегомъ, мы поворотили и стали двигаться поперекъ рѣки къ острову. Толстыя льдины, нагроможденныя одна на другую, очень затрудняли нашъ путь. Мѣстами попадались проталины, въ которыхъ быстро текла вода. Мы то обходили ихъ, то перескакивали. Раза два приходилось класть шесты и перебираться по нимъ съ одной льдины на другую. Рыбакъ, шедшій впереди, то и дѣло тыкалъ своимъ шестомъ въ ледъ, пробуя его крѣпость. Такъ путешествуя, мы добрались черезъ нѣкоторое время до берега.

Плоскій песчаный островъ, на которомъ мы находились теперь, былъ весь покрытъ тонкимъ лозникомъ. Мы направились черезъ этотъ лозникъ. Солнце сѣло. Приближались сумерки. Въ воздухѣ похолодѣло. Ночью надо было ожидать мороза.

— „А широкъ тотъ рукавъ, что огибаетъ островъ съ другой стороны?“ спросилъ я рыбака.

— „Островъ, почитай, на половинѣ“, отвѣтилъ онъ.

Мы двигались быстро среди лозника. „Замерзъ рукавъ или нѣтъ?“ вопросъ этотъ ни на минуту не покидалъ моей головы. А между тѣмъ вѣтви лозы, увлекаемыя шедшимъ впереди рыбакомъ, то и дѣло хлестали меня по лицу и по рукамъ. Я мало обращалъ на это вниманія. Устремивъ глаза впередъ, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ я ждалъ, когда покажется рѣка. Вотъ, наконецъ, сквозь кусты, уже подернутые сумерками, что то заблестѣло. Еще нѣсколько шаговъ, и мы очутились у берега.

Передъ нами, какъ глазъ хватитъ, раскидывалась рѣка. Но какая? Спокойная, чистая, гладкая... Ни одной льдинки на всемъ пространствѣ... Красноватый отблескъ потухавшаго дня отражался отъ нея милліонами блестящихъ чешуекъ. Далеко-далеко впереди насъ темнѣлъ противуположный берегъ, поднимавшійся вверхъ отлогой горой. Слышался отдаленный, слабый лай собакъ. Тамъ былъ г. Красноярскъ.

Мы всѣ, и рыбаки, и мы остановились, какъ вкопанные на берегу, не проронивъ ни одного слова. Можно было ожидать, что рѣка еще не замерзла, что по ней „идетъ шуга“; мы могли себѣ представить, что намъ придется прыгать съ одной льдины на другую, перебираться по жердямъ и т. д.; но встрѣтить совершенно зеркальную поверхность, которую возможно было только переплыть, — это никому и не снилось. Видно, гдѣ-то выше на рѣкѣ ледъ сперся, остановился, и здѣсь — противъ города — рѣка оказалась совершенно чистая.

— „Вотъ оно!“ тихо проговорилъ кто-то, и опять всѣ замолкли. Опять доносился къ намъ отдаленный собачій лай.

— „Такъ я и думалъ“, вдругъ проговорилъ одинъ рыбакъ.

— „Чего думалъ?!... Что попусту болтать! Развѣ

можетъ человѣкъ все знать впередъ ?!“ съ досадой возразилъ ему другой рыбакъ.

— „Раньше туть шуга шла Григорій сказывалъ, когда переводилъ проѣзжающаго, — шуга здѣсь шла; а нонче — на вотъ, чисто...“ проговорилъ третій рыбакъ.

— „Какъ же онъ перешелъ по шугѣ ?“ спросилъ фельдшеръ.

— „Такъ и не перешелъ... Сталъ звать... Ну, изъ города помощь то послали, да только потомъ въ участокъ посадили.“

И снова водворилось общее молчаніе.

Между тѣмъ со всякой минутой становилось темнѣй. Наступала холодная ночь. Морозъ крѣпчалъ. На противоположномъ берегу, по городу, то здѣсь, то тамъ зажигались огоньки. Теперь, даже если бы мы и вздумали воротиться назадъ, то и этого сдѣлать не могли, такъ какъ пройти ночью тамъ, гдѣ мы съ такимъ трудомъ и опасностью проходили при дневномъ свѣтѣ, было болѣе чѣмъ рискованно.

— „Костеръ, что-ли, развести“, прервалъ общее молчаніе фельдшеръ.

— „Съ того берега полиція увидитъ“, замѣтилъ я.

— „Ну, какой тутъ костеръ ?!“ запротестовали рыбаки.

— „Разведемъ огонь въ кустахъ, чтобы не было видно... А безъ огня холодно.“

— „Какъ же это, ночевать что-ли здѣсь собираемся?“ вдругъ проговорилъ торговецъ, до сихъ поръ не проронившій ни слова.

— „Это какъ доведется“, отвѣтилъ я ему.

— „Нѣтъ, ужъ извините... А нутко, парень, кричи! Пусть за нами изъ города лодку пришлютъ“, обратился онъ къ молодому рыбаку.

— „Что ты? Господь съ тобою ! Въ участокъ что-ли захотѣлось тебѣ ?“ запротестовалъ другой рыбакъ.

— „Ла-а-дно!... Въ участокъ... А пусть въ участокъ! Эка испугалъ чѣмъ! Не спать же здѣсь, на островѣ ?!.. Тебѣ то можетъ это ничего: ты привычный... А я, бра-

тецъ, не желаю этого. Ну, парень, реви!“*) обратился торговецъ опять къ первому рыбаку, парню лѣтъ двадцати пяти.

Это категорическое требованіе произвело сумятицу среди рыбаковъ. Напряженно слѣдя за ихъ настроеніемъ, я сразу замѣтилъ это. Двое изъ нихъ готовы были дѣйствительно звать на помощь, и только одинъ продолжалъ еще энергично протестовать противъ этого.

— „Что же намъ дѣлать? Не выберемся мы отсюда сами.!“

— „Въ участокъ захотѣли? Ну, васъ къ лѣшему!“

— „Заревешь ты или нѣтъ?“ настаивалъ на своемъ торгашъ.

Я чувствовалъ, что наступило критическое мгновеніе. „Неужели погибать?“ мелькнуло въ моей головѣ.

— „Го-го-го!!“ раздалось въ эту минуту сбоку меня.

Торгашъ самъ закричалъ, видя нерѣшительность рыбаковъ.

— „Замолчите! Какъ вамъ не стыдно! Изъ за васъ людей въ участокъ посадятъ“, проговорилъ я.

— „А какое мнѣ дѣло? Пусть ихъ садятъ!“

Рыбаки ободрились, видя открытую поддержку съ моей стороны.

— „Ты ужъ, господинъ, потерпи малость...“ говорилъ одинъ изъ нихъ. „Мы придумаемъ... Петро! Степанъ!... Ребятушки! Гляньте ка по между кустами...

Между тѣмъ торгашъ опять собирался кричать.

— Знаете что, ребята, обратился я тогда къ рыбакамъ, станетъ кричать, звать на помощь, — бросимте его тутъ одного, а сами вернемся назадъ, на ту сторону. Пусть его садятъ въ холодную!“

— „Эй!... Подите ка сюда!“ Раздался вдругъ возгласъ изъ кустовъ.

Мы бросились въ кусты. Я не зналъ въ чемъ дѣло, но мгновенно почувствовалъ, что тамъ наше спасеніе.

---

*) «Ревѣть» по сибирски значитъ «кричать».

Среди кустовъ, на землѣ, лежала лодка, опрокинутая дномъ вверхъ. Лодка была негодная, брошенная; съ одной стороны дно ея было все въ дырахъ. Тѣмъ не менѣе и рыбаки, и мы принялись энергично стаскивать ее въ воду. Четверть часа спустя она покачивалась уже на водѣ, и одинъ изъ рыбаковъ собирался отчаливать отъ берега. Ѣхать намъ всѣмъ въ этомъ дырявомъ суднѣ было немыслимо. Рыбакъ на той сторонѣ долженъ былъ достать у знакомаго хорошую лодку и пріѣхать обратно за нами. Теперь же онъ сѣлъ на самый кончикъ лодки, такъ что дырявый конецъ ея весь поднялся надъ водой и, дѣйствуя длиннымъ шестомъ на обѣ стороны, какъ веслом, сталъ тихо удаляться отъ берега.

— „Смотри, не утони!“ сказалъ кто-то вслѣдъ уплывавшему.

— „Ла-адно!...“ послышалось съ рѣки.

Скоро лодка исчезла съ глазъ. Не слышно было больше и всплескиваній шеста. Мы остались во мракѣ дожидаться возвращенія рыбака.

Только часа черезъ три нашъ рыбакъ воротился въ большой лодкѣ. Онъ успѣлъ въ городѣ выпить, должно быть на радостяхъ, что не попалъ въ участокъ, и былъ сильно на веселѣ. Мы усѣлись, положили наши вещи на дно лодки и поплыли черезъ рѣку.

И опять мы въ возкѣ; колокольчики звенятъ; опять тряска и полудремотное состояніе; періодическія перепряжки лошадей...

Въ Томскѣ мы раздѣлились съ моими попутчиками. Я взялъ подорожную до города Тюмени (на другое имя, такъ какъ въ дорогѣ мнѣ удалось достать другой паспортъ) и отъ Томска дальше поѣхалъ одинъ. Снѣгъ, котораго совсѣмъ не было за Байкаломъ и возлѣ Красноярска, здѣсь, со всякой верстой впередъ, становился все глубже и глубже. Я пересѣлъ въ „кошеву“, такъ называются сибирскіе сани, сдѣланные по особому образцу, и поѣхалъ на саняхъ. Потянулись снѣжныя равнины Томской и Тобольской губерній.

Почтовый трактъ, проложенный черезъ г. Омскъ, дѣлаетъ большой изгибъ къ югу. Для сокращенія пути, многіе предпочитаютъ ѣхать напрямикъ черезъ Барабинскую степь, и этотъ путь совершается на такъ называемыхъ „дружкахъ", т. е. на вольныхъ извозчикахъ, которые передаютъ путешественника другъ другу и, такимъ образомъ, ѣзда совершается все равно, какъ на почтовыхъ перекладныхъ.

И я поѣхалъ „на дружкахъ". Никогда еще не испытывалъ я такой отчаянной скачки, какую довелось испытать здѣсь. Въ крытой кошевѣ, наполненной сѣномъ, я не могъ сидѣть, а долженъ былъ лежать, и меня, какъ мячикъ, швыряло изъ стороны въ сторону; удивительно было, какъ ямщикъ держался на передкѣ, не падая отъ этихъ толчковъ.

Помню, это было на одной станціи, между Ишимомъ и Ялуторовскомъ, небольшими городками Тобольской губ. Въ это время въ Ялуторовскѣ или въ другомъ какомъ-то сосѣднемъ городкѣ была ярмарка, и благодаря ярмарочному времени воровскія шайки пошаливали по дорогамъ. Ямщикъ, который долженъ былъ отправляться со мною, надѣялся на своихъ лошадей, и я рѣшилъ ѣхать, не останавливаясь, хотя былъ уже поздній вечеръ. Когда лошади были запряжены, я вышелъ во дворъ и влѣзъ въ кошеву. Я замѣтилъ, что высокія досчатыя ворота, ведшія со двора на улицу, были заперты. Два человѣка стояли по сторонамъ лошадей, держа пристяжныхъ подъ уздцы. Вотъ, наконецъ, сѣлъ мой ямщикъ; подобралъ возжи... „Готово?" послышались голоса. „Готово!" Тогда ворота отворились; люди отскочили въ стороны, и лошади, поднявшись на дыбы, сразу вынесли насъ на улицу. Это была дикая картина. Сразу началась скачка. Ямщикъ гикалъ, подобно лошадямъ, охваченный какимъ то энтузіазмомъ. Кошеву бросало изъ стороны въ сторону, такъ что я вынужденъ былъ хвататься руками за стѣнки саней, чтобы не расшибить головы. Не успѣлъ я опомниться, какъ деревня, изъ которой мы только что

выѣхали, далеко осталась уже позади. Мы скакали по равнинѣ...

— „Гра-бья-а-атъ!“ вдругъ заоралъ мой ямщикъ во все горло. И тутъ произошло нѣчто совершенно невѣроятное. Скакавшія лошади рванули съ новой, страшной силой; я почувствовалъ, какъ сани убѣгали изъ подъ меня. Вся тройка припала къ землѣ; комья снѣгу полетѣли на встрѣчу мнѣ изъ подъ копытъ лошадей... Лошади, кошева — все укуталось снѣжнымъ облакомъ. Это былъ уже одинъ какой-то снѣжный вихрь, несшійся по равнинѣ. Ямщикъ гикалъ во всю глотку. Я крѣпко держался обѣими руками, сидя въ кошевѣ; вѣтеръ свисталъ мнѣ въ лицо, хотя время было совсѣмъ тихое, и звонки, раньше отбивавшіе всякій шагъ коренника — сильной рысистой лошади — теперь съ длинными перерывами только глухо звякали. Вотъ она — настоящая ѣзда! Можетъ быть, немножко и рискованная, за то есть, о чемъ вспомянуть. Впрочемъ, нужно сказать, что сибирскія сани такъ сдѣланы, что едвали могутъ опрокинуться: широко разставленные отводы или крылья изъ крѣпкихъ бревенъ вполнѣ гарантируютъ отъ этого.

Описывать день за днемъ мою дорогу не стану, такъ какъ многое уже ушло изъ моей памяти, отчасти же и разсказывать всего нельзя. Пустился я въ путешествіе въ мѣсяцѣ октябрѣ 1880 года, а въ Москву прибылъ только въ январѣ или февралѣ 1881 года, сдѣлавъ въ общей сложности больше шести тысячъ верстъ. Въ извѣстныхъ пунктахъ по дорогѣ я останавливался. Сибирскіе города и городки были въ то время полны политическими ссыльными; съ нѣкоторыми я былъ знакомъ раньше, съ другими тогда познакомился; знакомился съ одними подъ своимъ именемъ, съ другими — подъ вымышленнымъ. Не мало было курьезныхъ встрѣчъ и случаевъ, возможныхъ только при такомъ положеніи, въ какомъ находился я. Случалось, про меня мнѣ же разсказывали всякія небывалыя подробности изъ моего побѣга. Помню, одинъ мнѣ сообщилъ, что я нахожусь уже гдѣ-то за границей, и сообщилъ это съ такимъ важ-

но-таинственнымъ видомъ, словно хотѣлъ сказать: „вотъ ты этого ничего не знаешь, а я посвященъ во всякія тайны“, что казалось мнѣ необыкновенно забавнымъ. Въ другомъ мѣстѣ, когда я назвался своимъ именемъ, меня встрѣтили хохотомъ, подобнымъ тому, какъ это случилось со мною при встрѣчѣ съ однимъ пріятелемъ Ходько (объ этой встрѣчѣ я вспоминалъ въ своемъ мѣстѣ). Мнѣ пришлось подвергнуться особому экзамену, послѣ котораго только я былъ, такъ сказать, возстановленъ въ своихъ правахъ.

Въ моихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ „Вѣстникѣ Народной Воли“,*) я разсказалъ между прочимъ объ одномъ курьезномъ случаѣ, произшедшемъ со мною въ дорогѣ; и теперь, въ заключеніе, вспомню о немъ.

Ѣхалъ я одно время съ попутчикомъ — чиновникомъ, возвращавшимся на родину. Подорожная была взята мною на имя одного умершаго, документами котораго я пользовался въ дорогѣ (за дорогу я перемѣнилъ три паспорта, на три разныя фамиліи). Было уже около полуночи, когда мы подъѣхали къ одной почтовой станціи. Проѣхавши болѣе 200 тъ верстъ въ этотъ день, я и мой попутчикъ согласились отдохнуть. Мы приказали ямщику внести наши вещи въ комнату для проѣзжающихъ и расположились на ночлегъ, объявивши старостѣ, чтобы онъ на утро приготовилъ намъ лошадей.

На другой день мы собирались уже къ отъѣзду, какъ вдругъ вошелъ въ комнату станціонный смотритель съ моей подорожной въ рукахъ.

— „Извините, что безпокою...“ проговорилъ онъ, раскланиваясь. „Позвольте узнать, — кто изъ васъ Иванъ Александровичъ Селивановъ ?“**)

---

*) Мои воспоминанія подъ названіемъ: «Два года жизни», гдѣ я разсказываю о моей ссылкѣ (судъ, казнь, отправка въ Сибирь, этапное путешествіе и пр.) и о моемъ побѣгѣ, были помѣщены въ «Вѣст. Нар Воли», издававшемся за границей въ 1883-85 гг.

**) Фамилію я измѣняю.

— „Что вамъ угодно?“ отозвался я, подходя къ нему, чтобы взять подорожную.

Смотритель удивленно на меня глядѣлъ.

— „Извините... заговорилъ онъ, въ подорожной я прочелъ фамилію... Селиванова я когда-то зналъ... Вижу — имя и отчество тоже самое... званіе тоже... Но только я слыхалъ года полтора тому назадъ, что онъ умеръ... Теперь прочелъ подорожную, — думаю, — можетъ быть, слухи о смерти я получилъ невѣрные, поэтому зашелъ удостовѣриться... Извините, пожалуйста: я вижу, что ошибся“, добавилъ смотритель, передавая мнѣ подорожную и вновь раскланиваясь.

Меня словно варомъ обдало. Очевидно, смотритель зналъ моего двойника и получилъ даже вполнѣ точное свѣдѣніе о времени его смерти.

Попутчику моему это совпаденіе показалось необыкновенно забавнымъ, и онъ вдругъ разразился ужаснымъ смѣхомъ.

— „Вотъ такъ исторія! Ха-ха-ха! выкрикивалъ онъ прерывавшимся отъ смѣха голосомъ. Нечего сказать! Ха-ха-ха! Пожалуй, можно подумать, что вы бѣглый и скрываетесь подъ документами умершаго.

Одѣтый въ дорожную шубу компаньонъ мой не имѣлъ даже силъ держаться прямо, до того одолѣлъ его смѣхъ и, хватаясь руками за бока, онъ пригибался до самого пола.

Но мнѣ было совсѣмъ не до смѣха.

— „Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, можно подумать“, замѣтилъ я, стараясь поддѣлаться подъ его глупый тонъ (я страшно сердитъ былъ на него въ ту минуту, хотя принужденъ былъ пріятно улыбаться). „Но я долженъ сказать, продолжалъ я уже совершенно серьезно, что фамилія Селивановыхъ очень распространенная въ такой-то губерніи. Я самъ зналъ покойнаго Ивана Александровича; онъ доводился мнѣ родственникомъ, хотя, впрочемъ, далекимъ...“

Черезъ нѣкоторое время мы уже сидѣли въ почтовыхъ саняхъ и ѣхали дальше. Мой попутчикъ долго по-

слѣ того не могъ вспомнить безъ смѣха этого случая.

Я тоже думалъ объ этомъ случаѣ, но только вызывалъ онъ во мнѣ совсѣмъ не веселыя мысли; я думалъ: какъ ничтожный случай можетъ имѣть иногда рѣшающее значеніе на всю нашу жизнь.

Глава XXXIII.

ЧЕРНОПЕРЕДѢЛЬЦЫ И НАРОДОВОЛЬЦЫ. ПОСЛѢДНЯЯ ВСТРѢЧА СЪ ЛАНГЕНСОМЪ. МОЯ ЭМИГРАЦІЯ. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ Москву я пріѣхалъ въ февралѣ 1881 года и послѣ двухлѣтняго отсутствія изъ Россіи засталъ здѣсь огромныя перемѣны. Прежде всего бросался въ глаза количественный ростъ революціонныхъ элементовъ. Въ мое время были только кружки; теперь чуть не половина студентовъ московскаго университета и Петровско-Разумовской академіи считались революціонерами. Подобный же ростъ замѣчался, какъ я слыхалъ тогда, и по другимъ университетскимъ городамъ.

Въ программномъ отношеніи перемѣна произошла тоже до неузнаваемости. Правда, если бы я былъ прозорливѣе, послѣднюю перемѣну я долженъ былъ предвидѣть, такъ какъ на моихъ глазахъ происходилъ поворотъ отъ народничества къ террору. Но оттого ли, что я былъ слишкомъ близко прикосновеннымъ къ дѣ-

ламъ и страстно относился къ нимъ (да какъ участникъ движенія, я и не могъ иначе относиться), или же по какой другой причинѣ, — но я проглядѣлъ нарождавшееся движеніе, или же вѣрнѣе сказать, просто на просто не понималъ его и потому не могъ сдѣлать и надлежащей оцѣнки. Терроризмъ, конечно, мало имѣлъ общаго съ народнической дѣятельностью, — это прекрасно понималось и чувствовалось еще тогда — въ началѣ; и еще тогда среди насъ поднимались принципіальные споры; но на него, по крайней мѣрѣ я, смотрѣлъ тогда, какъ на явленіе временное, проходящее, какъ на неожиданное новшество, которое должно было очень скоро исчезнуть, и послѣ котораго опять должно было расцвѣсть революціонное народничество. Сохранивши въ самомъ себѣ до извѣстной степени старую народническую вѣру (я былъ съ ней арестованъ; а въ тюрьмѣ она какъ будто даже окрѣпла во мнѣ), я никакъ не ожидалъ, чтобы могъ случиться такой радикальный поворотъ во взглядахъ, такъ какъ я думалъ, что и у другихъ эта вѣра жила, и мнѣ все казалось, что еще какъ то наладится и пойдетъ все по старому, даже лучше, чѣмъ по старому, такъ какъ прошлое научило насъ кое-чему, и мы не повторимъ старыхъ ошибокъ. Я не понималъ главнаго, именно того, что терроризмъ явился не временнымъ уклоненіемъ въ сторону, а продолженіемъ революціоннаго народничества, и слѣдовательно, нельзя было надѣяться на поворотъ назадъ къ пережитому и, такъ сказать, выброшенному за бортъ исторіей.

Еще въ Иркутскѣ читалъ я первые номера газеты „Народная Воля“ и сильно возмущенъ былъ взглядами, проповѣдуемыми ею. Не имѣя съ кѣмъ дѣлиться мыслями, я принялся записывать возраженія, которыя приходили мнѣ тогда въ голову, и скоро изъ этихъ набросковъ составилась брошюрка. Не стану пересказывать всего того, что было въ ней написано; главнымъ образомъ мои народническія чувства и понятія возмущены были народовольческимъ якобинизмомъ и борьбою съ правительствомъ, носившей политическій характеръ. По по-

нятіямъ соціалистовъ 70-хъ годовъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и моимъ, конечно), народъ и привилегированныя сословія представляли собою противуположенія, что-то въ родѣ плюса и минуса, взаимно уничтожавшіяся, двѣ вѣчно борющіяся силы, съ настолько различными интересами, что все то, что было полезно для одной — оказывалось вреднымъ для другой. Такимъ образомъ, политическая свобода, полезная для высшихъ сословій, такъ какъ она давала имъ больше правъ и дѣлала ихъ болѣе могущественными, была, по нашимъ понятіямъ, вредной для народной массы, по той логикѣ, что для народа будетъ тѣмъ хуже, чѣмъ могущественнѣе будутъ его враги.

Если бы наше правительство было умнѣе и въ особенности если бы не было такое злобное и не принялось съ такимъ ожесточеніемъ насъ преслѣдовать, оно могло бы продержать насъ въ этомъ невѣжественномъ представленіи дѣйствительности очень долгое время. Но начался терроръ, вызванный правительственными репрессаліями, и среди революціонеровъ выступилъ на очередь вопросъ о политической свободѣ. Въ періодъ дѣятельности первыхъ террористовъ на югѣ довольно опредѣленно началъ было уже складываться взглядъ въ пользу политической свободы или, выражаясь частнѣе, въ пользу конституціи. Я вспоминалъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ. Но потомъ произошло затемненіе вопроса благодаря вышеуказанному предразсудку (что политическая свобода безполезна для народа), тѣсно связанному со всѣми міровозрѣніями соціалистовъ 70-ыхъ годовъ. По нашимъ тогдашнимъ понятіямъ, русское правительство, подобно всѣмъ другимъ правительствамъ, являлось исключительно только защитникомъ интересовъ привилегированныхъ сословій — дворянства и буржуазіи, — и мы не допускали того, чтобы оно могло имѣть свои собственные интересы — бюрократическіе, — нерѣдко совсѣмъ не совпадающіе съ интересами другихъ сословій, а часто даже идущіе въ разрѣзъ съ ними. Правда, Народная Воля внесла поправку въ этотъ взглядъ. Какъ люди активные, а не доктринеры, народовольцы поняли

значеніе, оказываемое на нашу жизнь правительствомъ, и совершенно вѣрно утверждали, что главный врагъ страны было именно правительство, а не буржуазія, какъ мы думали раньше, и что, слѣдовательно, силы революціонеровъ должны быть направлены на борьбу съ нимъ. Но такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ они все таки продолжали думать, что конституціонный режимъ могъ оказаться полезнымъ лишь для одной буржуазіи, а не для всего народа, то поэтому они поставили своей цѣлью не завоеваніе политической свободы и не простой переходъ отъ самодержавія къ конституціи, а коренное измѣненіе всего соціальнаго строя.

Если бы Народная Воля поставила своей задачей завоеваніе конституціоннаго режима, она могла бы надѣяться найти себѣ союзниковъ въ соотвѣтственныхъ общественныхъ теченіяхъ. Но увлекшись мечтою о преобразованіи въ ближайшемъ будущемъ нашего полуазіатскаго царства на соціалистическихъ началахъ, минуя парламентаризмъ, она должна была прійти къ мысли о захватѣ власти и этимъ только изолировала себя отъ другихъ оппозиціонныхъ теченій.

Къ сожалѣнію искать союзниковъ русскіе революціонеры никогда не любили и не считали нужнымъ, такъ какъ господствовало мнѣніе, что наше правительство слабо, и его не трудно будетъ побѣдить, — заблужденіе необыкновенно сильно укоренившееся среди насъ, хотя и ровно ни на чемъ не основанное. Кстати сказать, и теперь еще въ нелегальныхъ изданіяхъ нерѣдко можно натолкнуться на увѣренія въ томъ, будто наше правительство потеряло значеніе въ странѣ и не имѣетъ силы, а равно и пророческія разглагольствованія о „близкомъ концѣ“ существующаго строя. Пора бы ужъ выдумать хоть слово какое нибудь другое для опредѣленія времени, а то слово „близкій“ совершенно дискредитировано среди насъ.

Еще по дорогѣ, помню, въ Сибири, встрѣтилъ я офицеровъ, отправлявшихся на службу на дальній востокъ, оказавшихся сторонниками программы Народной Воли, и ым

съ ними провели нѣсколько дней въ весьма оживленныхъ бесѣдахъ и спорахъ. Само собою разумѣется, ни въ чемъ я не могъ съ ними согласиться; но отъ нихъ первыхъ я почерпнулъ живыя свѣдѣнія о состояніи дѣлъ въ Россіи. Я узналъ, что кромѣ организаціи Исполнительнаго Комитета, существовала еще другая организація, называвшаяся Чернымъ Передѣломъ и державшаяся прежней народнической программы, — и это послѣднее меня подбадривало, хотя ужъ тотъ одинъ фактъ, что по дорогѣ въ Россію я раньше натолкнулся на народовольцевъ, чѣмъ на народниковъ, долженъ былъ навести на грустныя размышленія.

Въ г. Екатеринбургѣ, гдѣ я останавливался проѣздомъ, я получилъ возможность перечитать въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, если память не измѣняетъ, показанія Гольденберга,*) убившаго харьковскаго губернатора Кропоткина и потомъ арестованнаго съ динамитомъ на елизаветградскомъ вокзалѣ (Херсонской губ.); по этимъ показаніямъ я еще лучше ознакомился съ положеніемъ дѣлъ. Я узналъ о съѣздѣ революціонеровъ, происходившемъ въ г. Липецкѣ, и объ окончательной организаціи Исполнительнаго Комитета, бывшаго только въ зародышѣ въ мое время. Въ показаніяхъ Гольденберга упоминалось множество лицъ, и я узналъ — кто именно вошелъ въ организацію террористовъ, и кто остался при прежней, народнической программѣ. Съ особеннымъ восторгомъ Гольденбергъ отзывался въ своихъ показаніяхъ о Желябовѣ, котораго онъ называлъ „геніальнымъ“. Въ организацію Исполнительнаго Комитета вошли: Желябовъ, Фроленко, Колоткевичъ, Златопольскій, Баранниковъ, Лангенсъ, которыхъ я зналъ, и много другихъ лицъ. Народническую программу защищали: Стефановичъ, Дейчъ, Аксельродъ, — которыхъ я тоже зналъ.

---

*) Объ этомъ Гольденбергѣ я вспоминалъ, когда разсказывалъ объ очищеніи конспиративной квартиры Стефановича въ Кіевѣ.

Раньше я разсказывалъ о томъ, при какихъ обстоятельствахъ родился нашъ терроръ, но къ сожалѣнію не могу передать въ послѣдовательномъ разсказѣ о томъ, какъ онъ развивался дальше, такъ какъ будучи арестованъ вначалѣ 79 года, я воротился въ Россію только въ 81 году и потому не былъ свидѣтелемъ событій, происходившихъ за это время. Между тѣмъ въ эти два года движеніе доросло до своего максимума. Террористическіе факты, не имѣвшіе раньше никакой системы и носившіе характеръ самозащиты, приняли теперь нападательный характеръ. Всѣ усилія устремлены были на убійство царя. Покушенія слѣдовали одно за другимъ: подъ Александровскимъ, въ Москвѣ, въ Зимнемъ дворцѣ. Удары становились все грознѣе и грознѣе. Можно было соглашаться или нѣтъ съ направленіемъ, которое приняло наше революціонное движеніе въ это время, но нельзя было не признать всей его значительности. Оно сдѣлалось несравнимо серьезнѣе, чѣмъ было раньше, и многіе даже не безъ основанія утверждали (особенно на это, помню, любили налегать народовольцы, чѣмъ страшно сердили насъ, народниковъ), что движеніе наше лишь съ того момента и сдѣлалось революціоннымъ, когда начался терроръ; а весь предшествующій періодъ (народохожденія) они считали подготовительнымъ и только съ этой точки зрѣнія и придавали ему значеніе.

Въ Пермской губ. впервые столкнулся я съ чернопередѣльцемъ, и первое впечатлѣніе оказалось не въ пользу „Чернаго Передѣла“. Молодой народникъ, придерживавшійся нашей старой программы, мало походилъ на народника 70-хъ годовъ даже по внѣшнему виду. Это былъ чистенькій блондинъ разфранченный, чуть ли не съ краснымъ галстучкомъ на шеѣ, въ сюртукѣ съ короткими полами, убѣгавшими назадъ, — вслѣдствіе чего самъ онъ казался неудержимо стремившимся куда-то впередъ, — что вмѣстѣ съ его длиннымъ, тонкимъ носомъ, на манеръ хоботка, и оттопыренными возлѣ ушей кудрявыми волосами, — дѣлало его очень похожимъ на мотыля. Онъ недавно пріѣхалъ въ Пермскую

губ. изъ Петербура, гдѣ окончилъ какое-то высшее учебное заведеніе. Я сталъ его распрашивать о черно-передѣльческихъ кружкахъ, и сталъ онъ мнѣ разсказывать о всемъ, что зналъ.

— „А въ такомъ-то кружкѣ — то-то; а въ другомъ — другое... А вотъ тамъ — своего рода канитель“ — характеризовалъ онъ свои народническіе кружки. „Самъ ты канитель“, думалъ я между тѣмъ, слушая его. Слово „канитель“ онъ употребилъ не для приданія обиднаго характера, а просто вслѣдствіе неумѣнія выражаться; отчасти по своего рода легкомысленности, которая вообще сказывалась въ немъ довольно сильно. Напротивъ того, разсказывая, онъ, видимо, былъ въ большомъ восторгѣ отъ успѣховъ Чернаго Передѣла.

Потомъ мнѣ довелось встрѣчать не мало чернопередѣльцевъ, и много между ними я зналъ прекрасныхъ юношей, но общее впечатлѣніе отъ чернопередѣльческой дѣятельности сохранилось все таки самое безотрадное. Для охарактеризованія этой дѣятельности я, пожалуй, и самъ теперь не смогу подобрать другого болѣе подходящаго слова, какъ слово канитель. Да, несомнѣнно, то была одна канитель, не имѣвшая ничего общаго съ живымъ революціоннымъ дѣломъ.

Бесѣдуя съ чернопередѣльцами, рѣдко приходилось возражать имъ, такъ какъ принципы и пріемы борьбы, признаваемые ими, оказывались и моими собственными. Но при всемъ томъ оставалось для меня что-то невыясненное, чего я на первыхъ порахъ не могъ даже себѣ объяснить и что, однако, оставляло во мнѣ чувство неудовлетворенности. Это чувство, вначалѣ довольно слабое, по мѣрѣ моихъ столкновеній съ ними, росло во мнѣ и приняло къ концу моего пребыванія въ Москвѣ большіе размѣры. Чернопередѣльческіе кружки состояли преимущественно изъ учащейся молодежи (студентовъ), готовившейся впослѣдствіи поселиться въ народѣ для революціонно-народнической дѣятельности. Но собираться и готовиться къ чему-либо — еще далеко не значитъ дѣлать это; и можно какъ угодно страстно защищать на-

родническую программу и все таки не быть народникомъ-революціонеромъ. Сущность революціоннаго движенія (а, можетъ быть, и не только революціоннаго, а и всякого другого общественнаго движенія) заключается не въ его идеяхъ и программахъ (если, конечно, это не есть исключительно умственное движеніе), а въ поступкахъ, совершаемыхъ людьми, такъ какъ именно поступки главнымъ образомъ оказываютъ вліяніе и направляютъ жизнь въ извѣстную сторону: идеи же имѣютъ лишь по стольку значеніе, по скольку толкаютъ людей на дѣла, и если идеи не обладаютъ этой силой, то ихъ надо считать или не созрѣвшими, разъ онѣ пріобрѣтаютъ эту силу только впослѣдствіи, или же просто на просто мертвыми, разъ онѣ имѣли эту силу, но почему либо утратили ее, какъ это было съ нашимъ революціоннымъ народничествомъ. Помню, въ 70-хъ годахъ кружки занимались выработкой программъ, по поводу которыхъ вели другъ съ другомъ безконечные дебаты. Однако рядомъ съ этимъ кажущимся разногласіемъ было много внутренняго единства, а главное жизненности: люди не только разговаривали, но и дѣлали постоянныя попытки на практикѣ. Теперь же, въ періодъ Чернаго Передѣла, по всѣмъ вопросамъ были подведены итоги; программа казалась неоспоримо вѣрной. Но отъ этой программной ясности самая дѣятельность въ народѣ нисколько не выиграла; напротивъ, она была въ полномъ застоѣ. Становилось очевиднымъ, что дѣло тутъ было не въ программѣ, а въ чемъ то другомъ.

— „Отчего вы не издаете газеты?“ спросилъ я какъ-то одного чернопередѣльца.

— „Нашу типографію арестовали, и мы не успѣли завести другой“, отвѣчалъ онъ.

— „Почему же народовольцы, которыхъ типографія тоже была арестована, уже имѣютъ другую, а вы — нѣтъ?“*)

*) Типографія Народной Воли была взята въ январѣ 1880 г., а Чернаго Передѣла, если память не измѣняетъ, въ мартѣ того же года.

— „У нихъ больше средствъ“.

— „А чѣмъ вы объясняете то, что у Народной Воли больше средствъ, чѣмъ у Чернаго Передѣла?“ допытывался я.

„Очевидно, народовольческая дѣятельность пользуется большимъ сочувствіемъ, чѣмъ ваша: имъ деньги даютъ, а вамъ нѣтъ“, дѣлалъ я свои выводы.

Я зналъ, что эти выводы не могли правиться чернопередѣльцу, такъ какъ ему непріятно было признать то, что дѣятельность Чернаго Передѣла не имѣла значенія.

Нужно сказать, что между народовольцами и чернопередѣльцами велась въ это время борьба за вліяніе на молодежь, и у чернопередѣльцевъ замѣчалось сильное желаніе конкурировать съ Народной Волей, впрочемъ, не на почвѣ революціонныхъ дѣлъ, такъ какъ это было очень трудно, а въ томъ, что было полегче и что издали, для посторонняго глаза, могло показаться, пожалуй, дѣломъ. Такъ, напримѣръ, если народовольцы устраивали какіе либо сборы пожертвованій, то чернопередѣльцы не отставали отъ нихъ, и сами принимались за устройство сборовъ; если народовольцы выпускали какую нибудь прокламацію, то чернопередѣльцы непремѣнно стремились отпечатать и свою прокламацію — отъ имени Чернаго Передѣла. Само собою разумѣется, что имъ очень хотѣлось издавать и свою газету, такъ какъ газета „Народная Воля“ выходила въ это время довольно аккуратно.

— „Организація народовольцевъ болѣе сильная потому, что у нихъ есть больше опытныхъ людей, больше „стариковъ“; ихъ „старики“ живутъ и дѣйствуютъ здѣсь“, объяснялъ мнѣ дальше мой собесѣдникъ.

— „А наша организація, продолжалъ онъ, состоитъ исключительно изъ молодежи: наши „старики“ живутъ за границей“*)

— „А зачѣмъ вамъ старики? Вы вѣдь знаете сами, что надо дѣлать? Программа ясная: нужно жить и рабо-

*) Стефановичъ, Дейчъ и другіе.

тать среди народа, а не болтаться по городамъ. Зачѣмъ вамъ „старики“? Коноводы вамъ понадобились, что-ли?“

— „Развѣ вы отрицаете значеніе за опытомъ?“ возразилъ онъ мнѣ.

— „Нисколько. Но что вы будете дѣлать въ томъ случаѣ, если ваши коноводы (слово „коноводы“ я особенно злобно подчеркнулъ, думая уязвить; увы, лицо моего собесѣдника выражало одно уныніе!) если ваши коноводы такъ и останутся жить за границей?“

— „Тогда никакого серьезнаго дѣла не будетъ“.

„Вотъ тебѣ и на! Какая скромность!“ невольно воскликнулъ я въ душѣ. И какъ это мало походило на то, что было раньше! Мы когда-то были черезчуръ самонадѣянны: думали горами двигать. О коноводствѣ — хотя въ дѣйствительности оно подчасъ и проявлялось — никто не смѣлъ тогда заикнуться громко. А теперь сами напрашивались на узду. Всѣ были готовы слушаться. Да такъ и было на самомъ дѣлѣ. Я видѣлъ, напримѣръ, что для чернопередѣльцевъ я первый являлся авторитетомъ, и что они чуть не гордились мною и всякій разъ выставляли меня впередъ, когда имъ приходилось сталкиваться съ народовольцами. И не мудрено; среди нихъ я былъ единственный человѣкъ, имѣвшій кое-какую опытность въ революціонныхъ дѣлахъ; я когда-то ходилъ въ народъ и что-то дѣлалъ тамъ, или, покрайней мѣрѣ, пытался дѣлать: они же только еще готовились къ этому.

Передавая о своихъ дебатахъ съ Желябовымъ, пріѣхавшимъ въ Москву зимой въ декабрѣ или январѣ 80-81 г., чернопередѣльцы мнѣ разсказывали, что во время одной сходки, на которой собралось ихъ человѣкъ до сорока, „Борисъ“ (подъ этимъ именемъ былъ тогда Желябовъ) среди споровъ обратился къ нимъ съ такими словами: „Мы все только теоретизируемъ; а мнѣ бы хотѣлось поставить нѣсколько практическихъ вопросовъ; но для того, чтобы разсуждать о практическихъ дѣлахъ, я хотѣлъ бы сначала знать, — кто изъ васъ здѣсь присутствующихъ живъ въ народѣ?“ И когда такового не

нашлось среди насъ, то онъ вдругъ объявилъ, что ему не о чемъ съ нами и разговаривать". Этотъ „маневръ", употребленный Желябовымъ, чернопередѣлецъ (передававшій мнѣ объ этомъ случаѣ) находилъ даже „нечестнымъ", и я никакъ не могъ его убѣдить въ томъ, что Желябовъ былъ совершенно правъ, ставя вопросъ на практическую почву.

„Истина есть результатъ судоговоренія", утверждаетъ гдѣ-то одинъ изъ щедринскихъ героевъ. Такъ и моему собесѣднику чернопередѣльцу казалось, что истина была на сторонѣ тѣхъ, кто могъ привести больше теоретическихъ доказательствъ и въ особенности научныхъ авторитетовъ въ пользу своей программы; а такъ какъ программа Чернаго Передѣла, по его мнѣнію, имѣла больше этихъ доказательствъ, чѣмъ программа Народной Воли, то слѣдовательно истина была на ихъ сторонѣ. И въ самомъ дѣлѣ, что можно было возразить противъ того доказаннаго наукою положенія, что политическіе порядки всякой страны являются ничѣмъ болѣе, какъ просто надстройкой надъ ея экономическими порядками, — научнаго положенія, клавшагося въ основаніе всѣхъ возраженій, дѣлаемыхъ Чернымъ Передѣломъ противъ Народной Воли? Это была аксіома, и народовольцы, думавшіе иначе, а именно, чтовъ Россіи надо сначала измѣнить политическіе порядки, а послѣ того уже думать объ измѣненіяхъ экономическихъ, — очевидно ошибались. Вотъ почему Желябовъ, понимая, что онъ не былъ въ силахъ теоретически отстоять свою программу, прибѣгъ къ вышесказанному „маневру".

Такъ разсуждалъ чернопередѣлецъ и никакъ не могъ понять того, что люди къ, сожалѣнію, еще не овладѣли наукою жизни, съ высоты которой моглибы обозрѣвать все, какъ на шахматной доскѣ, и что суть дѣла заключалась въ концѣ концовъ не въ тѣхъ или иныхъ доказанныхъ или недоказанныхъ положеніяхъ, а въ живомъ, практическомъ дѣлѣ. Между тѣмъ для Желябова, какъ для революціонера, на первомъ планѣ было именно дѣло. Онъ, очевидно, думалъ, что какихъ бы теорій люди

не держались, разъ они займутся практической дѣятельностью, или другими словами, какъ только захотятъ приложить свои теоріи къ жизни, — дѣйствительность натолкнетъ ихъ на такія рѣшенія, какія имъ раньше и въ голову не приходили; онъ думалъ, что какъ только приступитъ народникъ-революціонеръ къ практическому осуществленію своей программы, онъ тотчасъ натолкнется на наши полицейскіе порядки, которые ему поставятъ непреодолимыя препятствія; что никакая пропаганда соціализма, никакая организація въ народѣ или среди рабочихъ невозможна въ сколько нибудь широкихъ размѣрахъ при существующихъ условіяхъ; однимъ словомъ, практическій дѣятель у насъ прежде всего сталкнется лицомъ къ лицу съ правительствомъ, и если этотъ дѣятель не захочетъ удовлетворяться мелкою работою, а будетъ стремиться къ сколько нибудь широкой дѣятельности, то для него само собою на первый планъ должна будетъ стать борьба съ этимъ правительствомъ, т. е. именно то, что и требовалось доказать Желябову.

Всматриваясь и вслушиваясь во все то, что я слышалъ и видѣлъ кругомъ себя, я сталъ разбираться мало по малу въ вопросѣ, мучившемъ меня съ самого моего пріѣзда въ Москву. Хотя съ народовольческой постановкой вопроса я былъ не согласенъ, такъ какъ все еще продолжалъ вѣрить въ возможность организаціи народнаго бунта, но я понялъ, наконецъ, то, что отъ чернопередѣльцевъ нельзя было ожидать никакой революціонной дѣятельности; они были весьма милые и хорошіе люди, но только нереволюціонеры, не общественные дѣятели, и Желябову съ ними, очевидно, дѣлать было нечего. Поставь они своей задачей скромненькую по своимъ силамъ дѣятельность въ народѣ — легальную дѣятельность гдѣ либо при земствахъ, — они могли бы получить нѣкоторое значеніе въ жизни. Но революціонная тога мѣшала этому, и бунтовская программа, доставшаяся имъ по наслѣдству, и которую они такъ рев

ностно защищали на словахъ, оказывалась, такимъ образомъ, просто вредной.

И такъ, Черный Передѣлъ былъ мертвечиной. Что же представляла собою Народная Воля?

Какъ я уже сказалъ выше, въ Москвѣ едва не половина студентовъ университета и Петровско-Разумовской академіи считалась революціонерами, при чемъ дѣленіе было такое: петровцы были народники (вѣроятно потому, что изучали земледѣліе), университетъ былъ народовольческій. Собирались сходки человѣкъ по 200—300, на которыхъ открыто дѣлались сборы въ пользу Народной Воли или Чернаго Передѣла; все это, само собою разумѣется, прекрасно знала московская полиція, но, кажется, мало придавала этому значенія, такъ какъ въ послѣднее время научилась отличать опасныхъ людей отъ невинныхъ. Программа Чернаго Передѣла, какъ я уже говорилъ, была ясная и опредѣленная. Программа народовольческая еще только вырабатывалась, и потому почти всякій народоволецъ толковалъ ее по своему: одинъ напиралъ на одно, другой — на другое; у всѣхъ, однако, оставалось то общее, что на первомъ планѣ должна быть борьба съ правительствомъ.

Но эта борьба выражалась только въ террорѣ; а такъ какъ терроромъ занимались весьма немногіе, то огромное большинство людей, причислявшихъ себя къ Народной Волѣ, оставалось безъ дѣла; и у этого, слѣдовательно, большинства, подобно тому, какъ у чернопередѣльцевъ, опять таки все сводилось къ однимъ разговорамъ и теоретизированію или же, если и къ дѣламъ, то далеко не революціоннаго характера. Такъ, между прочимъ, для успѣшнаго веденія борьбы съ правительствомъ Народная Воля находила нужнымъ группировать силы въ центрахъ и для этого призывала молодежь скопляться по городамъ, преимущественно въ столицѣ, и занимать „положенія въ обществѣ“. Это была, конечно, ошибка съ ея стороны, такъ какъ подобное недемократическое и, по самому своему существу, антиреволюціонное стремленіе, какъ „занятіе положеній“

среди общества не могло вести ни къ чему хорошему. Есть неизмѣримая разница между тѣмъ, когда партія, путемъ пропаганды, пріобрѣтаетъ сторонниковъ среди лицъ, занимающихъ извѣстное положеніе въ обществѣ, или же, когда во имя партійныхъ цѣлей люди добиваются этихъ самыхъ положеній; въ первомъ случаѣ вырабатываются Клѣточниковы, во второмъ — Дегаевы. Такимъ образомъ, у народовольцевъ въ общемъ наблюдалось слѣдующее распредѣленіе силъ и задачъ: одни „старики“ — ихъ была ничтожная кучка — тамъ гдѣ-то при глубочайшей конспиративной обстановкѣ боролись съ правительствомъ на жизнь и на смерть; ихъ ловили и вѣшали; со всякимъ днемъ число ихъ уменьшалось. Другіе — такихъ было весьма много — занимались тѣмъ, что рукоплескали своимъ главоторямъ-героямъ, кое-когда исполняя неопасныя порученія, въ родѣ сбора пожертвованій и т. п., или же стремились занимать хорошія положенія въ обществѣ для того, чтобы потомъ, въ моментъ революціи, сослужить какъ-то службу народовольчеству. Нерѣдко можно было встрѣтить среди нихъ лицъ, серьезно трактовавшихъ о томъ, что они должны готовить себя къ будущимъ депутатскимъ обязанностямъ будущаго Земскаго Собора.

Въ 70-хъ годахъ, помню, разъ додумывались до чего нибудь, то ужъ признавали себя нравственно обязанными и дѣлать это, такъ какъ нераздѣльность слова и дѣла считалась существеннымъ качествомъ революціонера. Теперь, въ этой средѣ, замѣчалась непослѣдовательность и раздвоенность. Теперь можно было доказывать и распинаться на словахъ за то, напр. за терроръ, чего самъ никогда не дѣлалъ и къ чему, можетъ быть, совсѣмъ не былъ и способенъ, прикрываясь и оправдываясь только тѣмъ соображеніемъ, что кто-то это дѣлалъ и что этотъ кто-то принадлежалъ къ одной партіи. И эта непослѣдовательность никому не рѣзала глазъ, и всѣмъ казалось, что такъ можно было поступать, и что въ этомъ не было ничего предосудительнаго. Само собою разумѣется, что трудно было надѣяться, чтобы лю-

ди, ставившіе своимъ programme minimum занятіе положеній въ обществѣ, могли дорости до своихъ „стариковъ-террористовъ“ и явиться ихъ наслѣдниками.

Итакъ, какъ чернопередѣльческое, такъ и народовольческое теченіе въ общемъ были нереволюціонны,*) хотя одно и другое напяливали на себя революціонную тогу, или вѣрнѣе, имъ напяливали эту тогу; они оказывались пристегнутыми къ революціонному движенію только одними программами. Не зная, какъ взяться за дѣло, отчасти по молодости и неопытности, а отчасти вслѣдствіе сознанія недостаточности своихъ силъ, которыхъ чувствовалось недостаточно, можетъ быть, именно потому, что не было достаточно глубокой вѣры въ дѣло, эти пристегнутыя теченія неминуемо должны были получить — и получили на самомъ дѣлѣ — вполнѣ авторитарный характеръ. И одни, и другіе имѣли своихъ главатарей, которыхъ слушались и отъ которыхъ ожидали рѣшеній по всѣмъ сколько нибудь важнѣйшимъ вопросамъ. Этой молодежи не доставало того страстнаго отношенія ко дѣлу, какимъ охвачены были ихъ старики-главатари, и которое можетъ овладѣть человѣкомъ лишь послѣ продолжительной и упорной борьбы, а не подъ вліяніемъ программъ, написанныхъ кѣмъ-то и навязанныхъ силою авторитета. Что же общаго между авторитарностью и революціонностью? Это два исключающія другъ друга понятія. И нѣтъ, и не можетъ быть выдумано такой программы, которая въ состояніи была бы толкать людей на висѣлицы.

Въ конечномъ выводѣ получалось то, что необыкновенный ростъ революціонныхъ элементовъ, такъ сильно бившій въ глаза на первыхъ порахъ, при ближайшемъ ознакомленіи, оказывался сомнительнымъ. Правда, было много бѣганья, суетни, перешушукиванья, но, въ большинствѣ, этимъ дѣло и ограничивалось.

Чернопередѣльцы, какъ я уже упоминалъ выше,

---

*) Рѣчь идетъ не объ отдѣльныхъ личностяхъ, которыя могли оказаться исключеніемъ, а о большинствѣ.

м

встрѣтили меня, какъ говорится, съ распростертыми объятіями: съ моимъ появленіемъ среди нихъ, они обзаводились таки, наконецъ, своимъ „старикомъ“, и, конечно, это ихъ радовало. Народовольческая молодежь отнеслась враждебно, такъ какъ въ качествѣ народника я имъ представлялся врагомъ. Что касается до моихъ собственныхъ ощущеній, то мнѣ было не по себѣ, и прежде всего ужъ потому, что всѣ они были слишкомъ молоды по сравненію со мною, и среди нихъ я себя чувствовалъ совсѣмъ не на мѣстѣ съ моими длинными усами, дѣлавшими меня похожимъ, по словамъ одного моего пріятеля, на персидскаго шаха (не знаю имени этого шаха, но его портретъ, гдѣ онъ изображенъ въ бараньей шапкѣ и съ усами, торчавшими, какъ у таракана по сторонамъ, былъ въ то время довольно распространенъ).

Скоро по пріѣздѣ въ Москву я принялся розыскивать моихъ старыхъ друзей и знакомыхъ. Прежде всего я сталъ допытываться до Фроленко и Колоткевича. Я не зналъ, что они жили въ Петербургѣ, и только напрасно таскался по квартирамъ, сопровождаемый моими молодыми пріятелями — чернопередѣльцами, — помогавшими мнѣ въ этихъ розыскахъ. На мои разспросы я не получалъ отвѣтовъ, да повидимому нельзя было и надѣяться, что получу. Ввиду нелегальности разыскиваемыхъ мною лицъ, при разспросахъ, приходилось не называть ихъ настоящими именами, а употреблять извѣстныя мнѣ клички; между тѣмъ клички къ этому времени могли у нихъ замѣниться другими, новыми, которыхъ я не зналъ. Тогда я рѣшилъ допытаться сначала вообще до кого нибудь изъ стариковъ народовольцевъ. И вотъ, направили меня къ одному молодому человѣку, кажется, студенту университета, который, какъ утверждали, находился въ сношеніяхъ со стариками и чуть ли не съ самимъ Исполнительнымъ Комитетомъ и считался весьма дѣятельнымъ и вліятельнымъ среди московскихъ народовольцевъ. Я не стану упоминать его имени, такъ какъ возможно, что въ настоящее время онъ прожива-

етъ гдѣ либо въ Россіи здоровъ и невредимъ, и разскажу только о моей съ нимъ встрѣчѣ, которую считаю довольно характерной.

Вспоминается мнѣ теперь его длинная фигура, лежащая на кровати. Должно быть для показанія своей революціонной важности, а, можетъ быть, онъ и просто таки усталъ отъ бѣготни по „дѣламъ“, — онъ принималъ меня, лежа. Было вечернее время. Онъ лежалъ на кровати навзничъ, подогнувъ обѣ руки подъ голову и, въ качествѣ значительнаго человѣка, старался не выказывать ни малѣйшаго интереса къ знакомству со мною, хотя я очень хорошо понималъ, что это было напускное поведеніе съ его стороны, такъ какъ для него не могло не представлять интереса послушать и поговорить съ человѣкомъ, только что пріѣхавшимъ изъ Сибири, о которой онъ ,навѣрно, ничего не зналъ или, если и зналъ, то пятое черезъ десятое. Но выказать этотъ интересъ, по его мнѣнію, очевидно, было не тактично: это умалило бы престижъ партіи; поэтому надо было поважничать; тѣмъ болѣе нужно было это показать, что тутъ присутствовало еще два-три молодыхъ человѣка: одинъ, кажется, его же сожитель, такой же длинный, какъ и онъ (не помню, лежалъ ли и этотъ на кровати, подобно тому, или нѣтъ), другіе два были чернопередѣльцы, пришедшіе со мною.

Между нами начался разговоръ, принявшій сразу весьма странный характеръ. Онъ мнѣ объявилъ, что „старики“ ихъ весьма заняты и имъ трудно назначать свиданія; но что я могу передать имъ черезъ него то, что мнѣ нужно, и послѣ того, какъ они узнаютъ, зачѣмъ я хочу видѣть ихъ, можетъ быть, и они захотятъ со мною видѣться и т. д. Однимъ словомъ, повелъ со мною рѣчь въ такомъ родѣ, какъ ведутся разговоры у посѣтителей съ околодочнымъ надзирателемъ, дежурящимъ въ полицмейстерской передней. Если мой собесѣдникъ даже и не зналъ лично меня (чего, врочемъ, не могу предполагать, такъ какъ обо мнѣ изрядно таки болтали тогда по кружкамъ), то во всякомъ случаѣ о

моей политической порядочности онъ имѣлъ свѣдѣнія, и, слѣдовательно, тонъ, принятый имъ по отношенію ко мнѣ, не могъ быть ничѣмъ оправданъ, если, конечно, не раздѣлять того взгляда, что передъ начальствомъ — хотя бы и революціоннымъ — надо скидать шапку. Къ сожалѣнію, подобный тонъ, кажется, былъ въ ходу въ то время, и моему собесѣднику, можетъ быть, не разъ удавалось подавлять своимъ величіемъ своихъ юныхъ слушателей. Чинопочитаніе, котораго раньше и въ поминѣ не было среди революціонеровъ, теперь оказывалось обыкновеннымъ явленіемъ. Но мы были „сами съ усами“, и стараго нигилиста, чѣмъ другимъ, а величіемъ подавить было мудрено. На мое заявленіе, что я могу дать свѣдѣнія о ссыльныхъ въ Восточной Сибири и о путяхъ для сношеній съ ними, собесѣдникъ мой напыщеннымъ тономъ отвѣтилъ, что „партія“ не нуждается ни въ какихъ моихъ указаніяхъ, такъ какъ она имѣетъ тамъ, въ Сибири своихъ собственныхъ агентовъ и отъ нихъ получаетъ всѣ нужныя свѣдѣнія. Это была неправда, но какъ же было сознаться, да еще въ присутствіи молодыхъ свидѣтелей въ томъ, что у нихъ нѣтъ связей въ Сибири? Вѣдь отъ этого уменьшится престижъ партіи. Народная Воля покажется менѣе могущественной.

— „Никакихъ агентовъ Народная Воля тамъ не имѣетъ“, говорилъ я. „Я только что оттуда и прекрасно это знаю. Потрудитесь передать кому слѣдуетъ, что если желаютъ получить о Сибири свѣдѣнія, я готовъ ихъ дать. Только пусть обратится за этимъ ко мнѣ кто нибудь изъ нихъ постарше“, грубо добавилъ я.

Въ такомъ тонѣ происходили у меня тогда разговоры нерѣдко, и я, что называется, рвалъ и металъ. Сердился я и на то, что народовольцы говорили о захватѣ власти, — хотя планы ихъ о томъ, какъ они будутъ распоряжаться, захвативши власть, сильно напоминали планы того чудака, который, имѣя всего на всего одинъ выигрышный билетъ, мечтаетъ о томъ, какъ онъ распорядится деньгами, когда выиграетъ двѣсти тысячъ рублей; сердило меня и то, что люди стремились зани-

мать положенія въ обществѣ, т. е. думали и поступали какъ разъ обратно тому, съ чего мы когда-то начинали, именно отказывались отъ положеній и привилегій; злился я и на то, что кланялись теперь передъ авторитетами, и утраченъ былъ прежній независимый образъ мыслей; — что силы революціонеровъ направлены были не на дѣятельность въ народѣ, а на городскія дѣла и т. д. Однимъ словомъ, все сердило меня, что я видѣлъ кругомъ.

Но, быть можетъ, я еще самъ ошибался и былъ неправъ? Нѣтъ, тысячу кратъ нѣтъ! Вѣдь для народа возможно чего нибудь добиться только при посредствѣ самого же народа! Эта такая неопровержимая истина, въ которой нельзя было сомнѣваться! Народовольцы же думали осчастливить народъ сверху, путемъ государственныхъ мѣръ и декретовъ. Этотъ путь ошибочный, и якобинизмъ давно осужденъ исторіей. Кто же погубилъ французскую революцію, какъ не якобинцы, какъ не Робеспьеръ съ компаніей, прямымъ наслѣдникомъ котораго оказался потомъ Наполеонъ? Усумниться въ этомъ — значило усумнится во всемъ томъ, во что всю жизнь вѣрилъ, и всю — рѣшительно всю — прошедшую нашу революціонную дѣятельность пришлось бы счесть вздоромъ. А было ли это возможно?

И я подбадривалъ себя и съ новымъ азартомъ принимался нападать на Народную Волю, все придумывая новые аргументы въ пользу народничества и противъ народовольчества. Брошюрка, первоначальные наброски которой были сдѣланы мною въ Сибири, разрослась, приняла окончательную форму и пущена была мною въ обращеніе. Я предполагалъ ее напечатать.

Но однако, зачѣмъ все это мнѣ понадобилось? Неужели такъ важно и необходимо было заручиться какъ можно большимъ числомъ сочувствующихъ и единомышленниковъ среди интеллигенціи?! Вѣдь центръ тяжести былъ въ народѣ, а не здѣсь? Зачѣмъ же тратить попусту силы и энергію на эти безконечные споры, отъ которыхъ, очевидно, нельзя было ожидать добрыхъ резуль-

татовъ ? Не лучше ли плюнуть на это, отряхнуть прахъ съ ногъ своихъ и уйти туда для работы ? И это такъ просто было сдѣлать! Я даже зналъ поименно тѣхъ крестьянъ, къ которымъ надо было обратиться... Федь, Нечипоръ, Архипъ — они, конечно, давно ждали меня (они не знали о моемъ арестѣ и ссылкѣ) и, можетъ быть, даже не разъ съ удивленіемъ другъ друга спрашивали о томъ, гдѣ я запропастился и отчего такъ долго не являюсь къ нимъ. Да, у меня есть прекрасно подготовленная почва для дѣятельности въ народѣ; надо туда идти и работать.

Но лишь только вопросъ этотъ поставленъ былъ на очередь, какъ я почувствовалъ, что стали воскресать другіе мучительные вопросы, — уже рождавшіеся какъ-то раньше въ моей головѣ (до ареста), — и на которые я, какъ тогда, такъ и теперь, не въ силахъ былъ отыскать отвѣта. Что я буду тамъ дѣлать ? Бунтовать ? Но возможенъ ли бунтъ безъ оружія ? А если нужно оружіе, то откуда его взять ? Для этого нужны огромныя средства: сотней или двумя рублей — нельзя же было удовлетвориться. А если бы даже и возможно было достать оружіе въ неопредѣленномъ количествѣ, то является другой вопросъ: какъ можно было провести военную организацію среди крестьянъ такъ, чтобы ее раньше времени не раскрыли и не уничтожили при самомъ ея зародышѣ ? Или же удовлетвориться организаціей небольшой бунтовской шайки ? Но какая польза отъ этого ? Бакунинъ говорилъ: „пусть насъ разобьютъ одинъ, два раза, наконецъ, десять и двадцать разъ, но если на двадцать первый разъ народъ поддержитъ, и возстаніе сдѣлается общимъ, — жертвы окупятся“. Но увы, это одна бунтовская мечта ! Не только въ двадцать первый, а въ тысяча сто двадцать первый разъ нельзя ожидать успѣха ! Ни одного шанса на то, чтобы подобная попытка могла разростись въ широкое народное возстаніе ! Зачѣмъ же затѣвать ?

Я чувствовалъ, какъ передъ этими вопросами робѣла мысль и терялась энергія.

Вѣра въ плодотворность революціонной дѣятельности среди народа была пошатнута во мнѣ еще до ареста, но тюрьма какъ будто законсервировала ее во мнѣ, и на первыхъ порахъ въ Сибири мнѣ даже казалось, что я опять по старому увѣровалъ. Я предполагалъ, воротившись въ Россію, тотчасъ идти въ народъ. Но когда дѣло дошло до того, чтобы это осуществить, то сомнѣніе заговорило во мнѣ съ удвоенной силой, и оказывалось, такимъ образомъ, что то, что было одинъ разъ пережито — не забывалось и не могло пройти безслѣдно. Но только тогда, передъ арестомъ, я не давалъ себѣ полнаго отчета въ томъ, что во мнѣ происходило, а теперь созналъ это съ поразительной ясностью. Я понялъ, что прежняго увлеченія, того страстнаго увлеченія, которое горами двигаетъ, не осталось во мнѣ болѣе, и не было никакой надежды на то, чтобы оно воскресло когда нибудь.

Усумнившись въ старомъ пути, по которому я шелъ до сихъ поръ, я не успѣлъ такъ скоро — въ замѣнъ его — отыскать другого и очутился въ какомъ то тупомъ переулкѣ, изъ котораго не находилъ исхода. И на повѣрку выходило, что въ сущности я былъ такимъ же мертвецомъ, какъ и чернопередѣльцы, которыхъ я упрекалъ такъ жестоко въ непослѣдовательности.

Въ Евангеліи разсказывается, какъ апостолъ Петръ, думая однажды идти по водѣ на встрѣчу Христу, потерялъ вѣру и началъ тонуть. Такъ и я, ходившій раньше по водѣ, теперь тонулъ и захлебывался, потерявши свою вѣру.

Въ то время, какъ внутри меня происходила эта ужасная ломка, вызывавшая ощущенія, близко напоминавшія собою чувства, испытываемыя при смерти дорогого человѣка, ломка совершавшаяся, конечно, вопреки желанію, подобно этой самой смерти, какъ какой-то неумолимый законъ природы, — въ это же время мнѣ приходилось укрываться отъ полиціи, кочуя съ одной квартиры на другую и проводя — гдѣ день, гдѣ два.

Перваго Марта часу во второмъ ночи я былъ разбуженъ стукомъ въ мою дверь.

— „Вы спите?“ услыхалъ я изъ за двери голосъ моей хозяйки. „Царя убили!...“

Помню, на слѣдующій день я проходилъ улицею возлѣ желѣзно-дорожнаго вокзала; какой-то человѣкъ, одѣтый въ легкое, не по сезону, темно-сѣрое пальто, съ башлыкомъ насунутымъ на голову до того глубоко, что лица нельзя было видѣть, пересѣкъ мнѣ дорогу, и сзади его по пятамъ шелъ жандармъ, позвякивая шпорами. Это былъ арестованный, и его вели, кажется, съ вокзала къ извозчику, стоявшему тутъ же, недалеко. Меня словно что-то ударило. Царя убили, и жандармы всюду гонялись теперь за народовольцами. И это, дожно быть, былъ народоволецъ. „Конечно, думалъ я, — народоволецъ: народники жандармамъ не нужны. И я не нуженъ имъ: я вотъ здѣсь стою свободный, а его тамъ ведутъ. А было время, когда и меня также водили и не спускали съ меня глазъ. Но это время прошло. Другіе люди борятся теперь и гибнутъ; но я уже ни причемъ. Исторія выбросила меня за бортъ, какъ негодную вѣтошь. И глубоко тоскливое чувство, порождавшееся отъ сознанія своей ненужности, со всякимъ днемъ все сильнѣе и сильнѣе овладѣвало мною.

Первый народоволецъ „старикъ“, съ которымъ мнѣ довелось встрѣтиться въ Москвѣ вскорѣ послѣ описаннаго мною свиданія съ важничавшимъ господиномъ, былъ Телáловъ. Я не зналъ его раньше и теперь только познакомился съ нимъ. Онъ былъ нѣсколько моложе меня, съ красивыми темными глазами. Разговоры велъ всегда сдержанно и спокойно и въ подтвержденіе своихъ взглядовъ любилъ ссылаться на авторитетъ Дюринга. При посредствѣ его мнѣ удалось потомъ встрѣтиться и съ другими нелегальными народовольцами или, какъ ихъ называли, „стариками“. Нужно сказать, что въ Москвѣ „старики“ не жили, кромѣ двоихъ, на сколько мнѣ извѣство, — Телалова и Марины Никаноровны, которые, какъ кажется, завѣдывали московской народо-

вольческой организаціей. Старики только наѣзжали по временамъ въ Москву изъ Петербурга, гдѣ сосредоточены были ихъ силы, для совершенія цареубійства. Но послѣ 1-го Марта, когда дѣло было сдѣлано и, съ другой стороны, когда преслѣдованія жандармовъ были усилены настолько, что имъ трудно было тамъ держаться, они разбѣжались. Нѣкоторые изъ нихъ, по пути — кто въ южную Россію, а кто на востокъ, — проѣзжали черезъ Москву. И я видѣлъ тогда въ Москвѣ: Юрія Богдановича, Якимову, Лебедеву, Ивановскую, Лангенса Мартына. Всѣ они продефилировали тогда передо мною. Съ Лангенсомъ и Богдановичемъ я имѣлъ первое свиданіе на Цвѣточномъ бульварѣ. Ввидахъ конспираціи, чтобы шпіоны не заподозрили въ нихъ революціонеровъ, они были разфранчены. Но какъ мало все таки они походили на франтовъ! По крайней мѣрѣ мой глазъ сразу открывалъ поддѣлку. Помню, у Богдановича была какой-то странной формы шляпа, какъ мнѣ казалось, обращавшая на себя вниманіе. Когда я замѣтилъ ему объ этомъ, то онъ только добродушно разсмѣялся. Молодежь, стремящаяся занимать положенія въ обществѣ, неизмѣримо лучше умѣетъ одѣваться, думалъ я, глядя на нихъ. А между тѣмъ этимъ очень даже нужно было это: шпіоны гнались по пятамъ; полиція, жандармы — все встало на ноги, чтобы ихъ ловить! И не смотря на полную рознь нашихъ взглядовъ, въ ту минуту я почувствовалъ къ нимъ нѣчто подобное тому, что, какъ мнѣ казалось, чувствовалъ ко мнѣ Лангенсъ когда-то въ мценской тюрьмѣ, когда онъ глядѣлъ на меня изъ своей камеры черезъ дверное оконце; тогда на очереди былъ я, теперь — они.

Слѣдующій разъ я съ нимъ встрѣтился уже на квартирѣ одной слушательницы высшихъ курсовъ или фельшерскихъ — не помню. То была высокая дѣвушка, съ большими карыми глазами, исчезнувшая куда-то со своей квартиры на все время, пока мы „старики“, оставались тамъ. На это свиданіе пришла также Марина Никаноровна, Телаловъ. Съ Мариной Никаноровной у

меня тотчасъ завязался ожесточенный споръ. Она была возмущена до послѣдней степени моими нападками на Народную Волю; — я не менѣе возмущенъ былъ ея взглядомъ на дѣятельность въ народѣ. Мы схватились.

„Дайте мнѣ съ нимъ переговорить!... Не волнуйтесь, Марина Никаноровна,“ успокаивалъ ее своимъ глухимъ чахоточнымъ голосомъ Лангенсъ. „Ты давно изъ Россіи.. Ты не знаешь всѣхъ послѣднихъ событій“, говорилъ онъ мнѣ. „Я читалъ твою рукопись: ты хочешь ее печатать “.

— „Да.“

— „Повремени съ этимъ... Осмотрись сначала... Ты можешь потомъ жалѣть ?“

Лангенсъ былъ человѣкъ глубоко искренній, безъ малѣйшаго желанія рисоваться; если онъ возражалъ чему либо, то дѣлалъ это такъ просто, что не вызывалъ подозрѣнія въ томъ, что онъ имѣлъ какія либо другія побужденія, кромѣ выясненія истины. При самомъ горячемъ спорѣ съ нимъ, никогда не рождалось, во мнѣ по крайней мѣрѣ, чувства раздраженія, обыкновенно приводящаго къ упрямымъ возраженіямъ, а потому я принялъ его совѣтъ, повременить съ печатаніемъ своей брошюрки. И сколько разъ впослѣдствіи я былъ благодаренъ ему за это! Не разъ становилось стыдно мнѣ отъ одной мысли, что брошюрка моя могла быть отпечатана тогда и распространена; а ее, пожалуй, и самъ Судейкинъ сталъ бы распространять, — такъ много было въ ней грубыхъ нападокъ на народовольцевъ за то, что они „измѣнили народному дѣлу“ и оказались не соціалистами, а буржуа и т. п. И все это тогда, когда эти „буржуа“ умирали на висѣлицахъ, а я, соціалистъ, смалодушничалъ и бѣжалъ съ поля битвы!

Отъ Лангенса я узналъ тогда, что въ мценской тюрьмѣ, гдѣ когда-то и мы съ нимъ сидѣли, находились теперь наши централисты по большому процессу: Коваликъ, Мышкинъ, Сажинъ, Рогачевъ и др. Ихъ перевезли изъ харьковскихъ централокъ въ Мценскъ, такъ какъ предполагали весною отправить въ Сибирь. Меж-

ду другими, ожидавшими своей участи въ мценской тюрьмѣ, сидѣли братъ мой Иванъ, въ то время уже совершенно больной, и Донецкій — полупомѣшанный. Краткую исторію Донецкаго, посаженнаго въ централку за найденныя при немъ прокламаціи, я уже разсказалъ въ первыхъ главахъ „Воспоминаній“. Брата же моего надумались сослать административнымъ порядкомъ въ Сибирь за то, что его подозрѣвали, что онъ помогалъ мнѣ укрываться. Потерявши меня изъ виду, жандармы, на сколько мнѣ извѣстно, пришли къ тому заключенію, что, я бѣжавши изъ Сибири, воротился на родину, т. е. на Украину, и опять принялся за бунтовскую дѣятельность. Одно время они думали, что я былъ однимъ изъ зачинщиковъ еврейскихъ погромовъ, происходившихъ на югѣ Россіи, вскорѣ послѣ убійства царя, — хотя что было общаго между бунтовскою дѣятельностью и шовинистическимъ дѣломъ избіенія несчастныхъ евреевъ, чему сочувствовалъ, между прочимъ, извѣстный Стрѣльниковъ, — этого вопроса они, кажется, себѣ не задавали. Какъ бы тамъ ни было, но брату Ивану жандармы заявили тогда, что его не выпустятъ, такъ какъ опасаются, что онъ будетъ меня укрывать. И, дѣйствительно, только послѣ моего отъѣзда за границу, они освободили его изъ тюрьмы; но онъ былъ уже такъ боленъ, что спустя нѣкоторое время умеръ.

Исполнительный Комитетъ, по словамъ Лангенса, одной изъ ближайшихъ своихъ задачъ ставилъ организацію городскихъ возстаній. Но возстаніе въ Петербургѣ представлялось крайне трудной задачей, ввиду постояннаго скопленія войскъ и, съ другой стороны, вслѣдствіе крайне неблагопріятнаго расположенія самихъ улицъ — прямыхъ и широкихъ. Такъ, между прочимъ, Невскій проспекъ, Вознесенскій и Гороховая, расходящіеся радіусами отъ Адмиралтейской площади (боюсь, точно ли называю улицы и площадь, а плана Петербурга для провѣрки, къ сожалѣнію, не имѣю подъ рукою), представляли собою, по мнѣнію Лангенса, съ которымъ нельзя было не согласиться, самое невыгодное условіе для воз-

станія. Двухъ-трехъ батарей, поставленныхъ на площади, достаточно, чтобы обстрѣливать огромную часть города, заключающуюся въ рамкахъ этихъ расходящихся радіусовъ, и, слѣдовательно, совершенно парализовать возстаніе въ этой части города. Онъ думалъ, что несравнимо легче организовать инсуррекцію въ одномъ изъ южныхъ городовъ, — въ Кіевѣ или Харьковѣ, а то даже и въ Москвѣ.

Но, имѣя ввиду государственный переворотъ, народовольцы особенно серьезное значеніе придавали все таки вопросу объ организаціи возстанія въ Петербургѣ. Этимъ и объясняется то исключительное вниманіе, которое было обращено ими на военныхъ, именно офицеровъ, такъ какъ они полагали, что безъ прямого участія войска нельзя было надѣяться на успѣхъ.

Размышляя теперь обо всемъ этомъ, я нахожу, что народовольцы были совершенно правы, такъ какъ, конечно, если возможно успѣшное возстаніе въ Петербургѣ, то только при одномъ условіи, — когда это сдѣлано будетъ войскомъ; и надо обладать не малымъ запасомъ фантазіи, чтобы вѣрить въ то, что Петербургомъ можно овладѣть съ помощью рабочихъ. Баррикады на петербургскихъ улицахъ, на мой взглядъ, такое же запоздалое вѣрованіе, какъ и крестьянскіе бунтовскіе отряды. Конечно, можно выстроить одну-двѣ баррикады даже и въ Петербургѣ (для этого нужно только выбрать время, когда околодочнаго надзирателя на улицѣ не будетъ), какъ можно организовать и бунтовскую шайку гдѣ нибудь на Волгѣ или на Днѣпрѣ; но результаты въ обоихъ случаяхъ получатся тождественные.

Живо сохранилось въ моей памяти послѣднее свиданіе. Оно происходило на квартирѣ, помѣщавшейся во 2-мъ или 3-мъ этажѣ. Когда я туда вошелъ, я засталъ уже тамъ одного или двухъ стариковъ народовольцевъ; остальные появлялись при мнѣ одинъ за другимъ. Сходились по одному. Женщины были съ опущенными вуалями, которыя поднимали, только войдя въ квартиру. Хозяинъ, молодой человѣкъ, легальный, то и дѣло под-

ходилъ къ окнамъ и то опускалъ штору на одномъ изъ нихъ, то, спустя немного времени, опять поднималъ вверхъ. Это было сигналомъ, по которому, проходившіе внизу улицею, революціонеры могли заключить о томъ, что въ квартирѣ все было благополучно и можно было туда являться. Сигналъ былъ не простой, а сложный: штора опускалась и поднималась, такъ какъ жандармы въ это время уже знали объ употребленіи сигналовъ и при обыскахъ, занявши квартиру, не допускали измѣнять положенія вещей — шторъ или какихъ бы то ни было другихъ предметовъ, находящихся въ окнахъ (лампъ, свѣчей и т. п.). Такимъ образомъ, если сигналомъ была, скажемъ, опущенная штора, то и во время обыска оставляли эту штору опущенной, чѣмъ, конечно, вовлекали людей въ заблужденіе (видя съ улицы сигналъ — опущенную штору, — они входили въ квартиру и были тамъ, само собою разумѣется, арестованы). Не зная даже, въ чемъ именно заключался сигналъ, жандармы достигали своей цѣли, исполняя только одно условіе, именно — не позволяя приближаться къ окнамъ никому изъ арестованныхъ. Сложный сигналъ гарантировалъ отъ этого, такъ какъ онъ состоялъ не въ извѣстномъ опредѣленномъ положеніи той или другой вещи на окнѣ, а въ извѣстномъ перемѣщеніи и передвиженіи вещей, чего уже никакъ не могли продѣлывать жандармы.

Въ этой то квартирѣ я и видѣлъ въ послѣдній разъ Лангенса и Богдановича, а также Лебедеву, Телалова, Ивановскую, Якимову и Марину Никаноровну. Всѣ они, кромѣ Марины Никаноровны и Телалова, жившихъ въ Москвѣ, были здѣсь только проѣздомъ, спасаясь отъ погрома, произшедшаго въ Петербургѣ послѣ 1-го Марта. Но шпіоны, подобно гончимъ собакамъ, шли по ихъ слѣдамъ, не сбиваясь, и они ихъ были сочтены. Такъ Лангенсъ и Якимова былъ арестованы мѣсяцъ спустя въ Кіевѣ, куда они бѣжали изъ Москвы; Телаловъ взятъ былъ нѣсколько мѣсяцевъ спустя (кажется, въ декабрѣ); Богдановичъ, Ивановская и, если не ошиба-

юсь, Лебедева продержались немного дольше и были арестованы почти годъ спустя; Марина Никаноровна же эмигрировала во Францію.

Между тѣмъ и я рѣшилъ бѣжать за границу. Мнѣ не хотѣлось ѣхать черезъ прусскую границу, хотя въ то время тамъ имѣлся даже установленный контрабандный путь, и я отправился черезъ Царство Польское на Галицію. Пользуясь знакомствомъ съ одной польской семьей, я остановился на время въ Люблинской губерніи, въ ожиданіи пока выяснится вопросъ съ границею.

Деревушка, гдѣ я остановился, расположена была среди лѣсовъ, въ глухой малопроѣзжей мѣстности. Съ утра до вечера, помню, таскался я по этимъ грабовымъ лѣсамъ, темнымъ и влажнымъ, съ запахомъ грибовъ и гніющихъ листьевъ; они мнѣ сильно напоминали лѣса Подольской губерніи, гдѣ протекло мое дѣтство и юность. Подъ самымъ лѣсомъ былъ большой, заросшій камышемъ прудъ, врѣзывавшійся своимъ верховьемъ въ самый лѣсъ, съ другой стороны, подпертый плотиною, внизу которой стояла мельница, откуда неслся постоянный шумъ воды, падавшей на мельничное колесо. На этомъ прудѣ я проводилъ цѣлые часы, медленно пробираясь въ лодкѣ среди камышей, ряски и круглыхъ водяныхъ лопуховъ, укрывавшихъ воду, подобно зеленымъ плоскимъ тарелкамъ. Мнѣ нравилось слушать кряканье дикихъ утокъ, спугнутыхъ мною и потомъ долго кружившихъ надъ прудомъ, или рѣзкій крикъ чортовой курицы, раздававшійся изъ камыша. Притаившись гдѣ нибудь, почти что не дыша, я слѣдилъ за нею, какъ она плыла, прямо вверхъ поднявъ свою головку и хвостъ, или же вскакивала на водяные лопухи и перебѣгала съ одного на другой, съ такою легкостью, что лопухи не успѣвали даже тонуть подъ нею.

Наконецъ, свѣдѣнія были получены, и я поѣхалъ на границу. Помню въ ту ночь, когда мнѣ пришлось переходить границу, я почувствовалъ сильный ознобъ и жаръ и такую усталость, что для облегченія сбросилъ

даже сапоги и черезъ самую границу бѣжалъ босой. Меня провожалъ одинъ контрабандистъ. Перебравшись на другую сторону, я съ большимъ трудомъ дотащился до желѣзной дороги, сѣлъ въ поѣздъ и поѣхалъ въ Вѣну. Въ Вѣнѣ я почувствовалъ себя до того скверно, что вынужденъ былъ взять вмѣсто 3-го класса билетъ 2-го класса и въ Женеву пріѣхалъ уже совсѣмъ больной. Мои прогулки по пруду среди камышей и водорослей, что я дѣлалъ безнаказно тысячу разъ въ своей жизни, въ этотъ разъ наградили меня страшной лихорадкой.

Прошло съ тѣхъ поръ семнадцать лѣтъ. Однихъ перевѣшали, другіе перемерли по тюрьмамъ и въ ссылкѣ. Всѣхъ погибшихъ — и не перечесть. Только изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣчалъ тогда въ Москвѣ, — а ихъ всего я видѣлъ тамъ семь человѣкъ, — четверо умерло. Умерли: Богдановичъ, Телаловъ, Лангенсъ, Марина Никаноровна. Живы ли остальные трое — не знаю; но, можетъ быть, и они умерли.

И наше революціонное движеніе умерло. А мы, живущіе, стоимъ надъ гробомъ нашей красавицы и разсуждаемъ о томъ, чего ей недостаетъ. Одни находятъ что-то, что слѣдовало бы измѣнить въ ея носѣ, другіе въ — подбородкѣ или въ косѣ; а и одни, и другіе, и мы всѣ, кругомъ стоящіе, словно не видимъ существеннаго, именно того, что красавицѣ нашей не достаетъ жизни; и что не въ косѣ тутъ дѣло и не въ бровяхъ, а въ живомъ духѣ, который отлетѣлъ, но который скрашивалъ когда то всѣ эти недостатки и дѣлалъ ее кра-

савицей. И сколько бы мы не придумывали теперь измѣненій и улучшеній (какъ это намъ кажется съ теперешней нашей точки зрѣнія), — все это совершенно ничтожно въ сравненіи съ тѣмъ, чего ей недостаетъ и чего — увы! — мы не въ силахъ ей больше дать; ибо кто же въ силахъ вдохнуть въ трупъ живую душу?

О революціи en permanence — старомъ мечтаніи бунтарей — теперь никто серьезно не станетъ говорить. Люди не могутъ находиться постоянно въ томъ высокоприподнятомъ состояніи, дѣлающимъ ихъ способными на всякія жертвы, какого требуетъ революціонная дѣятельность. Подобныя движенія обыкновенно присущи бываютъ одному поколѣнію людей и по наслѣдству не передаются. Дѣла, для которыхъ требуются великія нравственныя силы, не могутъ стать обыденными.

Наше революціонное движеніе, принявшее болѣе или менѣе систематическій характеръ въ 70-хъ годахъ, росло и поднималось до 1881 года. Кульминаціонной точкой его я считаю 1881 годъ; съ этого же времени начинается его паденіе, и оно слѣдуетъ въ этомъ направленіи неуклонно изъ года въ годъ. Какія бы умныя поправки мы не вносили теперь въ наши революціонныя программы, революціонное движеніе отъ этого ничего не выиграетъ, такъ какъ сущность дѣла заключается не въ программахъ, а въ дѣлахъ, въ томъ чѣмъ люди занимаются. Такъ, можно сколько угодно признавать необходимость террора и въ защиту его приводить самыя неопровержимыя доказательства, — и все таки террора не будетъ, если нѣтъ въ наличности людей, готовыхъ немедленно идти и умирать за него. Очевидно, дѣло съ терроромъ стоитъ теперь совершенно въ томъ же положеніи, въ какомъ стояла революціоно-народническая дѣятельность во время Чернаго передѣла.

Не лучше, какъ мнѣ кажется, дѣло обстоитъ и съ нашимъ соціаль-демократизмомъ въ революціонномъ отношеніи. Само собою разумѣется, пропаганда среди рабочихъ — прекрасное дѣло, какъ полезна, впрочемъ, пропа-

ганда и среди крестьянъ. Но считать подобную дѣятельность революціонной нѣтъ никакого основанія, такъ какъ революціонная дѣятельность состоитъ въ активной борьбѣ, а не въ подготовленіи къ чему то, что должно стать лишь впослѣдствіи, хотя бы это — что должно стать — и предполагалась активная борьба. Не нужно забывать того, что можно готовиться и не приготовиться, какъ не сдѣлались чернопередѣльцы революціонерами народниками, хотя все время къ этому готовились, и какъ не становится семинаристъ, готовящійся поступить въ университетъ, студентомъ до тѣхъ поръ, пока не выдержитъ экзамена. Занятіе съ рабочими и пропаганда соціализма у насъ совсѣмъ не новое дѣло; это именно то самое, чѣмъ занимались давнымъ давно, и съ чего собственно и началось наше революціонное движеніе конца 70-хъ и начала 80-хъ годовъ. Страстное желаніе поставить именно это дѣло на широкихъ началахъ, привело тогда послѣдовательныхъ людей къ столкновенію съ правительствомъ и придало всему движенію политическій и вмѣстѣ съ тѣмъ боевой революціонный характеръ. Но еще большой вопросъ, разовьется ли и въ настоящее время нѣчто подобное тому, что было, или же жизнь этихъ новыхъ кружковъ, трактующихъ объ организаціи рабочихъ и борьбѣ на экономической почвѣ — безъ политики — такъ и останется при своемъ теперешнемъ сѣренькомъ колоритѣ. Вопросъ, какъ мнѣ кажется, заключается даже не столько въ томъ, какой путь приметъ движеніе, т. е. нападательный, боевой, или же только оппозиціонный, какъ въ томъ, что будетъ поставлено ближайшей задачей — политика или экономическія задачи.

Пропаганда соціалистическихъ идей среди рабочихъ и крестьянъ, распространеніе вообще грамотности въ народѣ, — въ частности заведеніе школъ, — борьба съ эпизотіями и т. п., — на сколько ни полезна вся эта культурная дѣятельность, никоимъ образомъ, однако, она не должна поглощать всего вниманія современнаго русскаго общественнаго дѣятеля. Всѣ прошлыя попытки

этого рода достаточно наглядно, кажется, уже доказали что чѣмъ бы мы ни вздумали заниматься, какую бы скромную работу не поставили своей задачей, — мы всегда натолкнемся на наше вездѣсущее и всемогущее правительство, которое тотчасъ поставитъ препятствія и сдѣлаетъ или совершенно невозможной нашу дѣятельность, или же, по меньшей мѣрѣ, извратитъ ее до неузнаваемости. Такимъ образомъ, для русскаго общественнаго дѣятеля вопросъ объ обузданіи правительства или, другими словами, вопросъ о политической свободѣ самъ собою ставится въ первую очередь. Вотъ этого то мы и не должны забывать.

КОНЕЦЪ.